

CAUCASUS INSTITUTE FOR PEACE
DEMOCRACY AND DEVELOPMENT

Religious Sphere in Azerbaijan (2015-2016)

Islamism Is Knocking At Our Doors

Analitical Review, Essays & Interviews

THE FAR CENTRE, Baku Azerbaijan

Religious Sphere in Azerbaijan (2015-2016)

Content

Part I

- Key Recommendations for Part I & II
- Основные Рекомендации К Части I и II
- Islamism is Knocking at Our Doors, *by Hikmet Hadjy-zadeh*
 - Introduction
 - The “Muslim Unity Movement”
 - Freedom of Religion in Independent Azerbaijan
 - Islamic Political Activists
 - The Fight of the IPA on Two Fronts
 - The Islamic Party of Azerbaijan Seeks a Way Out of Isolation
 - Foreign Missionaries
 - Moderate Muslims – Juma Mosque Community in Baku
 - The Defeat of the Turkish Sect of Fethullah Gulen
 - The Basic Principles of Hizmət Hərəkəti
 - Wahhabis in the Shiite Environment
 - Excerpt from “My Wahhabi Friends” by Ibrahim Bayandurlu
 - Attempts to Carry Out Liberal Reform in Muslim Practices in Azerbaijan
 - Conclusion

Part II

- Выбираем направление для исследования.
- Замин Гаджи, Конец Мифа о Религиозной Толерантности В Азербайджане
- Беседа с активистами общины Джума мечети (в старом городе) 14.11.2015
- *Rashad Shirin*, Emergence of the religious public sphere in Azerbaijan
- Айюн Мурадханлы, Женский взгляд на Нардаранские события
- Интервью, Азербайджанские мусульмане в Грузии, – Почти никаких проблем
- Алтай Геюшев, Проблемы религиозной свободы в Азербайджане
- Этибар Алиев, Уроки религии в школе – в мире и у нас
- Интервью, Тофик Язублу и Ядигар Садыхов Тюрьмы как инкубатор религиозного экстремизма
- Рахман Бадалов, Моя нерелигиозность и моя гражданская позиция
- Интервью с популярным теологом и религиозным деятелем Гаджи Шахином
- Рахман Бадалов Моя нерелигиозность и моя гражданская позиция
- Эльхан Шахиноглу, Религиозный аспект во внешней политике Азербайджана
- Интервью с известным теологом и востоковедом Нариманом Гасымоглу
- Ахад Маммедли, Как я пришел к вере.
- Аида Багирова и Шафаят Салех, Новая либеральная конституция Туниса
- Эльхан Мехтиев, Наше село – люди и религия в советское время.
- Ильгар Ибрагимоглу Развитие исламской идентичности в Азербайджане
- Арастун Оруджу, Религиозный экстремизм и безопасность страны.

KEY RECOMMENDATIONS from Part I & Part II

The main actors of this research were:

- a) Members of religious communities
- b) Members of secular community
- c) Representatives from government institutions of Azerbaijan
- d) Members of the political opposition and representatives from human rights organizations

Giving democratic recommendations to a “Not Free” country (according to Freedom House Report - 2015) is an arduous task. Especially when the government of the country knows only one way of conflict resolution – repression. However, presuming that the government of Azerbaijan and other aforementioned institutions will, in fact, take into account the opinions of independent experts, we make the following recommendations based on our research:

I. The omnipresent violations of freedom of religion and other violations of human rights must stop. The legislation and implementation of such legislation in the spheres of freedom of conscience and freedom of religion must be improved to meet the standards of international covenants on human rights.

II. The religious communities of Azerbaijan should muster the strength to accept the Constitution of the Republic of Azerbaijan and international covenants on human rights, which guarantee freedom of conscience, equalize the rights of believers and non-believers, as well as men and women etc.

III. The dominant secular community should refrain from Islamophobia and paranoia when it comes to religious activists and uphold the policy of dialogue and cooperation with representatives of the religious communities.

IV. The government and democratic community should support moderate Muslim activists that denounce violence.

V. Moderate Muslims should openly and actively protest the violence and obscurantism committed by Muslim radicals.

VI. Islamic political parties in Azerbaijan (for example, “the Islamic Party”) need to have all the rights for campaigning and representation in the Parliament, if their election platform does not contradict the Constitution and international human rights covenants that forbid any kind of discrimination.

VII. The government of the Republic of Georgia needs to pay closer attention to illegal actions of Orthodox Christian extremists against religious and ethnic minorities, such as Azerbaijani community of Georgia.

VIII. Lately, the Azerbaijani public school religious education curriculum has been a point of active discussions. The curriculum needs to take into consideration both the local specifics and the experience of democratic countries.

IX. Taking into consideration the steady growth of religiosity, and an unfortunate growth of extremism, the government and civil society must start developing a nationwide program of possible conflict resolution methods between the religious community and the state.

X. There is a need to examine the experience of democratic countries regarding their policies towards so-called “totalitarian sects” that threaten the public morality and State security.

XI. The propagation of science, rationalism, and critical thinking needs to be strengthened (even returned to Soviet level).

XII. The society as a whole needs an open, sincere and maybe an unpleasant discussion about the problems of Islam in a democratic state. This will be a starting point for reform.

XIII. All of our research and recommendations on this topic were published in authoritarian and stable Azerbaijan. However, it is more likely that in a democratic regime, which will preclude repression, the relations between religion, society, and the State would be very different. The example of freer Georgia clearly shows that the state needs to consider the Church and the traditionalist believers because their votes in a parliamentary election can change the course of history (we can see similar processes in neighboring Turkey). Thus, we believe that there is a need to conduct a theoretical futuristic research on the topic of "Religion, society and the state in a democratic Azerbaijan of the future".

Основные Рекомендации к Части I и II

Главными действующими лицами данного исследования были:

- а) религиозное сообщество;
- б) секулярное сообщество
- в) государственные структуры Азербайджана
- г) демократическая оппозиция и правозащитное сообщество

Трудно давать рекомендации демократического характера «Несвободной» стране (согласно отчету Freedom House - 2015), правительство которой знает лишь один путь разрешения конфликтов – путь репрессий. Однако если гипотетически предположить, что правительство Азербайджана, да и другие вышеперечисленные участники процесса могут прислушаться к мнению независимых экспертов, то из нашего исследования можно извлечь следующие рекомендации:

I. Повсеместно наблюдаемые нарушения прав на свободу вероисповедания и другие гражданские права должны быть прекращены. Законодательство и практика в области свободы совести и вероисповедания должно быть приведено в соответствие с международными пактами о правах человека.

II. Религиозное сообщество должно найти в себе силы принять Конституцию страны и международные пакты о правах человека, гарантирующих свободу совести, уравнивающие в правах верующих и неверующих, мужчин и женщин и т.д.

III. Доминирующее сегодня в обществе секулярное сообщество должно отказаться от исламофобии и паранойи в отношении религиозных активистов и вести политику диалога и сотрудничества с представителями религиозного сообщества.

IV. Отвергающие насилие умеренные мусульманские активисты должны быть поддержаны правительством и демократическим сообществом.

V. Умеренные мусульмане должны активно и открыто протестовать против насилия и мракобесия совершаемых другими мусульманами.

VI. Активисты политического ислама (например, «исламская партия») должны иметь все права на деятельность и места в парламенте, если их программа не противоречит Конституции и международным пактам о правах человека, запрещающим всякую дискриминацию.

VII. Правительству Грузии следует уделять больше внимания противозаконным действиям некоторых православных экстремистов по отношению к религиозным и национальным меньшинствам и, в частности по отношению к азербайджанцам – гражданам Грузии.

VIII. Активно обсуждаемая программа религиозного образования в государственных школах наряду с местной спецификой должна учитывать опыт демократических стран.

IX. Учитывая неуклонный рост религиозности и, к сожалению, религиозного экстремизма, правительство и гражданское общество должно начать вырабатывать обширную общенациональную программу по разрешению возможных проблем и конфликтов во взаимоотношениях религиозного сообщества и государства.

X. Следует рассмотреть использование опыта демократических стран по отношению к, так называемым, «тоталитарным сектам», угрожающим общественной морали и безопасности страны.

XI. Пропаганда науки, рационализма и критического мышления должна быть усилена (если не сказать – возвращена к Советскому уровню).

XII. Обществу, в целом, необходимо открытое, искреннее, а возможно и нелицеприятное обсуждение проблем Ислама в демократическом государстве; все должно начинаться именно с такого обсуждения.

XIII. Все наши исследования и рекомендации в данной сфере увидели свет в авторитарном и авторитарно стабильном Азербайджане. Однако, скорее всего при демократическом режиме в стране, при режиме, исключаящем репрессии, проблемы во взаимоотношении религии, общества и государства будут совсем иными. Это хорошо видно на примере гораздо более свободной Грузии, где правительству во многом приходится считаться с церковью и традиционно настроенными верующими, голоса которых на выборах в парламент могут даже изменить ход истории (тоже происходит и в соседней Турции). Исходя из вышесказанного, считаем необходимым инициировать некое футуристическое исследование по теме «Религия, общество и государство в будущем демократическом Азербайджане».

Part I

Islamism is Knocking at Our Doors

MONITORING OF RELIGIOUS SPHEAR IN AZERBAIJAN 2015-2016

by Hikmet Hadjy-zadeh

President The FAR CENTRE

Dear passengers, if you see a suspicious person or unattended items, please, immediately inform the police or Baku Metro staff.

New announsmment in Baku Subway (Since 2015).

Introduction

“Religion returns to public life and politics around the globe”: these were the topics of scientific publications, conferences and headlines in the late 20th century. Contrary to the widespread “secularization theory” according to which modernization, secularization, and economic growth will lead to a decrease in religiosity in society, observers have noted a marked increase in religiosity and radicalism around the world.

Today, the most discussed topic in the scientific and news field is the growth of “Islamism” - Islamic radicalism and fundamentalism, the desire of more and more people to live in a state based on the “fair”, “clean”, “simple and clear” principles of the Holy Koran. Islamist calls in Azerbaijan, a country that emerged from 70 years of Soviet “scientific atheism” and anti-religious repression, are also becoming louder and louder.

There are several reasons for the growth of Islamist sentiment, such as the protection of traditional identity, the inability and unwillingness to live and work in new industrial and postindustrial conditions. In authoritarian countries, to which most of the “Muslim countries” belong, it is the fact that religious consciousness and religious activity have no alternatives against the background of suppressed rationalism and democracy. It is generally accepted, that the human psyche is experiencing a lot of stress in the absence of spiritual life and social activity, and mysticism and radicalism inevitably start to spread where freedom is suppressed.

On the eve of the celebration of the Muslim holy month of Ramadan (Eid al-Fitr) in 2015, the Azerbaijani media reported information from the Ministry of Justice, according to which the most common names for newborn boys are such names from the Islamic cultural heritage as Yusif, Ali, Huseyn, Muhammad...¹

According to media reports, on the first day of Ramadan (18 June 2015), about 10,000 believers gathered for Eid prayers around the city's Ajdar bey mosque designed for no more than 300 people. Another great activity was showed by believers at the time of Ashura - the day of remembrance of the slain Shiite leaders Hasan and Huseyn. On this day (23 May 2015) major funeral processions with banners were held in all major cities of Azerbaijan, speeches full of social protest were made, calls were heard for an end to “all-encompassing corruption and injustice” and demands were put forward for the release of dozens of religious activists arrested “on fabricated charges.” Clashes occurred with police in the second most populous city in the country - Ganja - as they tried to disperse an unauthor-

¹ <http://1news.az/society/20150708101708600.html>

ized funeral procession. Amazing activity was displayed by Azerbaijanis of Georgia who staged a mass funeral procession and a car rally with banners and posters in honor of Ashura in Marneuli (district in Georgia).

https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1626436440912238&set=pcb.1067452263287938&type=3&relevant_count=5

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1625139777708571&set=gm.1065246230175208&type=3>

This mass religious activity is taking place against the background of the complete defeat, and, accordingly, silence of the democratic opposition and civil society in the country. As of November 2015, the following people are serving sentences in the country's prisons:

- 12 journalists and bloggers;
- 7 human rights defenders;
- 4 youth activists;
- 5 political activists;
- 38 religious activists;

Amnesty International considers all these activists as political prisoners.

The above-mentioned religious activity is taking place against the background of the parliamentary elections (1 November 2015) completely controlled by the authorities and boycotted by opposition par-

ties, which representatives of the OSCE refused to observe, considering the environment in which they are held to be anti-democratic.

Significant activity (mass rallies and marches) observed in honor of Ashura in the village of Nardaran in Baku – a well-known bastion of Shiite conservatism. Observers draw particular attention to a speech at a rally in Nardaran by the new young religious leader Taleh Bagirzadeh (chairman of the “Muslim Unity Movement” (MUM)), who has just served a two-year term to which he was sentenced, as many believe, for his anti-government sermons. Accusing the authorities of corruption and despotism once again, Bagirzadeh concluded his speech by saying that the fight will continue despite threats of physical violence and even death:

“... Let them know that among our people there are followers of Imam Huseyn [who died in the struggle for justice]. We have people of the same nature as Imam Huseyn. They are ready to die, ready to spill their blood, but they will drown you in their blood! They will shed their blood, and drown you in this blood.”

Taleh Bagirzadeh. Nardaran, 23 May 2015

Bagirzadeh's speech was interrupted by shouts of support from the mass rally. The rally ended without incidents or police intervention, as they believed that it was probably

too dangerous to disperse an angry crowd of several thousand people. It is not clear yet what action the authorities will take against Bagirzadeh and his Muslim Unity Movement because usually they do not leave such speeches unpunished. Immediately after the rally in Nardaran, Taleh Bagirzadeh was summoned to the police and beaten up, but was released from the police station in the evening. His deputy Elchin Gasimov was detained by the police and arrested for 30 days “for resisting the police.” These police actions caused massive protests by MUM supporters who protested in front of the police station until they were dispersed by the police – about 20 protesters were detained by the police.

The “Muslim Unity Movement”

According to Bagirzadeh, the Muslim Unity Movement (Müsəlman Birliyi Hərəkatı) (MUM) was established in 2014 by him and his associates, when he was serving a two-year term in prison, for the purpose of uniting all the true Muslim forces of the country in the struggle for a just society. The constituent assembly of the movement was held on 13 January 2015, when Bagirzadeh was released from prison. In an interview with Azadlıq newspaper, one of the founders of the movement, Elchin Gasimov, said:

The Holy Koran says that if people do not begin to change their fate, Allah will not change their fate for them. The MUM will cooperate with all the Islamic forces of the country, including the Islamic Party of Azerbaijan. The MUM does not reject national values, but believes that all these values are an integral part of Muslim values. The MUM is against imperialism and cultural imperialism, which is trying to change our traditional identity.²

² <http://www.azadliq.info/58981.html>

Here are Taleh Bagirzadeh's statements about his vision of the aims of the movement in an interview with Turan news agency:

- Some Muslims, in their manifestation of faith, are content only with the execution of religious rituals – they pray and fast. However, this is not enough, because the essence of Islam is to build a just society without lies and violence. A Muslim should not be silent while facing injustice...

- I believe that [traditional] Muslims should adapt to [modern] society and be able to join efforts with other social groups.

- It does not matter whether you are religious or whether you carry out religious rituals, we can unite with you [in the name of common goals].

- The new generation of religious activists understands what is happening in the region and the world. They value human values. They want to put an end to oppression and restore justice. They live with the same problems as all our society. Our main demand, as well as the demand of the whole society, is fair elections.

- I consider terrorist groups operating under Islamic slogans to be enemies of Islam³...

The program of the MUM was not widely publicized, but, according to the statements of the leaders of the movement, the organization has set itself the following objectives:

- To become a leader of the religious movement in the country, replacing “the Islamic Party of Azerbaijan” as the vanguard of the religious movement in the country;

- To unite all activists and religious groups in the country;

- To overcome the traditional isolation of the Islamic camp from the secular protest movement and establish cooperation with the democratic camp in the country;

- If possible, to unite all the protest forces of the country – both religious and secular.

- To come to power through elections and end oppression and injustice in the country.

It is possible that Bagirzadeh and his supporters have chosen a model of functioning similar to the model of the Turkish Justice and Development Party led by Erdogan. Taleh Bagirzadeh says that he wants to come to power in a coalition with all the progressive forces in the country and through fair elections. “I do not want to establish Sharia law in the country, I just want to put an end to oppression and injustice”, Taleh Bagirzadeh said in an interview with well-known democracy activists. Such statements by Bagirzadeh actually mean that he wants to present his movement not as “purely Islamic”, but rather as “pro-Islamic.”

Time will tell whether this strategy is applicable in a country in which there are no fair elections and in which Islamists have still not renounced their desire to build a state based on Sharia law.

Time will tell whether the MUM will be able to withstand pressure from the authorities and remain a peaceful and moderate pro-Islamic movement to the very end. Today, against the backdrop of the defeat of the democratic camp, the MUM and other Islamist organizations can be one of the few forces that can bring changes to the political situation in the country.

POST SCRIPTUM from late December of 2016.

However, optimistic forecasts that the Islamic opposition will finally replace traditional democratic ones were not confirmed. On November 26, 2015 government Special Forces carried out police operation in Nardaran that ended with arrests of the head of the movement “Muslim unity” Taleh Bagirzadeh and other 14 activists of the MUM. During the operation six people, including two police officers, were killed and several people were injured. Police closed roads leading to the village. Next days 71

³ http://contact.az/docs/2015/Interview/081300126063az.htm#.VjIL4_krKhD

Nardaranies were arrested. Authorities accuse the MUM in an attempt of coup and establishing of a Religious State governed by Sharia. Taleh Bagirzadeh denies these charges against MUM.

*Special Police Forces in Nardaran.
November 28, 2015.*

On December 24, 2016 at the trial of the Nardaran case the State prosecutor called to sentence Taleh Bagirzadeh to life imprisonment, and other activists of the MUM for 11 - 20 years in prison. Deputy Chairman of Azerbaijan Popular Front Party Fuad Gahramanli is accused of anti-state calls in Facebook, inciting ethnic hatred, and calls to mass disorder to Nardaran people and the prosecutor asked 11 years in prison for him. The next hearings are scheduled for January 9, 2016.⁴

Thus, one can surely conclude that Islamic opposition in Azerbaijan has now been completely destroyed.

Freedom of Religion in Independent Azerbaijan

Many observers predicted that Islamism has the potential to become almost the main opposition actor in the devastated political arena of the country, and all this has happened in spite of the persecution of religion in the last 100 years, both under the Soviets and in independent Azerbaijan.

In the pre-Soviet period, as a result of developments in the Russian Empire, the political and economic situation in the region and under the influence of its own traditions, Azerbaijan formed a strong educational and anti-clerical movement, at the origins of which such thinkers as Mirza Fatali Akhundov, Hasan bey Zardabi, Jalil Mammadguluzadeh and others stood. The desire of society to get rid of medieval religious obscurantism was so strong that this secularist movement became part of Azerbaijani identity and is still strong in modern Azerbaijan.

In the 70-year Soviet period, Islam and respectively Islamic integristism were completely repressed. In the 1.5-million-strong capital of Azerbaijan, there were only two mosques, and the clerics (akhunds) in them were under the strict control of the security services. However, even in Soviet times, the struggle of the secularists against “vestiges of the past”, for gender equality, rationalism, modernism and “broad views” continued. One of the symbols of this struggle was Sevil – a character of a play under the same title by the famous playwright Jafar Jabbarli (1928), dedicated to the liberation of Azerbaijani women from the bondage of “religious obscurantism.” Sevil became so popular that in 1957, a monument was erected to this literary character in the center of the capital – “Azerbaijani woman taking off the veil”; in 1959, an opera was staged on the same theme; and finally, the future president of Azerbaijan, Heydar Aliyev, named his daughter, who was born at the time, Sevil.

⁴ <http://contact.az/search/document.php?id=84253&vr=en#.WGQfjl95PY>

Monument to the liberated woman of the East (Sevil), Baku.

It was a golden time for the secularists, when their main tasks were resolved by the Communist government in Moscow.

However, with the fall of the communist regime and society gaining some individual and civil liberties, the picture began to change. Religion began to return and occupy a place of honor in society.

If in the Soviet period (before the end of the 1980's) it was dangerous openly to declare your faith in God. FAR CENTRE's National wide Opinion Poll's show that

- in 1998, 71% of respondents in a nationwide opinion poll confidently declared their faith in God⁵;
- in 2004, a survey revealed 96.7% of believers;
- according to the nationwide opinion polls (1,000 respondents) we conducted among the youth of the country in 2010,
- 95% of young people said they believe in God (2008 - 88%, 2009 - 96%).
- however, on average, only 15% of respondents regularly conduct religious rites (2008 - 13%, 2009 - 13%, 2012 - 16.9%).⁶

As it can be seen from these data, the growth of religiosity in the country is evident. However, we can make one more conclusion here: the number of deeply religious people (those regularly performing religious rites) over the past 7 years, according to our estimates, has reached a certain level of about 15% of the population and is no longer growing.

In 1992, under the rule of President Elchibey, the parliament passed a law on "Freedom of Religion" and dozens of new religious organizations were registered. In the same year, under a presidential decree, places of worship were returned to believers and religious education became free. Officials began to appear at religious ceremonies and politicians started flirting with the faithful. The Islamic Party of Azerbaijan was officially registered.

However, Iran tried to benefit from the religious factor, spending hundreds of thousands of dollars on promoting an Islamic regime in Azerbaijan, according to press reports. Fearing the growing influence of the ideas of the Iranian Islamic revolution, an anti-democratic provision was introduced in the

⁵ The poll was conducted in 1998 by the Philosophy Institute of the Academy of Sciences of Azerbaijan

⁶ The poll was conducted in 2004 by the FAR CENTRE under the leadership of the author of this article. The polls were conducted in 2004, 2006, 2008, 2009, 2010 and 2012 by the FAR CENTRE under the leadership of the author of this article.

law on “Freedom of Religion” prohibiting religious leaders from running for parliament. The fear of pro-Iranian religious activity gradually strengthened and the law on “Freedom of Religion” (1992) became subject to constant criticism in society as too liberal.

Meanwhile, President Heydar Aliyev, who came to power in 1993, started a major campaign of repression against his political opponents and any uncontrolled social activity and dissent. Prisons became filled with democratic activists and the media began to be exposed to financial and sometimes physical pressure. Public space – a space for dialogue and mutual understanding – was gradually disappearing.

The new president also focused on the religious sphere. In 1996, the parliament amended the law on “Freedom of Religion” banning the activities of foreign missionaries and local religious communities from registering with centers of traditional religious organizations. Both government and some opposition papers, for fear of the “Iranian” or “Algerian option”, often accused religious organizations of activities against the State.

On 15 October 1996, by the decree of the Cabinet of Ministers, foreigners in the country were banned from engaging in religious propaganda. The State Committee for Religious Affairs began re-registration of all religious organizations. The attitude to new religious organizations is based to a large extent on the recommendations of the so-called “Mother churches”, which, of course, have little sympathy for new and vigorous competitors from abroad.

President Heydar Aliyev started a crackdown on Islamic political activists: he abolished the registration of the Islamic Party in 1995, and in May of the same year, its leaders were arrested. Despite this, it turned out that all these repressive measures did not work. Islamic activism and religious extremism continued to grow both worldwide and in Azerbaijan. Deprived of the opportunity to participate in the democratic debate and civic engagement, residents of the country became increasingly closer to religious groups.

The next president, Ilham Aliyev (2003-) had to face armed extremists, and during this period, any uncontrolled religious activity, both Islamic and Christian, began to be persecuted. To suppress terrorist activity, in April 2011 the government carried out a large-scale police operation against Wahhabi groups in the cities of Baku, Ganja and Sumgait and in Gakh, Zagatala, Sheki, Gusar, Absheron and Khachmaz districts.

However, under the pretext of combating religious terrorism, Islamic democrats (represented by the Juma Mosque community, headed by Ilgar Ibrahimoglu) and believers who did not even claim social influence began to be persecuted in the country. Censorship on religious literature was introduced; independent religious communities started to lose registration; religious leaders who had studied abroad were banned from activities in mosques. There appeared a big problem with hijab (female veil) in schools and universities (2010), which caused strong protests from the faithful. Independent religious communities were closed. Despite the protests of the faithful, the Abu Bakr and Shahidlar mosques were closed in Baku and visits to Ilahiyyat and Fatmei Zahra mosques were temporarily suspended. A few more mosques were demolished as “illegal buildings.” All this was done without any public discussions or negotiations with the religious community.

Islamic political activists

In the course of the struggle for independence (1988-1991), so-called “Islamists” (Islamic political activists) appeared on the political scene and actively supported the secular Popular Front of Azerbaijan. The leader of these Islamists, Haji Alakram, was even elected to the PFA Board and deserved respect among democrats for his activities.

However, in 1991, Haji Alakram and his supporters separated from the PFA and announced the creation of the Islamic Party of Azerbaijan (IPA), which stood out for its extremely pro-Iranian orienta-

tion. The aim of the IPA was said to build an Islamic State in the country, based on the model of the Islamic Republic of Iran.

As noted above, the country's new leader, Heydar Aliyev, cancelled the registration of the IPA in 1995, and in May of the same year, nine members of the leadership of the Islamic Party were arrested on charges of collaboration with the Iranian secret services. Political Islam was actually outlawed, but it was impossible to completely suppress IPA activists. They still continue to act in public, although they are occasionally arrested for their protests and statements.

The subject of the protests by IPA activists is mostly social injustice, violation of civil (often electoral) rights; in foreign policy the IPA acts synchronously with the Iranian government – in support of Palestine and against “world Zionism” and “Western imperialism.” Of course, the IPA continually advocates for religious rights, which according to the IPA, are increasingly violated by the current government.

One of the mass campaigns of the IPA was a series of active protests against the government's ban on girls wearing the hijab in secondary schools (autumn 2010). During these protests, the new leader of the IPA, Movsum Samadov, desperately attacked the president and his family, calling them infidels and enemies of Islam, against whom every Muslim must wage a jihad. Movsum Samadov and people close to him, including his relatives, were arrested (early 2011) and are still under arrest.

Opinion polls do not reveal any significant popularity of the IPA. Nor is the IPA supported by the democratic community of the country. Nevertheless, several hundred activists of the IPA continue their work with perseverance and courage, because, obviously, they can count not on the favor of the voters, but on the favor of Allah, whom they believe is on their side.

The Fight of the IPA on Two Fronts

The IPA actually has to fight on two fronts. On the one hand, it is the authoritarian government that tries to stop any uncontrolled activity in any sphere of public life. On the other, it is the influential secularist movement in the country, to which the majority of democrats and the majority of members of the ruling regime belong. Furthermore, opposing any ideas that came from the West, Islamists lost the support of the world democratic community too.

The situation of religious activists is aggravated by “Islamophobia”, which developed both worldwide and in Azerbaijan after the 9/11 events.

The Islamic Party of Azerbaijan Seeks a Way Out of Isolation

Having undergone repression by the authorities, Islamic Party activists, who remained at liberty and among whom are sincere believers and good people, became a group of outcasts persecuted from all sides. After a year of reflection and soul-searching by mid-1997, a group of IPA activists began work to revive the party.

The new Islamic Party leaders decided to make the following tactical changes:

- To change the name of the party and name it a party of “Muslim Democrats”;
- To adopt a new program that would give more prominence to democracy, the Constitution and human rights (those words probably had to be repeated more often than usual);
- To try to nationalize their religious propaganda, the well-known Islamic formulas should now be pronounced in the Azerbaijani language, to touch on national problems more;
- To extricate themselves from isolation and enter into an alliance with other opposition forces.

As it became known, within the Islamic Party there was conservative opposition to the new line. Therefore the new party leadership had to maneuver between orthodox groups and their challenges that required renewal of the Islamic Party.

As part of the program to overcome the isolation, the new leaders of the IPA concluded a political agreement on cooperation with the small Liberal and Social Democratic parties in autumn 1997. The papers wrote about these agreements with great surprise and were unable to find out what the liberals and the Islamists had in common.

The next aim of the IPA was the main opposition party – Musavat. After private talks with the leader of the party, Isa Gambar (presidential candidate in the 2003 elections), the Islamists presented a cooperation agreement to the Board of Musavat in early 1998.

Under this agreement, the IPA and Musavat undertook:

- To strengthen independence, deepen democracy and defend the countries (liberal) Constitution.
- To cooperate in the presidential elections in autumn 1998 (meaning that the Islamic Party would support the presidential candidate from Musavat).
- To jointly combat proselytism and non-Muslim sects.

The Musavat Board discussed this draft for about 2 months. There was nowhere to hurry, because there were still about 9 months to the elections. At first, the desire to get another group of supporters in the presidential election prevailed. It was decided to remove the provision about the joint struggle against missionaries from the text and sign the agreement.

However, in the end, doubts about the ethics of an agreement between democrats and a political organization that had not determined its position yet, forced the governing body of Musavat to take a different decision.

“We will sign the agreement only when we see that the Islamic Party has become a truly democratic organization and correctly understands the words democracy, constitution and human rights. And therefore, it is first necessary to sign a protocol of understanding with the IPA and on the fact that we share the same values, and only after that, will we be able to cooperate,” the Board decided.

Islamic Party leaders were invited to talk with members of the Musavat Board. And I (Hikmet Hadjy-zadeh), as a member of the Musavat Board, also participated in it. The conversation turned out to be extremely useful in clarifying the positions of both sides.

It became clear from the conversation that some members of the Islamic Party understood democracy as the democracy of the Iranian regime – the Velayat-e Faqih system. For example, one of the members of the IPA leadership, talking about the essence of the Velayat-e Faqih system, willingly shared with us his thoughts on the fact that “people cannot be allowed to resolve big questions, as they are fallible. There should be religious leaders, theologians (ayatollahs), who determine the framework within which ordinary citizens will be able to vote.” After that, it became clear from their words that “if Muslims form the majority in the country, democracy requires us to have Islamic laws too.” As for the Constitution, “it can be tolerated today and changed tomorrow according to one’s own purposes.”

In response to these explanations, members of the Musavat Board presented the guests with the draft protocol of understanding. Its text seemed surprising to the Islamists “democracy”, which seemed simple at first glance, concealed certain “pitfalls.”

The text of the Protocol read as follows:

We, the parties that signed the Protocol, admit that

- The rule of the majority should be limited by human rights enshrined in the Universal Declaration of the United Nations.
- Religion is a personal matter and should be separated from the state.
- A person has the right to believe or not and is free to change his religion.
- A person has the right to practice his religion privately or in a group of like-minded people and freely spread his faith regardless of State borders.

- Our goal is Azerbaijan, not the entire Islamic world.

After hearing the arguments of Musavat and taking a copy of the document, the IPA members said goodbye. They promised to study the protocol and express their opinion. The answer was ready surprisingly quickly, the next day. Probably, the IPA ideologists had long prepared these answers:

- The Universal Declaration of Human Rights was written by people, and we recognize only the rights handed over to humans by Allah.

- If religion is separated from the State, there is no place for religious people in it and it is a godless State.

- A person is free in his faith (Judaism, Christianity, Islam), but sects are a false faith.

- A person can change his religion by converting from Christianity to Islam, but not vice versa. The Koran forbids it as Islam is the highest and last of the religions.

- A person has the right to practice any of his beliefs in private, but not in a group, and he is not free to disseminate any belief confusing the youngsters and people with imperfect faith.

- Our goal is Azerbaijan and at the same time, the entire Islamic world.

Carefully reading this answer, the Musavat Board came to the conclusion, that it was probably a manifestation of the intense internal struggle between supporters of renewal and orthodox groups within the Islamic Party. The agreement has still not been signed.

Foreign Missionaries

At the time, the IPA was not the only important Islamic phenomenon in Azerbaijan. Researchers in this field paid close attention to the activity of Islamic missionaries from Iran, Turkey and the Gulf countries in Azerbaijan.

After the fall of the "Iron Curtain", Azerbaijan was flooded by various Islamic missionaries spreading the Turkish (followers of Fethullah Gulen), Iranian and Wahhabi (Salafi) versions of Islam. The latter two were openly and strongly opposed to the secular and modernist course of the country. Iranian religious missionaries in Shiite mosques openly preached ideas of the Islamic Revolution, provided financial aid to their supporters and recruited young students among the population to study in the religious centers of Iran to further use them for their own purposes in Azerbaijan.

Wahhabis were also acting in secret, creating clandestine religious circles, in which they taught their own version of Islam with great success. This doctrine almost openly called for the extermination of all (and, above all, the Shiites) who disagreed with Wahhabism.

The question of how Wahhabism was able to put down roots in a predominantly Shiite country requires a special study. However, soon the government, concerned about the popularity of this trend of Islam, decided to foil the activities of Wahhabi missionaries. They were expelled from the country, but it was too late - Wahhabism (Salafism), sometimes in the most aggressive form, began to spread in the country without foreign missionaries.

The 9/11 events further ratcheted up public concern about the possible development of terrorism in the country. Very soon, the public learned that the secret services of the country are fighting armed Azerbaijani Wahhabi and Shiite groups operating in the country or fighting in Chechnya, Afghanistan and Middle East; one of these Azerbaijani Wahhabis even ended up in the US prison at Guantanamo.

Moderate Muslims – Juma Mosque Community in Baku

Members of the Juma Mosque community in the Old Town can rightly be called moderate Muslims and be recognized as part of the democratic movement in the country.

The Juma community (Shiite Muslims) was registered on 25 August 1992 by the Ministry of Justice (under the government of Elchibey). The core of the community were members of the religious organization "Islam Ittihad" (*arab. - Islamic Union*).

The Islam Ittihad organization was created in 1991 by a group of young religious people under the leadership of engineer Azer Ramiz oglu Samadov. Some activists of Islam Ittihad and Azer Samadov himself were former members of the Popular Front who quit in protest “against violations of strict principles of ethics and democracy by the Front.” In 2000, Ilgar Ibrahimoglu Allahverdiyev (born - 1973) was elected imam of the Juma Mosque. He received an economic education at the Institute of Futurology and a theological education at the theological faculty of Tehran University, where he defended his thesis on “Islam and the philosophy of the East: points of contact.”

In 2000, members of the community created a right organization concerned with freedom of conscience (DEVVAM). DEVVAM protects not only the religious rights of Muslims, but also followers of other denominations. In 2002, DEVVAM became a member of the International Religious Liberty Association (IRLA) with headquarters in Washington, and Ilgar Ibrahimoglu took over as general secretary of the Azerbaijani branch of IRLA. In 2002, Ibrahimoglu visits the OSCE-sponsored International School of Human Rights in Warsaw led by one of the leaders of the Polish Solidarity - Marek Nowicki. In mid-2004, Ilgar Ibrahimoglu was nominated for the post of official UN rapporteur on religious freedom. However, later he had to withdraw his candidacy due to a brutal crackdown on the community launched by the government in July 2004.

From the very beginning, members of the community rejected the claim of the Department of Muslims of the Caucasus (DMC) to play a dominant role among Muslim organizations and communities confirmed by the law on religion. The community believes that the DMC is controlled by the government and is an extremely corrupt organization.

In the 24 years of its existence, the leadership of the community carried out great historical transformation in its views. The romantic attitude towards the Islamic Republic of Iran turned into a very critical attitude to this regime here. The fight for their religious rights eventually led members of the community to the liberal understanding of human rights. The community began to share and promote liberal ideas, including the idea of a pluralist democratic state in which freedom of religion would be provided for all. The Juma Mosque could be easily visited not only by Shiites, but also by representatives of other currents in Islam.

The social activities of the community were well covered in the press. It is pursuing the following programs: “Help to thalassemia patients”; “Motherland without orphans”; “The fight against alcoholism and drug abuse”; “Islamic education” and a program to help needy families.

The religious and ethical views of the community, according to Ilgar Ibrahimoglu, lie in the principle: “Religion and corruption are incompatible.” Members of the community strictly kept to this maxim. Juma Mosque community members can be rightly called the first Muslim democrats in the country.

The community of the mosque is managed by an elected imam – from 2000 to this day, it is Ilgar Ibrahimoglu. The permanent number of believers attending Friday prayers at the mosque was about 600.

Repression and persecution have accompanied members of the community almost since its inception. The refusal to follow the “main” Muslim organization and pronounced independence from the state and any older brothers led to the fact that in the mid-1990s, both the pro-government and opposition press accused the community of all kinds of sins and first of all, of pro-Iranian orientation. This situation changed at the end of the 1990s, when the democratic nature of the Juma community, which was unique for religious organizations, became obvious and the progressive part of the civil and political community started to give it all kinds of support. For its part, in their sermons the leadership of the community intensified criticism of corruption and human rights violations in the country.

Support from the democrats of the country, however, increased pressure on members of the community from the government and pro-government media. This pressure particularly intensified in the light of the tragic events of 11 September 2001 when, along with the antiterrorist campaign, a wave of

Islamophobia swept through the world, targeting many dissident Muslim activists. Government officials and the media began to spread rumors in society and among the diplomatic corps about the community's links with Iran and their secret activities against the state, while community members welcomed the operation against the Taliban, whom they regarded as people who disgrace Islam, and the campaign to overthrow the bloody dictator Saddam Hussein in Iraq.

It can be said that after the 9/11 events, the crackdown on members of the community was on the rise. Once again, the Ministry of Justice has refused to register the human rights organization DEVVAMM. The DEVVAMM office is periodically raided by the police. Two members of the community were fired from their job due to their membership in the community. A member of the community - the owner of a small shop, who refused to give a bribe to the police for religious reasons, was accused of "resisting the police" and is arrested for 20 days. There are many such cases of persecution. All this is happening against the background of continuous threats from government agencies and the Department of Muslims of the Caucasus, demanding an end to criticism of the government and corrupt official Islam in the country. The government media called Ilgar Ibrahimoglu a Wahhabi, a member of Al-Qaeda, Khomeynist, a Shiite radical and an agent of Western secret services and secret Protestant.

In the presidential elections of 2003, activists of the community totally supported the democratic presidential candidate, and after that, the community was faced with a heavy crackdown. The leader of the community Azer Samadov was forced to leave the country for fear of arrest and found asylum in Europe, and the religious head of the community, Imam Ilgar Ibrahimoglu, was sentenced to 5 years in prison for taking part in the riots that took place the day after the election. But as a result of the international campaign on his behalf, he was released from prison after 4 months.

In 2003, court hearings began on the eviction of the community from the mosque. Despite all appeals from the democratic public of the country and the world, the court, which was entirely controlled by the executive branch of power, decided to evict the community. The eviction took place at the beginning of July 2004. The eviction had the nature of a brutal police action, which was opposed by about 3,000 believers. All democratic organizations and parties of the country, international human rights organizations, Council of Europe and US officials spoke out in defense of the community. However, all this support did not prevent the eviction of the community. During the police operation, more than 70 members of the community were arrested for various brief periods... From then until the present day, the community moved on to semi-legal status, holding its religious and social gatherings in private homes.

After his release, Ilgar Ibrahimoglu continued his religious and human rights activity. In answer to our question about the authorities' attitude towards religious organizations, Haji Ilgar noted:

"I do not agree with the opinion that the state treats religious communities based on the extent of their 'traditional' or 'alien' nature. The authorities are simply trying to place all cells of civil society, including religious organizations under their full control. The authorities tolerate only religious organizations (regardless of faith) that actively promote the incumbent regime in their prayers or, in extreme cases, do not show any public activity. In general, the authorities are trying to suppress opposition to government policy in any form, both secular and religious."

Despite all repression, the Juma community continues to be an integral part of the democratic movement in the country, actively helping democratic candidates in elections and taking part in numerous campaigns in defense of human rights in the country.

The leadership of the community believes that the legislation in the area of religious activities is not consistent with the Constitution, international standards and Azerbaijan's obligations in the field

of human rights; it is extremely undemocratic, and only provisions of the laws that limit the freedom of faith are being enforced. Juma community activists criticize the introduction by the government of:

- The demand for the registration of independent religious organizations in the mother church that are under the full control of the government;

The Juma Mosque community, headed by its leader Ilgar Ibrahimoglu, visits the memorial of the fallen for the independence of the country.

- The ban on the participation of religious leaders in the elections to parliament;
- Censorship of religious literature;
- The ban on the wearing of hijab in schools;
- The ban on female citizens to have their photographs taken in hijab for ID cards (passports and other documents)
- The ban on the religious activity of priests who studied abroad;
- Restrictions on freedom of assembly and association...

In 2004, the community opened the website Deyerler (Values - Azerbaijani) in the Azerbaijani language <http://deyerler.org/>, which contains news and religious information – clarification on issues of religious practice and religious-ethic sermons.

The Defeat of the Turkish Sect of Fethullah Gulen

Representatives of the Turkish sect of Fethullah Gulen - “Hizmət Hərəkəti” (Movement of Service [to the people]) appeared in Azerbaijan in the mid-1990s and were welcomed by both the government and society, because according to their activities in Turkey, Gulenists spread ideas of moderate Islam and Turkism. Moreover, the sect had significant support in the secular government of Turkey, which considered the sect to be a successful counterbalance to radical Islam and a good tool to increase Turkish influence abroad.

Gulenists showed almost no public activity in Azerbaijan, turning a blind eye to injustice and corruption prevailing in the country and offering prayers in support of the current government. The leadership of the sect focused mostly on religious and secular education for Muslims.

For radical Muslims who urged the leadership of the sect to finally start a holy jihad for the establishment of a true Islamic State, Gulenists had the following answer ready: “Of course, we will eventually build an Islamic State, but first we need to raise the level of education among Muslims – illiterate people cannot create anything good.”

Activists of Hizmət Hərəkəti appeared not only in Azerbaijan but also in former Soviet republics of Central Asia, and with the support of the governments of these countries, they built a huge educational network consisting of about 80 secondary schools and other educational institutions of a secular nature, which, however also covertly taught ideas of “modern (moderate) Islam.” In addition, there is a

certain number of adherents of the sect among small and medium-sized businesses, and they are also in the law enforcement agencies. The total number of followers of Hizmət Hərəkəti in Azerbaijan is estimated at 10,000 people.⁷ In Azerbaijan, Hizmət Hərəkəti owned 12 secondary schools and gymnasiums, Caucasus University and the Araz educational courses with a total of about 5,000 students. All these institutions stood out for their high level of education and lack of corruption, which was important for students in Azerbaijani realities with a crumbling education system.

“Caucasus University”, Baku

The Basic Principles of Hizmət Hərəkəti are as Follows:

- Sunni Islam. - Rules and customs of the Sufi sect of Nakshibendi.
- Rules and customs of the Nurchu movement (moderate Islam).
- Anti-communism (as opposed to Soviet influence).
- Conservative nationalism - Turkism.
- Pragmatism - The adoption of and compliance with international standards of modern capitalism.
- Not to contradict democracy and secularism (in the 1990s, Fethullah Gulen even condemned the protest movement for hijab in Turkish universities).
- Tolerant attitude to Israel.

All these principles synchronized with the principles of the ruling elite of Turkey and Azerbaijan of the time. Thus, Hizmət Hərəkəti was favorably received by the then Azerbaijani President Heydar Aliyev, who said in June 1999: “Fethullah Gulen is needed not only by Turkey and the Turkic world, he is needed all over the world!”⁸

However, Azerbaijani society developed a dual attitude to Hizmət Hərəkəti. On the one hand, everyone recognized the great positive role of the movement in education in the country, but on the other hand, the democrats did not like the conformist position of the leaders of the movement on human rights violations and corruption in the country. In addition, Shiite religious leaders disliked and, at times, were hostile to Hizmət Hərəkəti, seeing the Gulenists as Sunni rivals in catching the souls of believers. The closed nature of the sect was particularly disliked – in the public sphere it was possible to find a sufficient number of critical articles about Hizmət Hərəkəti, but it was hard to find the reaction of the sect leadership to this criticism. What really happened inside the sect was unknown to the public.

Nevertheless, the Hizmət Hərəkəti schools continued to operate successfully. But soon there appeared a more serious accusation against the sect: the leadership of the sect was accused of trying to train a new pro-Gulen elite for the country in their schools, without attracting attention – and implant it in the ruling circles in order to change the system from within. In this case, Hizmət Hərəkəti used

⁷ Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. – Баку: «Адилъоглы», 2012. – ISBN: 978-9953-25-132-6.

⁸ See.: Фарук Марджан. 1980: Самые трудные годы Гюлена.

the tactics of secret societies (masons, etc.) wellknown in the history of Western Europe. The relative calm ended for Hizmæt Hərəkəti with the rise of Tayyip Erdogan's party to power in Turkey. They did not share the above principles of Fethullah Gulen. Turkey began a crackdown on the sect. Erdogan launched a real "witch hunt" and purged Gulen's supporters from government agencies. This campaign was called "a fight against parallel structures of power."

Soon Erdogan drew attention to the international network of Hizmæt Hərəkəti in the Turkic republics of the former USSR. The new president of Azerbaijan, Ilham Aliyev, was informed by Erdogan about the "Masonic conspiracy" of Hizmæt Hərəkəti – about Azerbaijani "parallel structures of power" and was given lists of Azerbaijani officials supporting Gulen. Erdogan strongly advised Ilham Aliyev to expel these people from governmental structures, which is what happened. Azerbaijani society was to learn from government media about the great number of Gulenists in the government and even in the presidential administration and about how dangerous they were.

In March 2014, the government of Ilham Aliyev started a purge - many high-ranking officials who turned out to be supporters of Hizmæt Hərəkəti were dismissed. In particular, the head of a department at the presidential administration – Elnur Aslanov, the vice-president of SOCAR – Khalig Mammadov, the chairman of the State Committee for Affairs of Religious Organizations - Elshad Isgandarov, his deputy - Gunduz Ismayilov, member of parliament Jeyhoon Osmanli were dismissed from their posts. As for the high quality educational network established by Hizmæt Hərəkəti in Azerbaijan, the authorities as usual got their hands on it. Now they have been handed over to the State Oil Company (SOCAR) and continue to operate.

After the last military coup in Turkey (July 15, 2016), which was headed allegedly by some Gulenists, all members of the sect were outlawed in Turkey and Azerbaijan (under the pressure of Erdogan). Members of the sect were arrested, dismissed from work, their property was seized, Gulen's schools in Azerbaijan came under direct State control.

Thus, after the defeat of the democratic camp, another peaceful, moderate network advocating for civic education, was destroyed, and there is no one but the radical religious underground to appeal to for spiritual food.

Wahhabis in the Shiite Environment

Since the initial period of the independence of Azerbaijan, there have been two main problems in the sphere of religion: the problem of freedom of religion and the problem of religious extremism. And, unfortunately, today the problem of religious extremism has become one of the major problems of our society. Killings and intimidation of opponents; organized terrorist activities; the lack of any tolerance of dissent, unwillingness to engage in dialogue – that's what characterizes the activity of religious extremists in the country today. Today even discussing the problems of Islam is dangerous – extremists may immediately declare you an enemy of Islam with disastrous consequences for you...

Nevertheless, yet the activity of radical Islamists manifests itself more abroad than at home. Apparently, the harsh authoritarian regime does not allow extremists to develop here. Today, our newspapers are full of reports about the latest Azerbaijani groups found on the fronts of jihad in Afghanistan, Syria and Iraq. Others are detained at the border while trying to return home. There are many reports of the trials of local jihadists who have returned after fighting in the Middle East. Both Sunnis and Shiites go to participate in jihad – some for Bashar al-Assad and others against him, fighting on the side of "Islamic State". According to researchers, about 300 fighters from Azerbaijan (700 people from the UK) are involved in all kinds of jihad today.⁹

In the question of the radicalization of the movements, excerpts from the investigation into the causes of radicalization of an individual and ways of spreading Wahhabism in a Shiite country, con-

⁹ Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. – Баку: «Адилюглы», 2012.

ducted at our request by the well-known Azerbaijani journalist Ibrahim Bayandurlu, may be interesting. In his investigation entitled "My Wahhabi friends", Bayandurlu describes the transition from a traditional human Shiite family to the ultra-conservative Sunni wing of Islam - Wahhabism (Salafism), the Sunni community "Ahli Sunnah Wal Jama'ah", in which jihadists are mostly recruited:

Excerpt from "My Wahhabi Friends" by Ibrahim Bayandurlu:

"... Religion performs a number of functions of both an individual and social nature. Many psychologists tend to assume that religion helps people to formulate and find the meaning of life, feel control over the course of daily routine and protects against the fear of death and uncertainty. For example, this is what Freud believed. Psychologist Spilka believes that religion helps people to overcome their internal shortcomings and weaknesses; however, the scientist warns, this way leads people to rigid, i.e. inflexible religiosity... too often the result is a tough, inflexible and tyrannical faith. A characteristic feature of this religiosity, which has a neurotic basis, is the image of a formidable, demanding and punishing God used to suppress unacceptable desires."

I am writing this article as a wave of Sunni Islam including of Wahhabi persuasion is spreading in Azerbaijan, swallowing new segments of the Shiite religious community of the country. For me, it turned out to be amazing how quickly this ideology is winning the hearts and minds of Russian-speaking Azerbaijanis, among whom there are many people with a fairly high social and educational level.

There is a new generation of intelligent Sunni preachers in the country who have effectively modernized their methods of propaganda (which we cannot say for Shiite preachers).

Armed with literature of excellent printing quality, they are able to meet almost the entire set of psychological requirements of a believer. Take, for example, the cognitive need of people. All new Sunni literature, whose aim is the initial initiation into Islam (Davat), is based on the consistent refutation of the postulates and stereotypes that were imposed and instilled by the Soviet atheistic school. Skillfully denying conceptually integral atheistic books in Russian, the new preachers immediately manage to reasonably and tenaciously provide any believer with an alternative model of the worldview.

The new ideological Sunni propaganda successfully satisfies such psychological needs as fear of social reality and social tomorrow. This is due to the fact that, for example, often through a scientific-sounding sermon, people are inculcated with skills of psychological self-stabilization and strong belief in the future.

Using such methods, the new Sunni community – "Ahli Sunnah Wal Jama'ah" quite effectively solves the problem of daily socially produced neurosis. In the process of at least weekly visits to the mosque, a socially and neurotically infected parishioner often hears good worldly advice and produces negative energy. Generally, Ahli Sunnah Wal Jama'ah, which I am monitoring, has a very strong desire for social solidarity, and it is not by chance that there is an entire layer of young Sunnis in the country interacting in control over separate areas of Azerbaijani business. The community includes not only businesspersons. According to my information, more than a third of operatives of the external surveillance service of the Interior Ministry of the Azerbaijan Republic have become followers of Wahhabism (Salafism). I also know senior officials of various departments of the Cabinet of Ministers and law enforcement agencies that have converted to Wahhabism. Furthermore, I know some of those who decided to leave public service for religious considerations – "there is too much sin and injustice here" they said. Now, let's move on to some specific examples, which I happened to run into, my Wahhabi friends.

The Case of Maarif

We are talking about a man aged 29-30, who has been practicing Islam of Wahhabi persuasion for six years. He has a secondary education and studied in a Russian school. Before proceeding to the description of his story, we should say a few words about the biography of his parents, as well as the environment in which his mentality formed before he "came to believe in Allah." Maarif's father, being the son of one of the heads of the law enforcement agencies of Soviet Azerbaijan in the late sixties and early seventies, was a corrupt employee his entire adult life. As with many of these families, theft and embezzlement were elevated to the rank of manhood and the only true formula for success in life. We cannot say that this family lacked accepted morals. They did exist, but mainly played a regulatory role only in marriage and family relations. Islam was the same in this family. Maarif, so to speak, is a Shiite by birth and in their family, as in many other families, Shiite Islam played the role of a kind of declarative regulator, moralizing human behavior only in specific domestic situations.

I must say that since adolescence, the protagonist of my story was initiated by his own grandfather, the same high-ranking police officer, into the systematic consumption of alcohol. Granddad, who invited his grandson to parties, was guided by the principle: "he will drink anyway, so it's better if he drinks with me than with others."

The whole ninth and tenth grade of this guy was spent before my eyes at drinking parties and dacha orgies typical of the "golden" Baku youth.

At that time, I talked with Maarif rarely, but for quite a long time. When I asked: Why are you leading an aimless life, not studying, or trying to start a serious business?, the same answer followed: "It makes no sense. My grandfather and father will do everything for me." Then, indeed, he entered one of prestigious universities with his father's money and dropped out later. However, by the time Maarif reached 23, his father went bankrupt and was left with just one small shop.

Closer to 1999, Maarif finally became an inveterate drunkard. At the same time, he tried his best to dodge work in his father's shop, while continuing to lead the life of a sybarite. The family, which had moved from a luxurious three-room apartment into a one-room uncomfortable apartment because of debts, was sick of Maarif's binge-drinking and anti-social lifestyle.

However, in late 1999, an incident changed the life of our character. Maarif was once so drunk that when he woke up the next morning, he found himself in the company of homeless alcoholics, who lived in the heart of the city, near the monument to Nasimi.

One of the homeless men, on seeing Maarif's face blue-yellow from the hangover and cold, invited him to drink a small amount of cheap disgusting vodka. Maarif took a sip, but felt sick. He found a little money in his pocket, took a taxi and came home, but there was no one at home. Then he went to see a neighbor, with whom he had drunk before and who had started to pray and had been going to the Wahhabi mosque – "Abu Bakr" for a year. This man, 10 years older than Maarif, had known him since childhood. The neighbor let him in. He gave him the opportunity to take a shower and sleep. Waking up, Maarif complained of pain in his heart and a feeling of uncertain fear for his life. The neighbor said that this was not just a physical fear, but fear of Allah who sits in any man, even in an out-and-out atheist. It is the fear of being in hell, which overwhelms everyone, even the most courageous person, at some point.

"What should I do?" Maarif asked. "Surrender to Allah, come to Sunnah and start praying," the neighbor answered. After these words, the neighbor gave Maarif several books that explained the Islamic version of the universe in plain language and contained Sunni prayers.

Already after a week, Maarif performed the ritual of repentance (Tovbe) consisting of ablution, which must be accompanied by appropriate phrases from the Koran. From that moment, he began to pray five times a day and follow the basic norms of Sunni Islam. You may ask, what's wrong about it? There is nothing wrong about it, but look at what happened to Maarif later.

Maarif grew a messy Wahhabi beard, stopped watching television and refused almost all sources of local and world information. Moreover, he started to force such an attitude to life on other family members. In the first early phase of his Islamization, Maarif was particularly harsh and radical in the methods of imposing his principles on the family – father, mother, brother and sister. He rowed, demanding that the TV set be shut down if it just showed a concert and grossly interfered with the attire of his mother and sister, who, being traditional Azerbaijani women, dressed modestly anyway. Even unpleasant incidents happened: Maarif could throw his sister's cosmetics into the dustbin or intentionally damage the TV set. He demanded that his father stop selling alcohol and meat products containing pork. Maarif stopped going to weddings and secular celebrations.

An interesting transformation took place in the world outlook of Maarif. His grandfather, whom I have already spoken about, was very fond of Azerbaijani medieval poets Muhammad Fizuli and Imadeddin Nasimi. There was a cult of these thinkers in Maarif's family, and despite the fact that he was a Russian speaker, he knew by heart at least one hundred verses of these poets, which were difficult for him to pronounce. However, after the religious inspiration, he became an ardent supporter of the view common in the Wahhabi environment that Nasimi and Fizuli are infidels (kafirs) that encroached upon the fundamental rules of Sunni Islam. If, before his inspiration, Maarif was a great fan of eastern classical music – mugham, he now called our recitative singing an invention of Satan.

Maarif's views on important historical events that happened in Azerbaijan also fundamentally changed. For example, if before coming to Wahhabism, he revered fighters for independence who gave up their lives when Baku was invaded by Soviet troops on 20 January 1990, as well as the memory of those who fell in the battles for Karabakh, now everything was different. According to Maarif, these heroes are not saints (martyrs), as they gave up their lives not for Allah but in the name of secular values, which is the independence of Azerbaijani State.

Actually, I should note the obvious anti-national and anti-Turkic nature of all these personal transformations in Maarif. For example, he began to dress and promote Arabian clothes. I witnessed real Bedouinization of the household and even eating habits of this man. At the same time, purely Azerbaijani household items or home decorations began to cause sustainable irritation and, sometimes, even aggression in Maarif.

It is curious that despite all this, Maarif remained a socially useless unit. He refused to work with his father in the shop. Any attempts of friends to find him a job ran into excuses about the presence of elements that ran counter to the norms of Islam in the proposed activity. Maarif continues to live off his parents ...”

Similar stories of human psychological breakdown and transition to a very conservative community are not rare in Azerbaijan. Unfortunately, the author of this material did not describe the further radicalization of individuals such as Maarif, i.e. their membership in a certain militant group that is ready to detonate bombs and fight for the principles learned in Ahli Sunnah Wal Jama'ah, although we hear quite a few stories about such cases in society.

Attempts to Carry Out Liberal Reform in Muslim Practices in Azerbaijan

As the gap in development between the Christian West and Muslim East widened, calls for the modernization of Muslim practices in the Islamic environment grew. Here we can recall the famous thinker and reformer Jamaladdin Afghani (1839 - 1897), who called for the Islamic heritage to be rethought and Muslim practices to be rationalized. In parallel with this process, the movement of pro-European secularists (M. F. Akhundov, I. Gasprinskiy, M. K. Ataturk) developed, and their task was to marginalize religion as much as possible and establish the European legislation and education system in the country. At the same time, for the majority of Muslims, Islam remains an important component of identity and universal refuge from all the crises and stresses of the modern world. Often Islam turned into a banner of struggle against colonialism and (after independence) despotism in a country.

Since it proved impossible to build a prosperous “Islamic state” inspired by the Islamic revolution in Iran, calls for reform of Muslim practices were heard again.

By the end of the 20th century, failures in the development of Islamic society formulated the task of reform in the following way: it is impossible to renounce Islam, and if you leave the understanding of Islam in its current, authoritarian state, all hopes for development will fail.

Muslim intellectuals, who appeared in the scene in the last 40 years, began to search for the Islamic roots of pluralistic democracy. Totally accepting Islam as recorded in the Koran and the Sunnah, they are trying to reconcile the unchanging text of the Koran to the changing circumstances of life. The new generation of reformers points out that neither the Koran nor the Sunnah requires the establishment of a political entity. There is no indication there about methods of practical application of the provisions of the Koran. For that reason, when the Muslim community faced a specific life issue, the resolution of which required a legislative action, according to the tradition that started at the time of the Prophet Muhammad, the community, in an open debate called *Ijtihad*, had to draw up a law through the interpretation of the Koran or the Sunnah.

In the West, such contemporary thinkers as the Egyptian reformist theology professor Mohammed Khalaf-Allah, and Iranian theologians Abdul Karim Sorosh and Abdu Hilali-Ansari are well-known.

“Our understanding of religion is in constant development; everything that is based on judgment may be replaced if new judgment is more consistent with public interests,” new reformers say. It is clear that the new generation of reformers is in constant confrontation with dogmatists and fanatics who accuse them of heresy – a departure from true Islam. Unfortunately, reformers are still suffering a defeat in this confrontation. Despite the apparent logic of their ideas, they have not seen positive significant development in Islamic societies. On the contrary, we can see how extreme conservatism and fundamentalism increasingly capture public opinion in Islamic countries and even in secular Turkey.

Similar processes (albeit on a smaller scale) can be seen in Azerbaijan, which experienced Soviet atheism. As stated above, religiosity and religious activism are vigorously developing in the country, but all attempts to somehow liberalize Muslim practices are unsuccessful. In this regard, it is worth noting the activities of prominent theologian Nariman Gasimoglu (Gasimzadeh).

First Liberal Reformer of the Muslim Practice – Nariman Gasimoglu

Nariman Gasimoglu (1956-) can rightly be considered the first Azerbaijani Muslim democrat. A brilliant Orientalist, theologian and the first translator of the Koran into the modern Azerbaijani language (1989), an active member of the movement for independence and one of the prominent figures of the Popular Front of Azerbaijan Party (PFAP), now he continues his mission as a thinker almost on his own – he is a supporter of the liberalization of Muslim practices in the country.¹⁰ Society first became aware of the reformist views of Gasimoglu from the PFAP concept “On freedom of religion”, in which Gasimoglu tried to find a way to reconcile Islamic practices with modernity and pluralist democracy. Gasimoglu wrote:

“My research has never had a purely academic nature... For my goal was and continues to be promoting the reform of religiosity among Azerbaijanis as much as possible... My ambitions totally coincide with the strategic objectives of democratization not only in Azerbaijani society, but in a whole geographical area called (conventionally) the Islamic world... The PFAP concept I proposed about the place of religion in society suggested that a believer gradually renounce Sunnah and give preference to the Koran as a document that is holy and democratic to the greatest extent... The concept involved the spread of such a mechanism of perception of religious precepts that would restrict the boundaries of Islam within moral, ethical and cultural spheres. Religious interpretations within the framework of Koranic logic we studied focus on a

¹⁰ The personal webpage of Nariman Gasimoglu - <http://ngasimoglu.net/kimlik-eng.html>

critical review of the current Sharia rules and establishment of universal values of democracy and human freedom from a religious point of view.”¹¹

Gasimoglu's ideas provoked a fierce attack from traditionalists and fundamentalists. For example, his assertion that the Koran does not say anywhere that a woman must cover her face and just says “Let them cover their breast with a veil” (Surah Nur, 31) caused an uproar among dogmatists, who even began to call for physical violence over Gasimoglu and threatened to kill him on the phone.¹²

However, Gasimoglu continued his reform efforts. In the mid-1990s, he created the Centre for Religion and Democracy, which disseminated his reformist ideas. Gasimoglu is well-known in foreign liberal religious circles. He is a Visiting Scholar at Georgetown and California Universities and a regular participant in international conferences in the United States, Brazil, Germany, England, Scotland, Poland, Hungary, Russia, Kazakhstan, Qatar and Georgia on the problem of adapting Islamic practices to modern conditions.

On his impressions from participation in such conferences, Gasimoglu writes with regret:

“...A lot of research is conducted by Muslim scholars in the United States on the topic of Islam and democracy. There is the Centre for the Study of Islam and Democracy in Washington, which seeks to coordinate studies on this subject, holds conferences and debates with Muslim experts, while in Washington, I had private conversations with these scholars and participated in a variety of presentations on the problems of the Islamic world. Most of them are willing to declare and prove on the basis of individual provisions of Islam that this religion is compatible with well-known democratic values. However, their position is limited to a greater extent to declarative points about the democratic nature of Islam... The democratic doctrines of Islam they declare, as a rule, do not contain any recognition of the incompatibility of modern Sharia provisions with universally recognized democratic values and the need for at least a selective review of certain religious tenets...

... In March of last year I took part in the seminar “Ijtihad - Reinterpretation of Islamic principles for the 21st century.” The seminar was organized by the initiative group “Religion and Peacebuilding” at the Institute of Peace & Democracy. The circle of participants looked pretty solid. Along with prominent Islam experts from America, it also covered religious leaders, human rights activists, political analysts and even representatives of the Pentagon. The speakers were unanimous that the principle of “Ijtihad” inherent in Islam (the possibility of interpretation of certain religious tenets that are not related to the foundations of faith) in the spirit of the requirements of time includes a lot of potential for exposing the democratic nature of religion and the transformation of the democratic content of religion into a practical plane. However, things did not go beyond the theories. No answers were given to the questions about what Muslims need to change in their religious practices and what they need to do to make religiosity similar to principles of respect for human rights. Apparently, the rejection of a particular cultural and historical heritage in the religious sphere requires more courage. Then, of course, this case requires effective support from the State.

I put up my proposals concerning the development of an effective mechanism of Ijtihad for debate by the participants. Referring to these proposals, I should note that they briefly boiled down to the following points:

a) discussions regarding Ijtihad cannot be limited to the views of religious scholars and should involve scientists from different fields, human rights activists, politicians, etc., because the right to Ijtihad according to Koranic logic (“everyone has their share in the Koran,” says a Koranic verse) is the right of every believer ...

¹¹ Журнал «III Ера», Н. Гасимоглу «Мусульмане и глобализация: проблемы адаптации», Баку 2005.

¹² Ibid

b) discussions on Ijtihad must contain specific and open criticism of the Sharia system especially in the part that is alien to the concept of human rights, should get out of the scientific and academic community and become a kind of Ijtihad movement. This movement must be headed by the Muslim intelligentsia, not clerics whose status is not stipulated by the Koran;

c) in Ijtihad, preference should be given to the Koran, while the Sunnah and hadiths should be gradually renounced as religious and ideological sources of human rights problems;

d) to develop a new approach to defining the interests of the "Ummah", which many scientists believe are not compatible with human rights.

My speech about these theses did not cause any special approval or criticism. Scientists generally showed no desire to openly discuss or reject these theses. Only one woman with a headscarf was critical. But I received support from ordinary American Muslims in the audience."¹³

As can be seen, the idea of liberal reforms faces greater psychological difficulties not only among the public but even among Muslim intellectuals. Nevertheless, reformers like Gasimoglu continue their selfless mission despite threats to their lives. For there is no other way out of the impasse of backwardness, in which the modern Muslim world has found itself. You cannot call for acts of violence against fundamentalism or religion like what happened during the communist dictatorships of the Soviet Union and China.

Conclusion

Was it possible to avoid the horrors of terrorist attacks, the war on "Islamic State" and Al Qaeda and the millions of suffering refugees from conflict zones that we see on TV? The answer here is not Stalinism, of course, but democracy and sustainable development, because pockets of the fundamentalist Jihad are in backward, corrupt and dictatorial countries where the regimes destroyed all secular opposition and the scope for any dissent and dialogue. We see a similar picture in Azerbaijan, republics of Central Asia and the Middle East: the right to peaceful assembly and free discussions is rejected; dissent and spiritual life goes underground and can occur only in the religious sphere, which is very difficult for dictatorships to control.

"What else are religious activists in Azerbaijan dissatisfied with? Walking around the city, I see that the sermons of the new generation of our theologians can be heard from almost every small shop through speakers installed on the street," – well known journalist Zamin Haji wrote, - "If I put my speaker on the street and broadcast the Bill on Human Rights through it, the police would immediately smash my head with batons."¹⁴

End of the Part I

¹³ Ibid.

¹⁴ Yeni Musavat newspaper, 11.11.2015

http://musavat.com/news/yazarlar/mektebli-hicabi-haqda-teklifim_304413.html?welcome=1

Часть вторая

Семинары с докладами по Свободе Вероисповедания в Азербайджане.

ВЫБИРАЕМ НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Семинар 01

Участники: Тогрул Джуварлы, Алтай Геюшев, Гаджи Замин, Рашад Ширин, Рахман Бадалов, Натиг Джавадлы, Айгюн Мурадханлы, Эльхан Мехтиев, Эльхан Шахиноглу, Арастун Оруджлу, Эркин Гадирли, Чингиз Султансой, Мубариз Мустафазаде, Ахад Маммедли, Аида Багирова, Тургут Гамбар, Хикмет Гаджи-заде.

Хикмет Гаджи-заде (координатор исследования) (Тезисы)

- Х.Г. приветствует участвующих экспертов и говорит об ослабевшей интеллектуальной сфере в Азербайджане, этот процесс особенно ускорился после крушения гражданского общества в прошлые годы. «Сегодня на нас, на присутствующих здесь и других, уцелевших пока, независимых экспертов ложится тяжелое бремя поддержки интеллектуальной жизни в стране, поиска путей выхода из всеохватывающего кризиса в котором все мы очутились».

- Ноябрьские (2015) события в Нардаране обеспокоило всех. Если раньше религия была для общества вопросом прав человек, так как секуляристы были сильнее и в большинстве, то теперь это также вопрос, связанный с безопасностью, образом жизни и с национальной самоидентификацией. По-видимому, нам придется искать пути не только «защиты для свободы совести», но также и пути сосуществования с все более расширяющейся религиозной сферой. В

этой связи я хочу обратить ваше внимание на конституционный процесс в после революционном Тунисе. Новая Конституция Туниса тем интересна, что она стала результатом консенсуса религиозных и секулярных сил. Процесс согласования принципов новой конституции поддерживался со стороны известных мировых интеллектуалов: востоковедов, юристов, теологов поддерживался ООН и продолжался три (!) года...

...Что касается лидера нарданских событий Талеха Багирзаде, то насколько мне известно, он имел интересную стратегию, которая была непохожий на стратегию Исламской Партии. Он говорил о национальных ценностях как о части Исламского мира, фотографировался на фоне Азербайджанского флага, вместо зеленого знамени Ислама.

Пытался вывести своих активистов из изоляции, в которой, обычно находятся большинство исламистов.

Далее был заслушан доклад

Конец Мифа о Религиозной Толерантности В Азербайджане

Замин Гаджи, известный публицист – (Тезисы)

- События в Нардаране (2015) стали концом мифа о религиозной толерантности в Азербайджане. Есть разные точки зрения о причине этих событий (социальные проблемы жителей этой деревни, грубая провокация властей, влияние Ирана), но фактическая информационная и полицейская блокада Нардарана не дает возможности дать объективную оценку этим событиям.

- Власти долгое время укрепляли миф о религиозной опасности исходящий из Нардарана. В свою очередь нардаранцы тоже помогали укреплению этого имиджа ежегодным сожжением флагов США, Франции, Израиля и своей агрессивной реакцией против критиков исламизма и Ирана. Однако власти терпели все эти действия, вероятно пытаясь использовать их для оправдания своих репрессий против инакомыслия перед Западом. Но вскоре власти начали понимать, что феномен Нардарана распространяется по всей стране и позиция «если не мы, то к власти придут они» превращается в опасную игру.

- Шейхульислам заявил о своей поддержке силовой операции в Нардаране и отметил, что корни проблемы в Нардаране связаны с иностранным фактором. При этом он также отметил, что он не имеет ввиду Иран или Турцию.

- Последние события выявили также, что организация возглавляемой Шейхульисламом («Управление Мусульман Кавказа») является нежизнеспособной и бесполезной.

- Алиевы всегда манипулировали религией. По слухам, отец Алиев учился работе с религиозными организациями в КГБ и очень легко управлял религиозными силами в нелегкий период своего правления. В наши же дни правящая семья Алиевы любит преподносить себя как «современных мусульман».

- Раньше правительственные кадры, работающие в сфере религии были более профессиональными. В годы руководства Рафика Алиева в «Госкомитете по Делах Религии» Папа Римский посетил Азербайджан, что было уникальным событием для мусульманской страны. В настоящее же время чиновники, работающие в этой сфере абсолютно некомпетентны и не имеют авторитета среди религиозного населения.

- Законодательство в религиозной сфере было впервые принято в 1992 году во времена правление Эльчибее. С тех пор в это законодательство было внесено 73 (!!!) изменения, которые, как правило, носили репрессивный. Самое последнее среди них это изменение запрещающее ведение религиозных мероприятий со стороны религиозных деятелей, обученных за рубежом.

- Изменения были сделаны в основном в период правления Алиева младшего, который больше опирается на силу и запреты в этом вопросе в отличие от своего отца. Остается радоваться тому, что отношение азербайджанцев к религии довольно либеральное, в противном случае сложно было бы избежать кровавых событий, происходящих в других Исламских

странах. Чему мы обязаны подобным отношением к религии в Азербайджане? Это связано с уникальным направлением шиизма в Азербайджане, являющемся странным синтезом тюркизма-шаманизма, прав человека, западных ценностей, арабско-исламской мифологией, притч сформировавшихся на территории Ирана за тысячелетия. Не случайно, что Гаджи Шахин, исламский проповедник в какой-то мере призывающий к модернизму в религиозной практике, довольно популярен среди религиозного населения страны.

- В шиизме есть детали, которые можно назвать реформами по сравнению с ортодоксальным Исламом по отношению к браку, к борьбе против несправедливости и т.д.

- Но в тоже самое время есть другие шиитские проповедники в Азербайджане, которые более агрессивны (Гаджи Ахлиман).

- Наша модель Ислама может быть примером для всего мира.

Эльхан Шахиноглу (глава аналитического центра «Атлас»)

- Есть серьезное влияние религиозных течений популярных на Северном Кавказе на северные регионы Азербайджана из-за сложной социальной ситуации у нас на севере.

- Есть шиитские проповедники из Ирана (например – Оджагнижат) работающие в Азербайджане, которые выступают не менее прогрессивно вышеупомянутого Гаджи Шахина.

- Считаю, Нардаран должен, так сказать, вернуться в Азербайджан! Правительство запоздало с возвращением Нардарана в государство. Возможно, можно было избежать кровопролития, но в принципе стратегия была верной. Но здесь остается очень много вопросов по поводу хода событий в Нардаране. С одной стороны, Иран вначале заявил, что не имеет никакой роли в этом вопросе, но не прошло и трех дней, как МИД Ирана заявил, что внимательно следит за процессами в Нардаране. Это послание, о том что мы имеем интересы в этих событиях.

Раздается несколько реплик в поддержку тезиса – «Нардаран пора вернуть Азербайджану»

Тогрул Джуварлы (аналитик, Turan News Agency):

- Может ли существовать в секулярном государстве изолированная община с 9 тысячным населением как Нардаран? Одной из причин ввода спецподразделений в Нардаран была поминальная церемония – Ашура, которую посетили 30 000 человек. С другой стороны, люди и не из Нардарана начали собираться туда (например, Гаджи Тале) и власть решила на превентивную операция.

Х.Гаджи-заде. Да, из реплик тут видно, насколько мы все обеспокоены, если не сказать – напуганы – ростом радикализма в религиозной сфере. Ну, что же, тем ценнее наши исследования.

Аида Багирова (историк, лектор Университета). Вы упомянули тунисский конституционный процесс, но у нас в стране совсем другая ситуация. Не думаю, что нам удастся применить их опыт в Азербайджане.

Х. Гаджи-заде. Но мне кажется, что наша страна все больше приближается к тунисскому варианту. Секуляристы слабеют, исламисты укрепляются. Так что в недалеком будущем нам мог бы пригодиться опыт тунисского консенсуса.

Алтай Геюшев (историк, востоковед, лектор Университета). Власти хотят сплотить шиитов вокруг себя и контролировать их. Но последние события во время поминальной

церемонии Ашуры напугали власти. В тоже самое время поддержка населением проповедника Гаджи Тале Багирзаде показало, что невозможно добиться полной лояльности шиитов. Я не согласен, что у Алиевых были разные подходы к религиозным людям. Просто времена были другими, и активность религиозной части населения приходится на 2000 годы. Если до этого суннитские направления в Азербайджане, особенно в городах были более активными, то позже шииты стали более активными благодаря в первую очередь их активной политической деятельности (например, Гаджи Ильгар, мечеть Джума в 2003 году).

- Умеренный религиозный проповедник Гаджи Шахин соглашается, что в религии должны быть реформы, в частности в вопросах хиджаба. Гаджи Шахин ортодоксален, но даже ортодоксальные теологи понимают необходимость реформ. Я думаю, что реформы в Шариате у нас возможны. Например, в популярной среди наших верующих книге известного иранского аятоллы Ленкорани было написано, что брак с 9 летней девочкой шариатом разрешен. Однако, после протестов в Азербайджане это его утверждение было убрано из книг Аятоллы, распространяемых у нас.

- Есть серьезное различие между шиизмом и суннизмом, которое называется «тагийя» и практикуется в шиизме, оно означает разрешение на ложь при угрозе жизни. В этом смысле, возможно, что Гаджи Шахин занимается «тагийя», так как, его религия утверждает, что единственный верный путь государственного правления – это шариатское государство.

- При крайней необходимости против религиозных экстремистов можно использовать силу правительства, но проблема в том, что в Азербайджане эта сила не легитимна. Когда эта власть использует силу, то люди подсознательно стоят на сторону пострадавших из-за нелегитимного характера властей.

Замин Гаджи. Считаю, все же, что диалог, особенно со сторонами, которые готовы к этому, как например шииты, должен вестись.

Алтай Геюшев. У нас в стране крепкие религиозные воззрения формируются лишь в настоящее время и, есть, в принципе все возможности повлиять на этот процесс, либерализовать взгляды на религиозную практику.

Рахман Бадалов (профессор философии): Честно признаюсь, что меня охватывает беспокойство от увеличивающейся религиозности, консерватизма, а порой и мракобесия в обществе. Все, это безусловно, несет угрозу нашему образу жизни и, скажем, моей идентичности. Я все больше чувствую себя чужим в этом меняющемся в нежелательную сторону обществе. К сожалению, выхода тут я не вижу, но может нам удастся тут хотя бы обозначить какие-то пути решения надвигающегося конфликта с исламистами.

* * *

Беседа с активистами общины Джума Мечети (в старом городе) 14.11.2015

На встрече присутствовали известный проповедник Имам-Джамаат общины мечети Джума Гаджи Ильгар Ибрагимовлу и его сподвижники, которые поделились с нами мыслями о феномене «Джума»:

- Основную роль в возникновении этого феномена сыграло народное движение за демократию и независимость Азербайджана (1988-1992). Сам Гаджи Ильгар, участник этого движения, пришел к религии после нападения советских войск на мирное население Баку 20-го

января 1990-го года, в результате которого 132 мирных жителя были убиты советскими солдатами.

Многие религиозные активисты были активны в годы народного движения, события вокруг этого движения и ценности, за которые оно боролось, были не чужды этим людям. Народное движение за независимость привело к возникновению множества социальных и политических процессов в Азербайджане, и в том числе в сфере религии.

Люди приходят в религию в поисках справедливости.

Одна из первых религиозных общин страны была «Товба» (Покаяние), которая потеряла популярность из-за выступлений против народного движения и поддержки тогдашнего пророссийского главы Азербайджана Аяза Муталлибова. Гаджи Ильгар в то время тоже был активным членом этой общины - «Товба», но покинул ее с рядом других молодых людей после нападения главы «Товба» Гаджи Абдула с группой криминальных элементов, не имеющих

отношения к религии, на штаб-квартиру Народного Фронта.

Далее возникла Азербайджанская Исламская Партия (АИП), возглавляемая Гаджи Аликрамом, который тоже был активистом народного движения. При всех плюсах и минусах этой организации она имела общность с народным движением, и ее члены были честными людьми.

Но так как многие религиозные люди не видели себя ни в «Товба», ни в АИП, то начался новый процесс, в результате которого возник феномен свободных мечетей. Такие мечети создавались по всей стране – было сотни таких мечетей. Они не принимали главенство Управления Мусульман Кавказа, требовали независимости и не обязывались поддерживать политический курс АИП. «Джума» была одной из таких свободных мечетей, которая впоследствии стала самой большой из таких мечетей. Параллельно шел процесс возникновения свободных хусейний (названных так в честь имама Хусейна) – мини-мечетей, создававшихся жителями разных дворов и кварталов, которые не участвовали в политической жизни страны, но хотели иметь лишь место для молитвы.

В годы независимости правительство Эльчибея отправляло учиться студентов, в том числе в Иран. В 1993 году Гаджи Ильгар уехал в Иран для получения образования в сфере современной теологии. В 1999 году его избрали имамом мечети «Джума», что стало новым этапом в деятельности этой общины. Мечеть избрала своего имама, имела свою концепцию и была независимой.

Община этой мечети занималась религиозной и социальной деятельностью. В первую очередь – это просветительская деятельность. В начале 2000-х годов нами была создана программа Исламского просвещения, которая после роста популярности этой программы переросла в Исламскую Академию Просвещения. В Академии преподавались предметы философии, логики, интерпретации Корана, человековедения и т.д.

Надо отметить, что в других мечетях схожие процессы не происходили. Разница была в том, что руководители мечети «Джума» были людьми русскоязычными, с более широким

кругозором, с более прогрессивным мировоззрением. Главная наша цель состояла в передаче знаний, которые были получены Гаджи Ильгаром во время обучения. Процесс просвещения продолжается и поныне и занимает примерно 6 часов в неделю, хотя в предыдущие годы мы уделяли этому 48 часов. Разница, конечно же, связана с нынешней напряженной ситуацией в стране. В целом примерно 6000-8000 человек были охвачены нашими лекциями и тренингами. Сейчас наши уроки посещает примерно 150 человек, хотя раньше только на наши воскресные уроки приходили около 300 человек. Лекции читает не только Гаджи Ильгар, есть и другие лекторы, которые сформировались на уроках, проходящих в общине.

Другим родом деятельности общины была защита прав верующих. Процесс начался с создания комитета защиты прав женщин, выступающих за право ношения хиджаба. Потом было решено расширить эту деятельность, и община мечети «Джума» создала организацию, занимающуюся защитой прав верующих – DEVVAM. Активисты «Джума» являются командой DEVVAM по сей день. Отмечу, что такие правозащитные структуры имеются в составе многих протестантских церквей.

Одним из главных направлений деятельности этой организации являлось налаживание связей с прессой, которая в целом негативно относилась к религиозным активистам. Мы потратили много сил и, в конце концов, здоровые связи с прессой с редакциями и с простыми журналистами были установлены. После этого пресса начала писать о религиозных активистах, о DEVVAM, освещала различные религиозные вопросы. Нас начали приглашать на канал ANS TV, где мы участвовали в обсуждениях самых разных вопросов, возникающих в общественной сфере. Сегодня по вопросам религиозных прав и свобод к DEVVAM обращаются различные авторитетные организации, включая Госдеп США и ОБСЕ. DEVVAM выполнил свою миссию и стал уважаемой в стране правозащитной организацией.

Сейчас в связи с репрессивной ситуацией в стране DEVVAM приняло такое правило: мы делаем заявления, когда чувствуем в себе для этого силы. Когда на это сил нет, мы просто молчим, но никогда не становимся на позицию неправой стороны.

В первое время представители других религий также обращались за помощью в DEVVAM, но сейчас это не так, атмосфера в стране такая, что каждый занят лишь собою, своими делами.

Третье направление деятельности – это наши собственные средства коммуникации, через которые мы хотим донести до общества наши идеи и взгляды на текущие события. Впервые в истории Азербайджана мечеть начала выпускать новостной бюллетень о религиозном просвещении и социальной активности общины на азербайджанском и русском языках и рассылать ее в офисы политических партий, общественных организаций, газет и т.д. Сотый выпуск бюллетеня был напечатан во время разгона протестов после президентских выборов в 2003 году, где на следующий день после разгона митинга протеста было просто написано «1937-ой год продолжается». В наших бюллетенях – история развития нашей общины, которой мы гордимся.

Далее был создан вебсайт deyerler.org (deyerler – ценности, аз.). Сайт ежедневно посещают примерно 6000 человек. Помогают работе сайта в основном волонтеры.

В то же самое время община занимается социальными проектами. Один из таких проектов называется «Асмаил Хусна» и призывает людей стать донорами крови. Этот проект начался в 2000 году, в период Ашуры. Мы призывали верующих не проливать свою кровь в день Ашуры, а сдавать кровь медицинским учреждениям на добровольной основе. Потом решили проводить это мероприятие не только в день Ашуры, но постоянно. Этот процесс до сих пор продолжается.

Другая социальная программа называется «Родина без сирот». Поощрялся посещение молодыми людьми с высшим образованием детских домов и их забота о сиротах. Сиротам преподавались математика, английский и другие предметы. Всё кроме религии. Некоторые люди из детских домов, участвовавших в этих программах, до сих пор поддерживают связь с руководителями нашей общины.

В последние годы члены общины начали новую инициативу, которая называется «Клуб читателей Deyerler». Напряженная ситуация в стране заставила нас выстраивать нашу деятельность по-новому, делать вещи, интересные для молодежи. Клуб Deyerler занимается многими проблемами: люди собираются и играют в футбол, теннис, выезжают на отдых, устраивают форумы, посвященные значению Ашуры. Модераторы клуба избираются путем тайного и альтернативного голосования. Организуются все эвенты через Facebook обычно в течение 48 часов. Община занимается теми же самыми делами, что и другие – секулярные NGO, т.к. у людей одинаковые потребности. В этом мы ничем от них не отличаемся.

С 2000 года община начала инициативу – «Дискуссионный Центр». Здесь обсуждаются самые разные темы (например - почему верующие неактивны и т.д.). Обсуждения проходят в формате Chatham House, то есть всё высказанное остается между участниками и не выходит за рамки Дискуссионного Центра.

Другая инициатива общины – «Олимпиада Movlud» (посвященная дню рождения пророка Мухаммеда), проводящаяся уже 9-ой год на различные научные, мировоззренческие и религиозные темы. Инициатива была начата после международной реакции на карикатуры о Пророке. Цель – донести до верующих послание: «Не убивай в ответ на нападки против Пророка. Лучше постарайся донести истинную правду о нем, представь его в лучшем свете».

Еще одна инициатива называется «Духовные слушания», которые проводятся на разные темы. Главная цель тут, чтобы люди научились выражать себя, чтобы они высказывались.

Община не имеет формальную политику членства – все строится на неформальной и добровольной основе. Ты можешь стать членом общины, если принимаешь этические и организационные правила нашей общины. И ты можешь покинуть общину в любой момент. Вся деятельность организации финансируется за счет пожертвований членов и сочувствующих нам граждан.

У общины нет конкретной структуры. Есть самоотверженные люди, которые годами были активны. Своего рода совет попечителей. Эти люди приглашаются для обсуждения проблемы, когда Гаджи Ильгар не уверен в ситуации и нуждается в совете.

Со времен начала коммуникаций с Европейским Судом по первому делу Гаджи Ильгара в 2008 году открытые гонения против членов общины прекратились. Но общая напряженная атмосфера в стране не может не влиять на наших членов. Люди понимают, что есть правила игры, при нарушении которых могут возникнуть проблемы с государством. Даже если нет открытых гонений, но проблемы есть. Например, община не может проводить открытых публичных мероприятия. С каждым годом число преград возрастает. И это угнетает нас всех.

Позиция общины в вопросе о модернизации исламской практики такова, что каждый человек сам должен заниматься саморазвитием. В этом вопросе важен личный пример. Верующие не на словах, а на деле должны показывать хорошие стороны религии. Например, против журналистки Хадиджы Исмаил была совершена подлость. Община поддержала Хадиджу и заявила, что вмешательство в личную жизнь человека недопустимо. Старейшины Нардарана и лидеры Исламской Партии, следуя нашему примеру, также выступили с аналогичными заявлениями.

Размышляя о радикализме, Гаджи Ильгар сказал, что общество в целом стало более радикальным из-за необразованности, и не стоит считать, что верующие радикализуются. Община не встречает людей, желающих примкнуть к радикальным силам, воюющим в Сирии или других странах. Мы не видим никакой радикализации в обществе.

Морально-этические воззрения общины довольно просты: «Коррупция и религия несовместимы». Считается, что самая большая коррупция – это коррумпированное сознание – ложь и двуличие. После событий в Нардаране мы увидели многих верующих на АзТВ, которые поддерживали действия властей. Верующий человек не может так поступать. Если ты выступаешь, то говори правду. Если не можешь говорить правду, то просто молчи. Имамы должны быть независимы от правительства и от всяких мошенников. Насчет событий в Нардаране мы считаем, что не было никакой необходимости вводить войска в селение и начинать перестрелку. Лидеров Нардаранских событий можно было официально пригласить в полицию, и они спокойно пришли бы без принуждения и отвечали бы на имеющиеся вопросы.

Гаджи Ильгар предложил старейшинам Нардарана открыть образовательный центр в Нардаране с целью улучшения образования населения этого села. Нардаранцам эта идея понравилась, но, к сожалению, они так и не претворили ее в жизнь.

Гаджи Ильгар не считает, что в стране есть проблема хиджаба (косынка, оставляющая лицо женщины открытым). Власти запрещают ношения хиджаба не из каких-то светских убеждений, а это, всего лишь, еще одно проявление авторитаризма. Закон не запрещает ношения хиджаба в школах. Сегодня в большинстве школ проблем с этим не бывает. Но если в какой-то школе дирекция запрещает ношения хиджаба, то община пытается ее решать без лишнего шума. Вопрос хиджаба не должен считаться политическим, тогда его решать легче. В развитых странах Запада подобных запретов не существует (вопрос с запрещением нигаба (полное закрытие лица женщины – ред.) это другая тема. Сегодня этот вопрос потерял свою остроту, и по-видимому, общество получило прививку в связи с этим вопросом. В принципе каждый сам должен независимо принимать решение: хочет человек носить хиджаб, или нет? Это должно зависеть только от самого человека.

Члены общины поддерживают курс общины, поэтому среди них нет членов других политических организаций. У нас в общине все находят возможности для самовыражения. Это не регламентируется, просто так получилось, возник такой консенсус. Люди верят, что при надобности община сама займет активную политическую позицию.

Члены общины дали мандат Гаджи Ильгару для принятия решений. Но при необходимости бывает обсуждение с активными и опытными членами общины. Община имеет твердую позицию не обсуждать поступки и деятельность других религиозных деятелей.

Семинар 02

Хикмет Гаджи-заде (координатор исследования): Дорогие коллеги, прежде чем мы заслушаем очередного докладчика, я хотел бы еще раз очертить круг наших задач:

Во-первых, мы должны описать ситуацию во взаимоотношениях между религией, государством и обществом.

Во-вторых, мы должны искать пути выхода из этой напряженной ситуации. Не видно, что правительство предпринимает что-то научно обоснованное в этом направлении. Тем больше ответственности ложится на нас – независимых экспертов. Будет тут национальный кризис или нет, но планы по его предотвращению или способы поиска консенсуса между исламистами и секуляристами должны быть готовы заранее.

- Далее началось обсуждение тем для докладчиков будущих семинаров.

Далее был заслушан доклад:

Emergence of the religious public sphere in Azerbaijan

Rashad Shirin, (Phd candidate, political philosophy,

Redboud Univ., The Netherlands) (Тезисы)

- A prominent atheist philosopher in Azerbaijan on the occasion of the murder of another prominent journalist Rafiq Tagi (allegedly by Islamic radicals) said: “although I have always been in opposition, in this struggle against religious radicals I side with the state of Azerbaijan”. The puzzle here is that the state of Azerbaijan has been under steady criticism from within (by secular opposition) and from outside (international organizations and governments) for being authoritarian and oppressive. Therefore, someone who is a democrat and opposes to the government should not have been saying this...

- The statement clearly delineates three big areas: state, opposition and religious area.

To outline the conflict(s) between these actors, again, I can see three of them:

1) between the state on one side and religious and secular opposition on the other side (the state sees both as a threat)

2) secular opposition on one side and state and religious movements on the other side (the secular opposition sees both archaic, conservative and reluctant to change)

3) religious sphere on one side and the state and secular opposition on the other (religious people see state and opposition as both secular threats to Islam)

What is post-Soviet religiosity?

The strong comeback of religion into public and private sphere, or so-called “religious revival” also addressed the issue of so-called “ideological vacuum after communism”, which “should have been filled in” somehow. Yet, these developments were more complex and multilayered than they appeared.

- Religious field of thought and activity was initially held as politically neutral and even apolitical. “Purity” of religion was placed counter to corrupt political field, no matter ruling or opposition politics.

- The initial stage of liberalization, where all sorts of religious associations were permitted has been gradually replaced with a system of increasingly controlled and managed religious activity by the government.

Emergence of religious public sphere in Azerbaijan

- In Azerbaijan religious revival demonstrated itself in the transformation of various public arenas and institutions. Funerals were rare public places where religion was present even during Soviet times. Attending funerals is almost morally obligatory in Azerbaijani culture. People would attend funerals to meet each other as well as ask questions to Molla about Islam. Mosques have restored operation and attracted more and more people, especially in big cities. In some of the mosques in Baku during traditional Friday prayers people would even pray outside of the mosque because it was overcrowded inside. Traditional religious sermons (*khutba*) have become places where young people would get educated in religious affairs.

Some workplaces offered employees prayer rooms. In general, the religiosity increased among business community and within civil service. At some point in 2000-s it has even become fashionable to be Muslim and Muslim friendship communities emerged within young middle-class. It also had a strong ethical point: being religious was a good safeguard against alcohol, drugs and other bad habits. This ethical aspect motivated parents to advise their kids to become religious.

Emerging Ahli-sunnah wal jamaah

- The new adherents to Islam followed the example of Prophet Muhammad (*Ahli-sunna*) and therefore considered themselves Sunni, as opposed to majority (65%) of the traditional Shia followers in the country. However, in line with Kierkegaard's warning that "labeling means negating", most of them refused to label themselves or to be labeled anything but Muslim, while various names (including Wahabis) were ascribed to them.

One of the qualities of the new emerging Sunni religious community was its staying out of politics. These movements were not apolitical, because they have had a particular vision of society and state and considered bringing more and more followers into community. However, in contrast to Shia community, they have never participated in any political action, never joined opposition or claimed political power. Also, it is even difficult to call it one community since it is rather a loose community of many informal local and "friendly societies", where individuals do associate mostly based on friendship, kin and acquaintance networks.

Political Islam

- Islamism is a political ideology and as all other ideologies claims power. Therefore, the supporters of political Islam are not comfortable with the place that secular ideologies offer them – diminishing Islam to private matter. When they say "Islam is not a religion, but a way of life" this is what they exactly mean. For them, state and society are closely interlinked. Therefore, when a religious leader says that "religion is a private matter and our aim is not to establish an Islamic state" it is more of a compromise rather than truth.

- With state's closing down the political space, political Islam is distilling down towards individual space. The difference with Soviet period is that now state does not prohibit Islam, but wants it to be apolitical.

- The roots of post-Soviet revival of political Islam lie also in the harsh secularization and rationalization policies of the Soviet Union. Reappearance of the religion offers an alternative to rational secular reality, which is most of the time corrupt, cynical and soulless.

- Because of this rejection of secular reality most of the religious people see themselves outside of mainstream (secular) political struggle. It seems that for the majority of them the significant difference between ruling and opposition forces does not exist.

- Most of the secular opposition intellectuals (the author is not an exception) are the products of secular Soviet system and, obviously, have little understanding of the relations between state and religion in democratic society.

- Comeback of religion in post-Soviet space does not look like something new. It actually resembles the emergence of religion in early ages. Early religious forms detached communal life from politics. For instance, Christians (Church is the body of Christ) formed an egalitarian society – in sharp contrast to the existing political order of this world (power, interests, violence).

Conclusion

- Charles Taylor argues that we have a wrong model...: We think that secularism (or *laïcité*) has to do with the relation of the state and religion; whereas in fact it has to do with the (correct) response of the democratic state to diversity..." The problem of secularism and religiosity is a political one and it should be seen as such. The new emerging religious public sphere will be increasingly challenging the spaces of both: the state and opposition (or liberal-democratic). One thing is important here to note - staying out of secular politics does not mean having no political plans and ambitions for the future. The political divides are yet to turn into a political fight, but, certainly, there are strong signs of its coming.

- Neither the state nor liberal-democratic opposition can neglect the emerging religious sphere. Also, because large-scale developments and fundamental societal processes are at the roots of the emerging religious sphere there are no short-term, quick-fix solutions as some intellectuals suggest.

- Two things are important to realize. First, as in any political fight, if they want to be successful, secular intellectuals, secular politicians and secular civil society leaders should be less dividing and more constructive in addressing the issues of religion. Otherwise, they will lose ground.

- Secularists should get rid of the attitude that religion is a product of poverty and ignorance only. Many highly educated individuals all around the world are religious and the tendency is growing.

- It is important to keep the lines of communication open. Change requires constant communication. The truth is always somewhere in the middle. I believe that tolerance is not a static word but a dynamic process and co-existence is a product of a conflict and struggle, as well as communication, which will slowly transform the attitudes and approaches of opposing sides.

- Religious leaders should explain to their followers that the world has changed a lot and religious communities in advanced countries can coexist with secular ones, without both violating each others rights. This requires a compromise from devout persons, in accepting the diversity of post-modern life in contemporary world, and particularly, that every human being should be able to exercise his/her right and freedoms protected by law and state.

Дискуссии по докладу

Х.Гаджизаде. Хочу подчеркнуть, что проблема между традиционной религией и секулярным государством в том, что в религии господствуют архаичные представления, а в современном государстве господствуют либеральные представления. Поэтому нельзя, как это делают некоторые, не решив эту проблему призывать к примирению. Религия говорит, что избивать женщину можно, что у мужчины больше прав, чем у женщины, что у верующих больше прав чем у неверующих, что за отказ от ислама человека можно убить. А секулярное демократическое государство говорит, что этого делать нельзя. Вот где конфликт кроется, он в столкновении архаичных авторитарных и современных либеральных ценностей.

А.Геюшев. Есть три вида религиозных людей: те, кто читали священные книги, те, кто пришли к религии путем размышления, те кто верят просто потому, что верят (большинство). И последних переубедить в чем-то почти невозможно. Они вашу логику не воспринимают. Просто верят, и всё!

Ахад Мамедли (гражданский активист, глубоко верующий человек):

- Я считаю, что Коран, Библия и Тора является конституцией.

- Из-за слабости секулярной оппозиции религиозная оппозиция сегодня выглядит, действенной. Конечно, только лишь из-за массовости в ходе нынешней Ашуры мы не можем считать, что религиозная оппозиция очень сильна. Ашура – традиционное мероприятие и нельзя считать людей, приходящих туда политическими исламистами.

- До того как Гаджи Шахин получил работу в Госкомитете по Религиозным Делах он был радикальным проповедником, и только потом он сделал свою риторику более лояльной.

- Шиизм в Азербайджане не монолитен, есть различные, не принимающие друг друга группы и лидеры.

- Суннитская идеология тоже усиливается в Азербайджане я имею ввиду течение Ahli-sunna.

- Ошибка светских людей по отношению к верующим в том, что они считают их безграмотными, деклассированными элементами, но это не так.

А. Геюшев. Считаю, что большая образованность общества уменьшает ее религиозность.

Чингиз Султансой (публицист). Я вижу как многие тут осуждают нарданцев и лидера последних событий – Гаджи Талеха. Я тоже не испытываю к этим событиям большой симпатии. Но ситуация складывается парадоксальная, – когда общество захлестывает коррупция и несправедливость, то люди начинают искать любую силу, которая могла бы с этим покончить. И если так будет продолжаться, когда секулярная оппозиция полностью подавлена, а общество молчит, то исламисты будут набирать сторонников. Те кто хотят перемен, будут поддерживать именно религиозную оппозицию, ибо вокруг больше никого не осталось.

Посыпались возражения, особенно сильно возражали женщины – участницы дискуссии, которые указывали на опасность того, что победа религиозных сил может завершиться введением Шариата в стране, и женщины опять будут насильно одеты в чадру и так далее

Чингиз Султансой. Я разделяю ваше беспокойство, однако давайте задумаемся, и хорошо бы если и власти над этим бы задумались: до какого уровня несправедливости и гнета люди будут готовы все это терпеть? В конце концов, будет набирать силу мнение о том, что может можно вытерпеть чадру и прочее в обмен на избавление от насилия, которому люди подвергаются.

Тургут Гамбар. Я думаю, что власти намеренно устроили провокацию в Нардаране, чтобы еще раз усилить миф об опасности политического Ислама. Я не верю, что основная альтернатива Алиеву это политический Ислам. День Ашуры – это не показатель их силы. Но даже это мы не можем точно знать, так как все цивилизные методы выявления общественного мнения (выборы, соцопросы) были разрушены властями.

Тогрул Джуварлы. Религия не исчезнет, так что важно вести с ней диалог и добиться ее трансформации.

- католицизм, ослабевший в Европе, сегодня получил новый импульс, как реакция на появления ислама в Европе.

Рахман Бадалов. Я маргинален в этом обществе, так как мне приходится делать выбор между властями и исламистами, а я не хочу выбирать между ними.

Алтай Геюшев. Идентификацию современного азербайджанца помог создать секуляризм вместо религиозной идентификации шиита и суннита.

- Думаю, что есть лимит развития и популярности исламизма в Азербайджане, так как наше общество десятилетия формировалось на светских началах.

Семинар 03

«Женский взгляд на Нардаранские события». (Тезисы)

Айгюн Мурадханла (редактор Интернет Сайта Korrespondent.az)

- Для любого общества нежелательны противостояния между властями и сектантскими группами, сопровождающиеся арестами и преследованиями. Это способствует расколу общества, препятствует его развитию, наносит серьезный ущерб его здоровым основам.
- “Нардаран” – это не сегодняшняя проблема. Годами это село живет обособленно от Азербайджана. Более 20-ти лет определенная часть населения Нардарана в открытую заявляют, что “нашим вождем является имам Хомейни”, имея ввиду лидера иранских шиитов.
- В первые годы после восстановления независимости, на юге Азербайджана, в Бакинских селах, в том числе и Нардаране, можно было встретить много иранских мулл и Тегеранских миссионеров. Месяцами, а некоторые порой и годами жили в селах, собирали вокруг себя сторонников, отправляли молодежь в Иран для получения религиозного образования. В 1997 году по указанию тогдашнего главы государства Гейдара Алиева против иранских миссионеров была проведена широкомасштабная операция (но не в форме вооруженного вторжения, проведенного 26 ноября 2015 года в Нардаране).
- Через некоторое время Тегеран вновь начал искать опору среди тех, кто получил религиозное образование и был направлен обратно в Азербайджан, кто, имея азербайджанский паспорт, служил иранским интересам.
- Проиранские активисты утверждают, что их притесняют из-за религиозных взглядов, женщинам создают проблемы из-за хиджаба, поэтому девочки не могут посещать школы, существует безработица, их не берут на работу и т.д. Дело в том, что по азербайджанским законам фото гражданина для удостоверения личности должно быть без головного убора. А поскольку практически все женщины Нардарана, живущие по законам шариата, не фотографируются без головного убора, то они не имеют удостоверения личности. Этим они фактически ставят себя вне закона, таким образом не могут получить свидетельство об окончании средней школы, поступить в ВУЗы, а также вступить в официальный брак. Отсутствие официального брака приводит к тому, что их дети остаются без документов. Их права на собственность не признаются. Эта проблема не дает возможности им выезжать из страны, т.к. паспорт выдается на основании удостоверения личности. Хотя проблема “хиджаба” неоднократно поднималась, власти не сделали уступок в этом вопросе, и он остается до сих пор открытым.

- Те, кто знаком с этим селом, знают, что редкие здесь семьи позволяют девочкам посещать школу. В большинстве семей в лучшем случае девочки только до 10 лет ходят в школу, затем – обучение Корана, хиджаб, дом. Что касается безработицы, то это проблема не только Нардаран. Сегодня и крупные города страны, и небольшие отдаленные деревни в той или иной степени стоят лицом к лицу с этой проблемой.
- Факты же указывают на то, что кадровый потенциал села очень низкий.
- По уровню образования Нардаран занимает одно из последних мест в стране. Из официальной статистики явствует, что среди выпускников двух средних школ Нардарана только 2-3 ученика поступают в ВУЗы. Старшие классы школ фактически пустуют – к учебе интереса нет.
- В Нардаране осталось очень мало образованных людей, большинство из них покинули село. Люди, желающие жить по светским законам, не выдерживают давление села.
- Жители Нардаран издавна жили по религиозным законам. Даже атеистическая советская власть не смогла помешать им совершать намаз, носить чадру, выполнять шариатские предписания. В этом селе существовал также некий институт агсаккалов. Этот институт решал проблемы в общине, при необходимости выступал в качестве посредника между гражданами и властями. Благодаря им, отношения между общиной и властями никогда не доходили до уровня вражды. В последние 20-25 лет в Нардаране наблюдается ослабление и этого института. Экспортруемая в село “религия” положила конец и этой традиции. Сегодня в Нардаране прислушиваются не к агсакалам, выступающим с примирительных позиций, а к словам молодых радикальных религиозных лидеров, цели которых вызывают многочисленные вопросы.
- Женщины, которых мы видели на видео в Интернете, связанные с событиями в Нардаране, не являются жителями этого села. В Нардаране в таких акциях не участвуют даже женщины из семей лидеров и активистов общины. Немногочисленные женщины, которых можно увидеть на митингах, привозились из города.
- Женщины не могут вмешиваться в процессы не только в общине, но и внутри семьи. В отличие от других регионов Азербайджана в этом селе роль женщин в принятии решений равна нулю. Быть женщиной в Нардаране, это значит прожить всю свою жизнь по чьим-то решениям, пусть даже и самых близких людей.
- Использование нардаранскими женщинами общественного транспорта, в том числе метро, редкое событие, и проживающий в XXI веке в Нардаре верующий воспринимает это как пример высокой нравственности.
- О переменах и развитии в этом селе можно проследить только на уровне телефонов, автомобилей, бытовой техники. Сознание не меняется. Детей в Нардаране растят как-будто для прошлого, а не будущего. Вместо детских сказок мальчикам рассказывают о доблести в племенных сражениях, живших 14 веков назад арабских лидеров, девочкам же проходят урок смирения, по достижении же определенного возраста их используют как аппарат для увеличения рода. Даже самые маленькие девочки принуждаются к ношению головного убора.
- Нардаран в годы борьбы за независимость и в первые годы независимости полностью отличался от своего сегодняшнего образа. В тот период село не было оторвано от Азербайджана, наоборот, даже представлявшие религиозную общину Нардаран активисты стремились участвовать в решении проблем страны и им создавали такие условия. Связь с политической элитой была тесной, молодежь для защиты территориальной целостности страны сражалась в добровольческих батальонах в Карабахе. При правлении Эльчибея нардаранцы были представлены в местных исполнительных органах, активно участвовали в общественно-

политических процессах. После прихода к власти Гейдара Алиева ситуация постепенно начала меняться.

- Начиная с 1993 года волна арестов в Нардаране никогда не прекращалась. Не успевали выйти на свободу одни арестованные, как начиналась другая волна арестов. Происходящее привело к точке невозврата отношений между властями и общиной. В действительности, среди озвученных нарданцами во время акций требований меньшая часть связана с религиозными свободами. На митингах они требовали решения социальных проблем – подачу газа и электроэнергии в село, открытия рабочих мест, возвращение захваченных чиновниками их исконных земель, протестовали против их оттеснения от управления, полного огораживания олигархами прибрежной полосы в результате чего для них был закрыт выход к морю, монополизации рыболовства – основного средства дохода местного населения, коррупции и взяточничества.

- Авторитарный режим для продления своей власти стремится занять умы людей сказками о той же стабильности, о “происках внешних сил, стремящихся создать в стране хаос”.

Дискуссия по докладу

Алтай Геюшев. Многое в нарданских восстаниях обусловлено социально-экономическими проблемами. В 1998 году поднялись цены на газ и как результат жители села перестали заниматься цветоводством.

- с 2000х годов власти поставили Нардаран в фактическую блокаду и как результат население стало радикализироваться.

- во многих странах мира (США, Франция, Швейцария и т.д.) есть проблема с закрытыми общинами.

- Многие шиитские активисты переезжают из разных регионов Азербайджана в Нардаран, так как, считают, что образ жизни в этом селе более подходящий для них.

- Уменьшения авторитета старейшин была связано с пропагандой Ирана, и их сговором с Шейхульисламом.

Шафаят Салех. Когда «Братья Мусульмане» начинала свою деятельность, она была довольно лояльной организацией. После репрессий хунты организация стала радикализироваться. Похожий процесс идет и в Азербайджане.

Хикмет Гаджизаде. Прийти к общему знаменателю с нарданцами возможно только после признания их гражданских прав и после того как они начнут верить в свои органы самоуправления. После этого и будет возможен диалог с ними.

- Во начале 1990-х глава органа местного самоуправления, честно избранный сельчанами активист движения за независимость Гаджи Джебраил справедливо разделил земли между нарданцами, никто не был обижен, и все были довольны таким правлением.

Азербайджанские мусульмане в Грузии – почти никаких проблем!

Встреча с исламскими демократическими активистами из Грузии, во главе с Алибала Аскеровым из Народного Движения Гейрат, Баку, 01 марта 2015 года.

Обсуждаемые вопросы

- Свобода вероисповедания в Грузии при СССР; в переходный период – Гамсахурдия – Шеварднадзе; при Саакашвили и при Иванишвили.

- Государственная политика в области религии сегодня

- Влияние Азербайджанского Управления по делам Религии.

- Мусульмане и православное население Грузии

- Эмиссары из Ирана

- Нурсисты

- Ваххабиты – Салафиты

- Исламский радикализм в Грузии.

- Во времена СССР азербайджанское население Грузии, проживающее в Марнеули и Болниси (в пошлом – Борчалинский Уезд), особой религиозностью не отличалось. В селении Фахралы (Талаверо) (население примерно 11 000 человек), мечеть использовалась как склад. В селе было двое мулл и они появлялись лишь на поминках. Не было, также, никаких конфликтов между шиитами и суннитами. Но сейчас мы чувствуем, что такие конфликты уже начинают возгораться.

- В начале 1990-х гг. с падением коммунистического режима и железного занавеса религиозность начала возрастать. В страну также хлынули религиозные эмиссары из Ирана. Правительство в Тбилиси, не чувствуя никакой угрозы, никак им не препятствовало. Вскоре иранское влияние распространилось повсюду среди шиитов Грузии. (Шииты Грузии расселены, в основном, в Марнеули, а сунниты – в Болниси)

- При поддержке Ирана открывали и ремонтировались мечети. На открытии мечетей обычно присутствовали представители иранского посольства в Грузии, проводились религиозные церемонии.

- В Грузии сегодня официально более 200 зарегистрированных мечетей. Из них 56 шиитского толка и находятся в нашем регионе. Остальные в Абхазии и Аджарии и связаны с Турцией – они суннитского толка.

- В 2000 году при Саакашвили был подготовлен проект закона о Религии, но этот проект два раза возвращался из парламента на доработку в основном из-за требований армянских депутатов, требовавших привилегий для Армянской церкви в Грузии – требовалось передать 700 церквей в Грузии армянской церкви. Кроме того, в законопроекте не был решен вопрос о различных сектах.

- В целом, мы считаем период правления Саакашвили наиболее успешным и продуктивным, в том числе, для азербайджанского населения Грузии.
- Грузинское представительство азербайджанского Управления Мусульман Кавказа (УМК) открылось в 1996 году и стало проводить экспансию в религиозную сферу Грузии. УМК назначало своих ахундов в мечети Марнеули и Болниси. В 2011 году президент Ильхам Алиев в поддержку УМК издал указ, позволяющий этой структуре открывать представительства за рубежом.
- Однако, в 2011 году грузинское правительство создало «Управление Мусульман Грузии» (УМГ). Как высказывались ее лидеры – «Просто мы создали независимое религиозное управление в независимом государстве». Главным муфтием УМГ избран Джемал Паксадзе, шейхом - Вагиф Акафилов, главным же имамом - Ясир Алиев.
- УМГ, естественно, стало независимым от азербайджанского УМК, с тех пор влияние Баку на религиозную жизнь в Грузии стало неуклонно падать. Назначенных из Баку имамов стали заменять имамы, назначенные из Тбилиси. Впрочем, новые, назначенные из Тбилиси имамы также не пользовались большим влиянием среди населения, как и имамы, назначенные из Баку. УМГ теперь управляется из Тбилиси Государственным Агентством по делам Религии. Проблемам, способным возникнуть между УМК и вновь образовавшимся УМГ, была посвящена встреча между министрами иностранных дел Азербайджана и Грузии, которая прошла в Марнеули.
- Сегодня в Марнеули действуют пять независимых мусульманских общин (шииты), все они зарегистрированы правительством и в их дела никто не вмешивается. Жаль, лишь, что они не могут объединиться. Противоречия между ними происходят лишь на личной почве...
- Как и ожидалось ни УМК, ни УМГ никакой серьезной работы среди населения не проводили, зато в страну хлынули религиозные эмиссары со всего Ближнего Востока – из Ирана, Турции и стран Персидского Залива – люди мотивированные, активные и с большими деньгами.
- Рьяные иностранные эмиссары стали строить мечети, распространять религиозную литературу, посылать молодежь для образования в свои религиозные центры. Вскоре противоречия между различными ветвями Ислама стали появляться все чаще. В 2015 году один местный ваххабит убил ножом другого местного жителя, так как тот сомневался в истинности ваххабитского (или салафитского) понимания ислама. Факты возможного распространения религиозной нетерпимости беспокоят и нас и грузинское население. В частности, массовые шествия в день Ашуры, проведенные под патронажем Ирана, сильно обеспокоили грузинское население страны.
- Что касается вооруженного религиозного экстремизма, то такового мы в нашем регионе не наблюдаем. Нам неизвестны случаи, чтобы мусульмане наших районов участвовали в боях в Сирии, Ираке или Афганистане.
- В Марнеули и Болниси функционирует 56 мечетей. Многие из них находятся под духовным и материальным влиянием Ирана.
- Имеются два медресе (религиозные школы) – одна под патронажем Турции, другая – Ирана.
- В стране действуют и секта нурсистов из Турции (сторонники Фатулла Гюлена), они обладают большими средствами. Но деятельность их скрыта от глаз общественности. Нам ничего про них неизвестно.

- У грузинских мусульманок нет проблем с ношением хиджаба – хиджаб ни в каком учреждении не запрещен. Однако, следует отметить, что ношение хиджаба спонсируется из-за границы – из Ирана.

- Власти отказываются выделять земли под строительство новых мечетей. В таком случае местные мусульмане строят мечети на своих частных землях и власти не препятствуют такому строительству.

- Несмотря на то, что сегодня зарубежные религиозные эмиссары посылают молодежь для обучения в своих религиозных центрах, но количество людей, имеющих достаточное религиозное образование, все еще мало.

- Особую активность среди шиитов Грузии развернул Иран. Предоставленные себе зарегистрированные государством официальные мечети постепенно переходят под патронаж Ирана.

- В стране функционирует фонд Ахли-бейт, который выделяют большие средства на поддержку мечетей, зарплаты проиранским ахундам, распространение религиозной литературы, издает газету и журнал на азербайджанском языке, содержит Интернет страницу на FACEBOOK – Muslims of Georgia:

https://www.facebook.com/groups/Georgiamuslim/1135229436510220/?ref=notif¬if_t=group_activity

- Однако мы уверены, что если финансирование их Ирана прекратится, то вся эта проиранская активность спадет на нет.

- Отметим и проблемы мусульман Грузии, связанные с христианскими активистами, поддерживаемые Грузинской Православной Церковью и государством, которое молчаливо поддерживает акции христианских экстремистов, направленные против мусульманского населения. Например, идет постоянная борьба за захват албанских церквей и превращение их в грузинские... На горах и холмах вокруг ареала проживания мусульман неизвестными по ночам расставляются большие железные кресты, что очень беспокоит местное население, воспринимаемые ими как символы устрашения. Христианские экстремисты своими действиями препятствуют восстановлению мечетей или строительству новых мечетей и власти не препятствуют им. Такой случай произошел в селе Фахралы.

- В целом, надо признать, что в Грузии свободы вероисповедания больше, чем в Азербайджане. Правительство в дела религии не вмешивается и без проволочек регистрирует независимые религиозные общины.

- В ГРУЗИИ ЗА ДВА ГОДА ВЕРНУЛИ МУСУЛЬМАНАМ 79 МЕЧЕТЕЙ

<http://ummet.kz/index.php/ru/nobosti/item/3831-%D0%B2-%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%B8%D0%B8-%D0%B7%D0%B0-%D0%B4%D0%B2%D0%B0-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%83%D0%BB%D0%B8-%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BC-79-%D0%BC%D0%B5%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B9>

С начала 2014 года на территории Грузии возвращены верующим 79 мусульманских храмов. Такие цифры озвучил глава государственного агентства по религиозным вопросам Грузии Заза Вашакмадзе, пишет “islamreview” со ссылкой на “Sputnik Грузия”.

В 2015 году на нужды мусульманской общины Грузии было выделено 2 млн 200 тысяч лари (около 890 тысяч долларов). Эти средства направлены на зарплату священнослужителей и их

религиозную деятельность, на реставрацию религиозных зданий, бытовые расходы религиозных объединений, на культурную и благотворительную деятельность.

Вашахмадзе также сообщил о подписании меморандума с министерством исполнения наказаний и пробации Грузии. В рамках меморандума обвиняемые, осужденные и пробационеры будут обеспечены встречами с духовными лицами, смогут принять участие в религиозных ритуалах. В рамках проекта в тюремных библиотеках будет размещена религиозная литература.

Семинар 04

Современные проблемы религиозной свободы в Азербайджане. (Тезисы)

Алтай Геюшев (востоковед, преподаватель Бакинского Государственного Университета)

- Есть три вида религиозных людей: интеллектуальные религиозные люди, которые приходят к религии посредством чтения и учебы, – у них нет противоречий со светским государством. Вторая группа: люди, верящие религиозным книгам и сторонники шариата (члены общин); Третья группа: Люди, идентифицирующие себя верующими просто по рождению.

- Есть большая разница между вторым и третьим родом верующих. Третьи могут быть консервативнее второй группы, так как третья группа в себя впитывает и нерелигиозный консерватизм.

- Третья группа не создает проблем для светского государства, в отличие от второй группы, которая по определению не может принять светское государство, так как это противоречит Корану. По Корану государство должно управляться по Шариату.

- Люди, которые идут на мероприятие Ашура в основном из третьей группы и идут на религиозные мероприятия по традиции.

- Первое столкновение между интеллигенцией – секулярной оппозицией и религиозными общинами произошло после убийства публициста Рафика Таги. Тогда секулярная часть общества смогла остудить пыл религиозной общественности. Даже религиозные лидеры Азербайджана заявляли тогда, что они не хотят, чтобы страна жила по Шариату, и таким образом признают силу секулярной мысли в стране.

- В 1918 году религиозная партия получила всего 2.7% голосов на выборах в Азербайджане.

- Во время национально-освободительного движения (1990-е) движением руководили секулярные силы.

- Азербайджан в конфессиональном смысле разделен на несколько частей: Суннитский север, Шиитский юг и нурсисты. Такое разделение очередной фактор различающий Азербайджан от Ирана или Саудовской Аравии.

- У суннитов и шиитов шариаты разные.

- Вторая группа религиозных людей в Азербайджане разделена пополам между суннитами и шиитами.

- В больших городах Азербайджана многие шииты перешли в суннизм.

- Местные религиозные проповедники стали популярнее иранских муллы, так как использовали язык и риторику более ясной народу.
- Проблема Нардарана социальная. Решение социальных проблем приведет к нормализации ситуации в Нардаране, так как большинство населения Нардарана относится к третьей группе.
- Решение религиозной проблемы проходит через изменения в Шариате. Такое изменение возможно... через такой же процесс проходила и Католическая церковь.
- В книге иранского аятоллы Ленкарани, самого популярного в свое время исламского ученого в Азербайджане, было написано, что разрешается брак с 9 летней девочкой. В Азербайджане после протестов общественности эту часть его книги отредактировали.
- Есть серьезное различие между шиизмом и суннизмом, которое называется «тагийя» и практикуется в шиизме, что означает разрешение на ложь при необходимости. Поэтому к заявлениям и обещаниям шиитских активистов следует относиться сдержанно.
- Вторая группа может пополняться за счет третьей группы. Чтобы предотвратить это, нужно улучшить социальную и политическую ситуацию в стране.
- Большинство азербайджанского народа никогда не проголосует за религиозные партии.
- Вторая группа выросла после развала Советского Союза как возврат к религии после долгого периода атеизма.
- Влияние процессов в Грузии и Армении на Азербайджан больше чем влияние Ирана и Турции. Азербайджан уже вышел из орбиты Ирана и Турции.

Дискуссия по докладу

Тургут Гамбар. Много ли людей проголосовали на выборах в 1918 году?

Алтай Геюшев. Только за партию Мусават проголосовало более 600.000 избирателей.

- Во время национально-освободительного движения 1990-х руководили движением секулярные силы.

- **Рахман Бадалов.** Есть ли разница между выборами 1918 и 2018 года? Будет ли результаты выборов схожими?

Алтай Геюшев. Результаты выборов будут схожими. Азербайджанский народ никогда не проголосует за религиозные партии.

- Вторая группа выросла после развала Советского Союза как возврат к религии после долгого периода атеизма.

Тургут Гамбар. Какой религиозный лидер более популярен в Азербайджане на сегодняшний день?

Алтай Геюшев. Однозначно, это – религиозный глава Ирана Аятолла Хаманей. Раньше был Аятолла Ланкарани, но со временем Хаманей стал более популярен.

Чингиз Султансой. Однако, после развала Советского Союза влияние Ирана и Турции на Азербайджан возросло.

Замин Гаджи. Сторонник ли вы религиозного просвещения в общеобразовательных школах?

Алтай Геюшев. В 90-х я был сторонником преподавания уроков религии, в школах считая, что это поможет предотвратить религиозный радикализм. Но потом я пришел к тому, что это приведет к обратному эффекту. В государственных школах религия не должна преподаваться,

но религия может преподаваться факультативно. Или, возможно, преподавани «истории религии».

Уроки религии в школе – в мире и у нас

Этибар Алиев (Глава Организации «Образование - XXI век»)

Вопрос о том, что если речь идет не о религиозности, а введении в школьную программу предмета, дающего объективные сведения о религиях и конфессиях, ясен, то это должно быть осуществлено немедленно.

Иммануил Кант в своем трактате «О педагогике» так писал об образовании:

“Дети не могут постичь все религиозные понятия. Пытаться заставить детей вы зубрить существующие правила – это бесполезное дело, способное вызвать у них превратное мнение о религиозности. По-настоящему поклоняться Богу – значит действовать по воле Всевышнего. Именно это необходимо внушать детям. Нужно следить за собой и детьми, чтобы не часто злоупотреблять именем Бога... Ребенок должен чувствовать, во-первых, что бог – хозяин всесущего, во-вторых, высшую силу, создавшую человека, наконец, в-третьих, чувствовать к нему уважение как к абсолютной власти”.

Эти рассуждения Канта показывают, что изучение религии и в жизни, и в образовательных учреждениях должно носить рациональный характер.

Пакистанский физик, истый мусульманин Абдус-Салам, когда услышал весть о получении им Нобелевской премии по физике, тотчас же отправился в мечеть и вознес молитву Всевышнему. Банкетную речь в честь награждения его Нобелевской премией он начал с чтения суры священного Корана “аль-Мульк” (Власть):

«3. ...В творении Милостивого ты не увидишь никакой несообразности. Взгляни еще раз. Видишь ли, ты какую-нибудь трещину?»

4. Потом взгляни еще раз и еще раз, и твой взор вернется к тебе униженным, утомленным.» (67, 3-4).

Это, по сути, и есть убеждение всех физиков; чем глубже мы ищем, тем больше мы удивляемся, тем ярче блеск познанного в наших глазах.

Как видим, религиозное и научное мышление успешно соседствуют в сознании этого известного физика. Абдус-Салам предлагал, чтобы в программах школ при мечетях и медресе были не только дисциплины по Исламу, но в них изучалось и естествознание. Абдус-Салам не выступает против действующих при мечетях и медресе школ, напротив, он сторонник включения в их программы точных наук.

Религия и образование

На Западе и, в целом, в секулярных культурах предусматривается такое религиозное образование, которое значительно отличается от академического образования.

По Законами США, из-за опасений дискриминации религиозное образование запрещено в общественных школах. Поддержка преподавателем или администрацией школы какой-то религии считается нарушением Первой Поправки к Конституции США. Границы этого Закона часто тестируются, становятся темой судебных разбирательств такие вопросы, как проведение традиционных религиозных праздников, декламация Клятвы Верности (начиная с 1954 г. США представляются как “нация, находящаяся под покровительством Бога”), вопросы адаптации совершающих молитвы (или наоборот) в классах и т.д.

Религиозное образование в США осуществляется через дополнительные “Воскресные школы”, “Иудейские школы”, “Классы Катехизиса” и др., в местах совершения молитв детей с родителями, либо в сочетании с богослужением, либо же в течение недели после школьных занятий. Некоторые семьи считают, что дополнительное религиозное обучение является недостаточным и отправляют своих детей в частные приходские школы, которые связаны с определенным церковным приходом, либо общиной. Многие конфессии предлагают также частные колледжи и религиозные школы, которые могут быть аккредитованы как колледжи.

Что запрещено Конституцией США:

Судебные интерпретации законодательства в этой области, быстро меняются. Если говорить в общих чертах, закон утверждает, что в классе нельзя совершать религиозные молитвы и ритуалы.

Согласно законодательству, в государственных школах запрещено:

* Требовать у студентов читать молитвы в классе.

У судов две основные претензии по данному вопросу:

*Обязательный характер молитвы. Несмотря на то, что большинство законов Штатов, которые пытаются разрешить школьную молитву, обычно позволяют студенту другого вероисповедания не молиться и ждать в коридоре, суды по-прежнему видят тут элемент принуждения. Отделив себя от остальной части класса, студент рискует позднее подвергнуться притеснениям и злоупотреблениям со стороны других студентов.

*Риск религиозной индоктринации. В Первой поправке к Конституции США говорится, что не должно быть никакого закона об установлении какой-то определенной религии. Суды видят молитву в классе, как один из примеров предпочтения государством одной религии над другой. Даже если молитва не относится к какой-либо конкретной религии, суды по-прежнему считают, что таким образом государство одобряет и содействует вере в Бога (или другой вере, о которой говорится в религии). В этой связи Верховный суд США в деле *Энгель против Витале* (1962) вынес решение, запрещающее обязательную ежедневную школьную молитву. В 1963 году суд отменил законы в Пенсильвании и Мэриленде, согласно которым чтение Библии и молитвы были обязательными.

* Публичные молитвы во время игр в средней школе.

Различные суды постановили, что:

- Студент или группа студентов могут свободно молиться во время игры. Запрет этого приведет к нарушению права на свободу слова студента.

- Учителя, тренеры и т.д. не могут вести групповую молитву. Это будет рассматриваться как одобрение школой конкретной религии, что является неконституционным в соответствии с принципом разделения церкви и государства.

* Запрет на ношение религиозной одежды и символов. Это, как представляется, является растущей проблемой в США. В целом, дети не отказываются от своих религиозных прав при вхождении в кампусы государственных школ. Религиозная одежда и символы, если они не призывают к насилию, являются защищенной формой речи.

Что Конституция США позволяет.

То, что Конституция позволяет, опять же, находится в состоянии постоянного изменения. По состоянию на начало 1999 года следующие религиозные процедуры были разрешены и конституционно защищены Первой поправкой к Конституции (Свобода слова, вероисповедания, мирных собраний):

* Выпускные церемонии: Некоторые призывы, благословения и молитвы на выпускных церемониях. Судебные инстанции считают это непрозрачной сферой.

* Преподавание религии: Положительные и отрицательные стороны религий на общество могут быть изучены в курсах истории, литературы, сравнительного религиоведения и других... Курсы сравнительного религиоведения допускаются до тех пор, пока одна религия не представлена выше любой другой, или как абсолютная истина. Изучение Библии допускается только вместе с изучением текстов из других религий. Школы могут поведать ученикам о многих темах в сфере религии, но не могут внушать своим студентам ту или иную конфессию.

* Студенческие религиозные клубы: если учебное заведение получает федеральные средства, то оно должно подчиняться Федеральному закону о равном доступе от 1984 года. Учащиеся могут свободно организовывать изучение Библии и создавать другие специальные религиозные клубы по интересам только в том случае, если допускаются какие-либо другие светские клубы. Школа может запретить религиозные клубы, но только если она запрещает все остальные студенческие клубы. Религиозные клубы должны иметь такой же доступ к школьным помещениям (пространство для встреч, разрешение на рекламу на досках и т.д.), как и другие клубы. Групповые встречи должны быть "добровольными и инициированными студентами". Не должно быть никакого «спонсорства» встреч в школе. "Внешкольные лица не могут направлять, проводить, контролировать или регулярно посещать" религиозные мероприятия. Одним из следствий этого закона является процветание христианских клубов в государственных школах. По оценкам Американского Союза Гражданских Свобод, 10000 христианские клубы функционируют в высших школах США.

* Минута молчания: Учащиеся могут быть призваны к минуте молчания, в течение которой они могут молиться, медитировать, планировать свой день, или заниматься какой-либо другой бесшумной умственной деятельностью.

* Молитва за пределами здания школы: Учащиеся могут организовать молитвы на территории школы за пределами классной комнаты, например, они могут проводить групповые молитвенные собрания у школьного флагштока.

* Религиозная речь в школе: Учащиеся могут приносить Библию или другие религиозные тексты в школу и держать их в школе. Они могут молиться перед едой. Учащийся может молиться в школьном автобусе, кафетерии, классах до и после занятий, коридорах, туалетах и т.д. ... Вне класса учащиеся могут носить футболки с религиозным текстом. Они могут носить религиозные ювелирные изделия (кнопки, символы). Они могут раздавать религиозные материалы. Они могут свободно говорить о религии с другими студентами за пределами класса. Они могут молиться перед едой в столовой.

* Преподавание теории эволюции: Школы могут требовать от своих учителей объяснить эволюцию в качестве научной теории, поддержанной 95% ученых. Сюда относятся и учителя, которые не верят в эволюцию из-за своих личных религиозных убеждений.

* Могут ли учителя демонстрировать свою религию: Учителям могут запретить отображение Библии на своем столе или от размещения религиозных плакатов на стене классной комнаты, ибо это будет означать государственную поддержку конкретной религии. Таким образом, закон гарантирует основные религиозные свободы студентов, требуя при этом у школы поддержания религиозно нейтральной среды.

Турция

Институциональное образование в целом, и религиозное образование, в частности, в Турции централизовано. Данный подход начался с Единого Закона об Образовании, который впервые был составлен в 1924 году и сохранился в последующих правовых реформах и конституционных изменениях. В контексте светской революции Ататюрка были ликвидированы прежние порядки, существующие в системе образования Османской империи. Более современный Единый Закон об Образовании был интерпретирован как полностью исключающий религиозное обучение в государственных учебных заведениях. В 1956 году в результате установления многопартийной демократии, было создано новое правительство во главе с Демократической Партией. Это новое правительство ввело курс религии в средних школах. После военного переворота в 1980 году религиозное образование в школах было преобразовано. Новая программа «Культура религии и знания этики» интегрировала курс с целями и принципами общего образования для студентов с тем, чтобы они стали критическими и активными участниками образовательного процесса. Содержание религиозного образования по-прежнему составляется государством. Государство гарантирует, что прежде, чем получить информацию о других религиозных учениях дети вначале должны получить знания обо всех существующих интерпретациях ислама.

Преподавание религиозных уроков в Турции

Преподавание религиозных уроков в Турции связано с созданием современных школ. Создание этих школ началось после провозглашения Турецкой Республики. Одним из важных новшеств в преподавании религиозных уроков в школах в тот период являлось принятие Закона Маарифе-Уммие (Закон о Едином Образовании), который позволял в начальной школе преподавание уроков по религии среди различных религиозных конфессий. Предполагалось также открытие определенного числа разных школ среди жителей, принадлежащих к разным конфессиям.

Известный турецкий мыслитель Зия Гёкалп во избежание недопонимания и путаницы в вопросах религии, указывал на необходимость наглядного изучения религии на уроках, опираясь на научные методы. Однако среди его трудов мы не находим конкретных взглядов на теорию преподавания религии в школах. В современной Турции практика уроков религии в государственных школах не похожа на религиозное образование в Европе и связано с взаимоотношением религия – государство, основанное на светскости. В 1926 г. полученный в наследство от Османской империи предмет «Религиозные сведения о Коране» превратился в добровольные уроки по религии. С 1930 г. в городских, а с 1938 г. в сельских начальных школах эти уроки были отменены. Главной особенностью уроков по религии в этот период являлось формирование национального самосознания, опирающегося на Ислам. С 1948 г. добровольно, а

с 1982 г. началось обязательное изучение дисциплины “Религиозная культура и основы морали и нравственности”. За этот период были утверждены ее статус, цели, содержание и направления. Таким образом, в Турции от опыта полного отсутствия уроков по религии перешли к опыту обязательного изучения предмета “Религиозная культура и основы морали и нравственности”.

Каким должен быть урок по религии?

Дискуссии продолжаются. В центре поиска находится принцип плюрализма и равенства. Хотя опыт преподавания уроков по религии в Турции указывает на различия с европейским опытом в этой сфере, тут можно найти некоторые параллели и схожие черты.

Решение проблемы – это не вытеснение религиозного образования из школ. Проведенные исследования во Франции и в Женевском кантоне Швейцарии, где религия полностью отделена от государства, указали на необходимость преподавания в школах предмета по культуре религии. В 2002 г. француз Р.Дэбре предложил комплексный урок под названием “*Philosophie de laisite et histoire des religions*”. Социолог В.Хутмахер отмечал важность и необходимость изучения дисциплины, дающей объективные сведения о религии, сектах и т.д.

В Британии есть два вида церковных школ.

- Церковные школы, получающие дотации от государства (*Voluntary-aided schools*). В этих школах 2/3 часть обучения проводится церковью, 1/3 часть – государством. Средства на эти школы выделяются совместно церковью и государством. Общее религиозное образование позволяет богослужение на основе определенной религии.

- Церковные школы, находящиеся под контролем государства (*Voluntary-controlled schools*). В этих школах 1/3 часть образования проводится со стороны церкви, 2/3 – государства. Все расходы оплачивает государство, хотя во время общего богослужения разрешается упоминание какой-то религии. Считается обязательным в религиозном обучении следовать “Программе Религиозного образования”, включающего в себя особенности регионального образования.

В целом, религиозное образование в государственных средних школах не позволяет проповедовать конкретную религию и охватывает многие вероисповедания, хотя законодательство по-прежнему требует, чтобы оно имело больше христианское содержание. Церковь Шотландии не имеет школ, однако часто присутствует в Шотландских неконфессиональных учреждениях. В Шотландии нет национальной учебной программы в области религии.

В Англии нет единой национальной программы религиозного образования. В Англии и Уэльсе, содержание учебного плана согласовывается с местными органами управления образованием, которые проводятся в жизнь с ратификацией Постоянного консультативного совета по религиозному образованию (SACRE), включающего представителей различных религиозных групп, учителей и членов местных советов. Родители могут забирать своих детей из всех или из части занятий по религиозному и половому образованию.

Религия и образование в Германии.

Согласно статьи 7-ой Конституции Германии, религиозные уроки включены в число обязательных школьных предметов. В федеральных землях на основе этой статьи были приняты законы, регулирующие образование и обучение, т.к. они несут ответственность за это. В этом случае эта статья Федеральной Конституции служит защите земельных конституций в данной сфере.

Вышеупомянутая 7-ая статья Федеральной Конституции гласит:

А. Все функции образования и обучения находятся под контролем государства;

Б. Посещение ребенком уроков по религии зависит от мнения лиц, занимающихся его воспитанием (родителей);

С. Проведение уроков по религии обязательны во всех официальных школах, за исключением тех, где их преподавание не входит в число обязательных

Религия и образование в Бельгии

В бельгийских школах, в особенности в государственных, все учащиеся, вне зависимости от их вероисповедания или отсутствия оно, обязаны проходить урок “Нравственности”. Это делается с целью ознакомления учащихся с нравственными ценностями общества, для чего им разъясняется в общих чертах кодекс общественной морали и каждодневного поведения. Во всех школах страны учащиеся обязаны выбирать одну из нижеприведенных уроков по религии:

- 1.Католическое христианство;
2. Протестантское христианство;
3. Ислам;
- 4.Иудаизм;
- 5.Урок морали (нравственности) для атеистов

В детских садах Бельгии для детей с 2,5 лет уроки по религии начинаются с благодарственной молитвы, религиозные познания преподносятся в виде игр, рисунков, раскраски книг и т.д. До 1980-х годов для уроков по католической религии в 1-2 классах начальных школ отводилось 4 часа в неделю, в 3-4-х классах – 3 часа, 5-6-х классах и лицеях – 2 часа. С конца 1980-х годов по настоящее время в начальных и средних классах, а также лицеях урокам по религии стало отводиться 2 часа в неделю, а в некоторых идеологических школах – по 3 часа в неделю.

Что может дать преподавание религии в школе?

Что даст обществу преподавание основ религии (для азербайджанцев речь идет, конечно же, о традиционной религии – Исламе) учащимся средних школ и молодежи в ВУЗах? Попытаемся найти самые общие ответы:

- Если начиная со средних школ дети и подростки будут изучать Ислам без искажений, это в первую очередь защитит наших завтрашних граждан от чуждого идеологического влияния извне, не даст возможность превратить их в орудие воздействия в руках радикальных религиозных эмиссаров. Этот метод в международной практике называют «идеологическим

иммунитетом». Отметим, что молодежь, привлеченная в различные религиозные секты, зачастую объясняет причину этого отсутствием достаточных знаний по Исламу.

- Этим можно защитить молодежь, которая в целях удовлетворения своих духовных исканий и запросов в религиозной области, пытается их найти вне школы и иногда попадает под влияние невежественных религиозных лиц, а также тех, которые изолируясь от общества доходят до фанатизма. Если подростки в обучающихся школах получают достаточно сведений о религии, у них не будет нужды искать их вне школ.

Здесь особо нужно отметить, что поскольку школы находятся в ведении государства, то есть гарантия того, что преподавание Ислама в школах будет осуществляться без суеверий и предрассудков

- Роль религиозного образования незаменима в формировании национальной идеологии именно на основе национально-нравственных ценностей, в возникновении более устойчивых и гарантированных ценностей и критериев.

- Этим мы можем приобрести надежное оружие в борьбе с таким злом современности, как наркомания, преступность, тунеядство, распущенность, моральную деградацию.

Этот список можно продолжить до бесконечности. Но в этом нет нужды. Добавим только то, что правильное религиозное образование молодежи позволит покончить с предрассудками и сектантством и воспитать морально и нравственно совершенную личность, не даст национально-нравственным ценностям и культуре деградировать и т.д.

Национальный Совет Молодежных Организаций Азербайджана и Центр Религиозных Исследований провели в двух классах трех школ Ясамальского района (№13, 20, 173) среди 200 школьников курсы по религии на основе книги «Мы изучаем Ислам». Уроки носили экспериментальный характер и имели целью определить имеющиеся возможности, интерес учеников к указанному предмету и способность его усвоения.

По окончании уроков среди 150 учеников, прошедших курс по книге “Мы изучаем Ислам”, и их родителей был проведен письменный анкетный опрос. В анкетах для родителей было предусмотрено 12, для учеников 5 вопросов.

Поскольку здесь невозможно привести все ответы на заданные вопросы, мы остановимся на ответе всего на один вопрос – «Как вы относитесь к обучению религии в средней школе на основе книги «Мы изучаем Ислам?»», среди опрошенных 150 учеников все ответили на вопрос положительно, отметив, что уроки были очень интересными и они являются сторонниками такого обучения.

147 из опрошенных 150 родителей ответили на вопрос положительно и отметили, что являются сторонниками изучения религии. 52 из этих 147 человек отметили также, что есть необходимость в более углубленном изучении предмета и он должен быть обязательным предметом во всех классах. Многие родители на обратной стороне анкет написали свои пожелания, отметили, что в ходе изучения этого предмета у их детей произошли позитивные изменения и выразили признательность преподавателям. Этот опрос еще раз подтвердил нужду азербайджанского общества в религиозно-нравственных познаниях и воспитании.

В период борьбы против хиджаба наши сотрудники побывали во многих школах. Они заметили, что у тех, кто носят хиджаб, лучшая посещаемость и успеваемость, чем у других учеников. Некоторые из них при поступлении в ВУЗы даже набрали максимальные 700 баллов.

Поскольку в наших средних школах не изучается религия, соответственно, нет учебников по этому предмету. В Азербайджане религия не изучается как самостоятельный предмет. Однако в

различных учебниках, к примеру: «Азербайджанский язык», «Знания о жизни», «История» и др. содержатся изречения и афоризмы пророка и имамов.

В Азербайджане при подготовке документов и Закона об образовании не были учтены Законодательства других стран касательно религии. Однако сейчас религия в современном мире выступает в другом статусе. Наряду с этим, в ВУЗах преподается предмет “Мультикультуризм”, в которой религии отводится незначительное время.

В “Законо об образовании” Азербайджанской Республики записано:

4.0.2. (Этот Закон) предусматривает подготовку специалистов-кадров, способных сохранить и развить национально-нравственные и общемировые ценности и имеющих широкое мировоззрение.

Несмотря на то, что религия является одной из основных форм развития мировоззрения, в Законе нет упоминания о ней. Во-вторых, на всех ступенях образования Азербайджан стремится учитывать теорию и практику всемирного образования. Но при этом умалчивает о религиозном образовании. Однако реалии сегодняшнего дня диктуют нам необходимость повышенного внимания к религиозным знаниям.

Я сторонник религиозного образования в средних и высших учебных заведениях Азербайджана. Учебные программы должны быть составлены таким образом, чтобы основные ценности всех религий могли получить там место. Если в стране объявляется год “мультикультуризма”, то как в таком случае можно избежать преподавания религии? Эти уроки можно проводить и как внеклассные семинары. Здесь речь должна идти не о предмете “История религии”, а о “Религиозном образовании”, к примеру, таком, как “Введение в религиоведение” или “Основы религии” и т.д.

Дискуссия по докладу

Замин Гаджи. Кто финансирует факультеты богословия в наших университетах и в Исламском Университете (при Управлении Мусульман Кавказа)?

Этибар Алиев. Они финансируются за счет государства, среди них и Исламский Университет, и Богословский Факультет (İlahiyyət fakültəsi) Бакинского Государственного Университета.

Тогрул Джуварлы. Вы упомянули учебник «Мы изучаем Ислам». Какие сведения содержатся в ней?

Э.Алиев. Эта книга дает общие сведения об основах Ислама без какого-либо уклона к различным течениям в Исламе.

Ахад Мамедли: Некоторое время назад стали закрываться некоторые мечети в центральных частях города и это привело к тому, что их прихожане перекочевали на окраины города и остались вне контроля властей. Думаю, что уроки религии должны преподаваться в школах, учащиеся должны иметь правдивые сведения об основах Ислама, чтобы не возникали противозаконные экстремистские религиозные течения, террористические группировки. Если не проходить основы Ислама в школах, то усилятся такие явления, как салафизм, что происходит в поселках Гарачухур и Мехтиабад. Как это не парадоксально звучит, но в секулярном Азербайджане необходимо религиозное образование в школах именно для сохранения секуляризма.

Замин Гаджи. Как проводятся занятия в Исламском Университете и Богословском факультете БГУ, на основании каких программ?

Этибар Алиев. Например, на Богословском факультете Бакинского ГосУниверситета программы составляются, на основе программы, подготовленной в Министерстве образования.

Тогрул Джуварлы: В связи с докладом у меня два вопроса. Кого готовит Богословский факультет БГУ, какая специальность записана у них в дипломе. Теология? Второй вопрос – преподают ли там, например, основы суфизма?

Этибар Алиев. В дипломах пишется – Богословие (İlahiyyətçi). Что касается второго вопроса, то у меня нет информации, сколько конкретно времени отведено суфизму.

Айгюн Мамедханлы. Мои дети обучаются в турецком лицее, у турков сведения о религии преподносятся на основе суннитского ислама.

Гаджи Замин. На мой взгляд, религия слишком абстрактный предмет для преподавания. Как по-вашему, нельзя ли к уже существующим дисциплинам или предметам таким как история, социология, психология, этика некоторые сведения о религии и на этом удовлетвориться? Есть ли надобность в новом предмете?

Рашад Ширин. Я согласен со многими прозвучавшими здесь высказываниями. Но у меня ряд вопросов – например, может вместо вопроса, нужно ли религиозное образование, задуматься над тем, как интегрировать религию в образование. Может быть в программу уже имеющегося предмета «Человек и общество» внести общие понятия о религии?

Э.Алиев. Нет, я все же считаю, что в школах должна быть введена программа по основам религии, что позволит приобрести верные сведения об Исламе и предотвратит распространение религиозного фундаментализма и экстремизма.

Рахман Бадалов. Нельзя ставить вопрос в такой плоскости – нужно или не нужно религиозное образование в школах. Вопрос должен быть таким – кто будет преподавать эту дисциплину, кому можно поручить это важное направление? Учитывая нынешнюю ситуацию, считаю, что преподавательский потенциал республики не в состоянии справиться с этой задачей.

Х.Гаджи-заде. Думаю, что нам также важно задуматься над тем, что преподавание религии не должно сопровождаться дискриминацией между верующими различных конфессий, или, например, между верующими и атеистами. Кому-то из нас было бы очень полезно провести исследование и написать эссе на тему: как избежать дискриминацию при преподавании религии в Азербайджане.

А.Мурадханлы. В Европе религиозное образование в школах не воспринимается как нечто негативное. А у нас к этому относятся зачастую с опасением, в том числе и я сама.

Х.Гаджи-заде. Видите ли, на западе различные группы людей по-разному относятся к преподаванию религии и есть разная историческая основа преподавания религии в школе. В Англии – Англиканская церковь исторически почти слилась с английской идентичностью – считается, что это церковь сформировала нацию. А первые поселенцы в США как раз и покинули Англию из-за нежелания подчиниться диктату единой англиканской церкви и теперь они больше не желают единой государственной религии. В послевоенной Германии положительное отношение к религии связано с тем, что религиозные активисты были в активной оппозиции к Гитлеру, он же старался всех их уничтожить. Ну, и так далее, в каждой стране по-разному...

Х. Гаджи-заде. Что происходит вокруг религиозных сообществ в бакинском поселке Гарачухур. Кто там верховодит?

Э.Алиев. Там – оплот ваххабизма (или салафизма), и ваххабитские активисты активно привлекают на свою сторону многих молодых людей, которые в молельные дома ходят гораздо активнее, чем в школы.

Р.Ширин. Есть еще один важный момент в механизме радикализации молодежи. Молодые люди радикализуются не столько из-за своих родителей, и не в мечетях. Этому скорее способствуют неформальные социальные сети, сети в интернете и тюрьмы...

Х.Гаджи-заде. Верно, и нам надо бы обратить внимание на то, что происходит в наших тюрьмах, где, по мнению, многих успешно действует инкубатор религиозного экстремизма.

Тюрьмы как инкубатор религиозного экстремизма

Интервью с только что освободившимися из тюрьмы политзаключёнными, оппозиционными лидерами партии Мусават – Тофиком Ягублу и Ядигаром Садыховым.

Хикмет Гаджи-заде (ХГ): Поясняет интервьюируемым цели и задачи исследования и данного интервью – радикализм в тюрьмах.

Тургут Гамбар (ТГ): Первый вопрос, ради общего представления, чтобы понять с какой позиции вы выступаете. Какие у вас религиозные воззрения?

Тофиг Ягублу (ТЯ): Я атеист. Я не верю ни в рай, ни ад. Есть множество религий, где поклоняются природным явлениям, разным животным, но они не представляют никакой опасности проблемы для общества. В Исламе же требуется беспрекословное поклонение Аллаху и его законам. В целом, считаю, что все религии разделяют людей и сеют вражду.

Ядигяр Садыглы (ЯС): Я верую в бога. Но я не практикующий мусульманин, я не придерживаюсь большинства запретов Ислама и не согласен с некоторыми законами Шариата.

ТЯ: Я также не могу принять Ислам из-за того, что написано в Коране. Есть несколько аятов о том, что Коран был послан людям на арабском, чтобы люди могли его понять. И люди (не арабы) принимали Ислам, не понимая, что написано в Коране. Их заставляли.

Но даже если бы эту книгу перевели бы на разные языки и люди бы смогли ее прочесть, то эту религию вообще бы никто бы не принял, потому что то, что там написано просто абсурд. Там много спорных положений и много положений против женщин и своих оппонентов. До прочтения перевода Корана на азербайджанский, я наивно думал, что в Коране люди призываются не воровать, не убивать, уважать старших и т.д., но я был шокирован, когда начал читать Коран. Выполнить то что там было написано невозможно.

Например, в Коране есть стихи:

о порядке прихода жен в лоно к Пророку Мухаммеду;

о разрешения на брак Пророка с женой пасынка;

о женщинах, которые принадлежат Пророку;

о том, что надо убивать неверных;

о необходимости борьбы с другими народами, пока они не примут Ислам.

В то же самое время есть противоречивые стихи о неверных: в одном стихе говорится о необходимости их убивать, в другом призывают их не трогать, в третьем говорится, о том, что они понесут наказание за то, что не приняли Ислам, в четвертом, говорится, что Аллах может привести неверных к вере одним стихом, в пятом, говорится о том, что Аллах отобрал у неверных возможность понимать религию.

ТГ: Какова ситуация в [бакинском поселке – ред.] Гарачухур и южных регионах Азербайджана в религиозной сфере?

ТЯ: В Гарачухуре активно распространяется ваххабизм [имеется в виду салафизм – ред.] так же, как и в других регионах Баку. Там есть мечеть, в которую собираются ваххабиты. Шииты туда не ходят. Это новая мечеть, и с самого начала туда ходят только ваххабиты.

ЯС: В Ленкоране [юг страны – ред.] живут в основном шииты. После последних событий во время месяца Махаррам были арестовали нескольких ведущих представителей шиитов в регионе.

ХГ: Когда я был в Ленкоране на конференции посвященной юбилею первой демократической республике, то на даже на этой конференции все разговоры происходили в контексте религии.

ЯС. Да, я помню, что Хикмет бей говорил им, что в Коране дается право мужчинам бить своих жен и он говорил, что это недемократично, и пусть тогда уж и женщинам дается право бить своих мужей.

ТГ: Какова ситуация с отправлением религии в тюрьмах? Сколько религиозных людей в тюрьмах? Какое соотношение шиитов и ваххабитов?

ТЯ: В 13-й колонии совершающих намаз, практикующих мусульман было примерно 40-50% от общего числа заключенных. Среди них 80% шиитов, 20% ваххабитов. Примерно то же соотношение, что и по всей стране. Ваххабиты открыто поддерживали «Исламское Государство» (ИГ) и говорили, что ИГ своими жестокими действиями лишь выполняют волю Аллаха. Ваххабиты там однозначно говорили, что после выхода из тюрьмы достаточно одной фетвы, чтобы мы начали взрывать университеты, кинотеатры и прочее. Помню, когда я только попал туда, между шиитами и ваххабитами произошли серьезные столкновения. Были введены войска, не то они бы поубивали друг друга. Шиитов в тюрьме больше, с ними можно говорить, они готовы тебя слушать. Ваххабитам пытаешься что-то объяснить, так у них стразу, начинают глаза бегать... (смеется). Конечно же, в разных тюрьмах разная религиозная среда. К примеру, Шеки или Гянджа, или же 13-я колония – наверно, отличаются друг от друга... Впервые симпатии к ИГ среди арестантов я наблюдал в Шеки. Представьте, по ТВ показывают сцену как солдаты ИГ режут головы своим пленникам и тут арестанты кричат «Аллаху Акбар!». Поверьте, приходят смотреть телевизор, если слышат какое-то сообщение об успешных действиях ИГ, гордятся этим, поздравляют друг друга. Если же где-то проводились операции против ИГ, их силы были ослаблены, у них портилось настроение. В тюрьмах есть открытые сторонники ИГ... Иными словами, имеются потенциальные или реальные сторонники ИГ. После освобождения они собираются уничтожат всех безбожников. Они говорят, Конституция – ложь, налоги тоже и вообще все институты светского государства должны быть уничтожены. Есть лишь одна книга – Коран. Там все уже написано, и в других книгах нет необходимости. Говорят – как только получим приказ, будем убивать, разрушать. Они, например, утверждают, что все шииты должны быть уничтожены. Был один парень из Джалилабада по имени Фаик. Он говорил мне, «я вас не понимаю, я признаю книгу Аллаха. Там написано – убивайте врагов Аллаха и пророка.

Если кто-то сомневается в Коране и Аллахе, то я должен его убить. Что вам тут непонятно?» Он говорил, «я горжусь, что сижу в тюрьме во имя Аллаха».

ХГ: Допускаете ли вы, что у этих людей могут быть психологические проблемы:

ТЯ: Сидевший со мной в этой колонии доктор Али Инсанов [бывший министр здравоохранения страны – ред.] утверждает, что эти люди шизофреники. Они говорят, что готовы убивать своих родителей, свои семьи, если на то будет воля Аллаха. Они говорили, что готовы взрывать университеты, кинотеатры, театры, если будет фатва из Абу Бакра [салифитская мечеть в Баку, ныне закрыта властями - ред].

ЯС: Так как наша колония была для осужденных по не тяжким преступлениям, возможна там было немного другая ситуация. К примеру, могу привести одного табасаранца, который тоже поддерживал насильственные методы продвижения Ислама. Считал шиитов и не практикующих мусульман неверными. В нашей колонии было 1500 заключенных, из них примерно 200 практикующих мусульман, из них примерно 60 человек – ваххабиты. Но они тоже неоднородны и довольно разрозненны. Остальные были шиитами, но они не были фанатиками, некоторые начали практиковать религию лишь в тюрьме. Я, по возможности защищал свободу религии ленкоранцев, они ко мне часто обращались за помощью. Но никто из них не пришел на мой суд.

У радикалов есть такой принцип: если ты видишь, что разговор с кем-то, или прочтение какой-то книги ослабляют твою веру, держись от этого подальше, это послано дьяволом. Согласно этому, многие из них избегают дискуссий. Был молодой парень в одной камере со мной. Он знал арабский алфавит и читал Коран, но не понимал, что там написано. Я призывал его читать и другие книги, но он отказывался. Среди них очень мало образованных людей. Они требуют Шариат, но не знают, что чуть более 50 лет назад во многих арабских странах было введено шариатское законодательство и ничего хорошего из этого не вышло. Никакого развития.

ХГ: Но есть же и образованные радикалы. Среди террористов в западных странах есть инженеры, люди, умеющие водить самолеты и т.д. Например, Мухаммед Атта глава террористической группы, взорвавшей небоскребы в Нью-Йорке в 9/11 был из состоятельной семьи и имел очень хорошее образование.

ТГ: По каким статьям в основном бывают осуждены религиозные люди?

ТЯ: Были люди, осужденные именно за терроризм, например – «Лесные братья». Есть те, кто осужден за кражу, за аварии, по тем же статьям, по которым бывают осуждены и другие люди. Есть и религиозные активисты, осужденные по сфабрикованным обвинениям – наркотики, оружие...

ЯС: В следственном изоляторе были люди осужденные за призыв не дать провести гей парад в Баку во время Евровидения. Они – шииты и были осуждены за хранения наркотиков, нарушение общественного порядка.

ТГ: Какие у этих людей отношения к политике, к оппозиции и правительству в Азербайджане? Каким они хотят видеть Азербайджан?

ЯС: Они хотят введения законов Шариата в стране. Ваххабиты не воспринимают ни оппозицию, ни власти. С шиитами еще можно найти общий язык и они ближе к оппозиции, чем к властям. Например, один шиит там был против того, что Исламская Партия поддержала на парламентских выборах партократа Ильяса Исмаилова, а не демократа Джамиля Гасанлы.

Шииты могут поддержать гипотетическое общенациональное демократическое движения, а ваххабиты – нет.

ТЯ: Шииты поддерживают оппозицию. Да, они пойдут за шиитскими лидерами, если такие найдутся, но они понимают, что демократические секулярные силы во власти будут защищать и их свободу вероисповедания. Ваххабиты не поддерживают никакие секулярные политические силы в Азербайджане, считают их агентами Америки.

ТГ: Есть мнение, что люди становятся религиозными и радикализуются в тюрьме?

ТЯ: Да, многие люди становятся религиозными в тюрьме. С самого начала, как только человек попадает в следственный изолятор, далее предварительное заключение, далее тюрьма и многие выходят из этого конвейера религиозными людьми, таких – 90%.

Как это происходит? Предположим, рядовой член общества, до которого никому нет дела, который на воле не практикует религию попадает под арест, его избивают несколько дней в полицейском отделении, потом приводят в следственный изолятор, где сидящие рядом с ним в камере заботятся о нем и говорят ему «да откроет твои двери Аллах! Только он поможет тебе». Человек попадающий в эту атмосферу думает, что по- другому, в неволе и не выживешь. Не сравнивайте рядового человека с политзаключенными, которых защищает общественность, адвокаты, пресса, в их защиту делаются заявления. Многих обычных заключенных никто не защищает. А, порой и родственники ими мало интересуются. И эти люди в камерах становятся религиозными, начинают читать религиозные книги. После выхода из тюрьмы они продолжают поддерживать связь с соответствующей религиозной группой. Да им и податься то больше некуда!

В нашей колонии я занимался анти-религиозной пропагандой. Даже тюремная администрация несколько раз призывала меня не заниматься этим, так как это было опасно для меня. Но я продолжал. В то же самое время, быть членом религиозного сообщества в тюрьме дает человеку чувство защищенности, братской солидарности. Они поддерживают друг друга и морально и материально. Этим людям часто присылали религиозные диски, они всегда собирались вместе и тут велась религиозная пропаганда с утра и до вечера.

ЯС: В тюрьмах, конечно же более плодотворная почва для развития религиозности и экстремизма. Но все зависит от твоего окружения. Если вокруг большинство религиозные люди, то этот человек скорее всего тоже станет религиозным. Но если в одной камере пятеро нерелигиозных, то один религиозный человек не сможет на них подействовать.

ХГ: Есть такое мнение, что отсутствие демократической дискуссии, демократических институтов, делает религию привлекательной?

ТЯ: Да, так и есть. Если демократия репрессирована, то религиозность и экстремизм успешно развиваются.

ХГ: Что вы оба думаете о преподавании религии в школах?

ТЯ: Я - против этого. Тогда должны преподаваться все религии, в том числе атеизм. Не должно быть крена в пользу Ислама. Если в школах разрешат ношение хиджаба, то также должны разрешить ношение других религиозных атрибутов. Ношение хиджаба в школах также является религиозной пропагандой. В то же время, девочка школьного возраста не может разумно и свободно решить – носить ей хиджаб или нет. Так что, государство не должно разрешать девочкам ношению хиджаба в школах. Это приведет к тому, что родители не будут настаивать или разрешать носить хиджаб своим дочерям, так как образование и диплом для них важнее.

ХГ: Это еще большой вопрос, что для таких родителей важнее, некоторые религиозные родители не пускают девочек в старшие классы школы.

ТЯ: Дискуссии вокруг религии должно быть свободными и более распространенным, тут не должно быть табу, так же, как и в Европе, где сейчас можно без проблем высмеивать христианство, хотя в Средние Века за это сжигали на костре.

ЯС: У меня другое мнение о хиджаба. Школа – государственное учреждение, а государство общее для всех. И есть такой подход в семейном праве, что семьи имеют право растить своих детей в соответствии со своей религией. И люди должны иметь религиозную свободу, ее ограничивать недемократично. Если запретить хиджаб, то это приведет к тому, что многие девочки останутся вне школы и не смогут получить образование.

ХГ: Однако не все права человека неотчуждаемы. Есть в теории прав человека принцип, что те права человека, которые мешают общественному порядку и прогрессу могут быть ограничены. Посмотрите 29-ю статью «Всемирной декларации прав человека», там именно про это и написано. Есть такое мнение, что право на некоторые проявления, в том числе и хиджаб может препятствовать развитию общества, а конкретно, препятствует развитию женщин, участию их в общественной жизни.

ТЯ: Почему должны быть мечети в госучреждениях, в школах, военных частях, тюрьмах? У нас в тюрьме, тоже была небольшая мечеть. Почему государство должно платить за это? Давайте тогда построим и церковь, и синагогу и центр атеизма в госучреждениях.

ЯС: У нас в колонии тоже была небольшая мечеть. А вообще, если есть практикующие евреи и христиане в военной части, то и у них должно быть место где они смогут совершать свои религиозные обряды.

ТЯ: А что делать, когда ты на посту в армии и наступило время намаза? Невозможно же это совмещать.

ХГ: Согласно законодательству, в области прав человека – право на отправление религии может быть ограничено, если оно мешает общественному развитию, обороне страны и т.д. Если враг наступает, то нельзя ли отложить намаз на потом?

ЯС: А кто решает, что хиджаб мешает общественному развитию?

ХГ: Верховный суд демократической страны может так решить. Но у нас тут, предположим, что вы – члены Верховного Суда, вам здесь и сейчас решать: препятствует ли хиджаб развитию женщины и общества? Считаете ли вы, что хиджаб мешает развитию общества?

ЯС: Нет.

ТЯ: Да.

Моя нерелигиозность и моя гражданская позиция. Размышления о религиозном экстремизме.

Рахман Бадалов
(профессор философии)

Терпимость к другой позиции, не должна быть поколеблена, если даже предположить, что никогда, ни при каких условиях, договориться не удастся.

Подчеркиваю, *гражданская* позиция, поскольку не являюсь экспертом в вопросах религии, в частности, исламской религии.

Но на эти вопросы, каждый, более или менее здравомыслящий и ответственный человек, должен отвечать в качестве гражданина.

После теракта в Париже

Теракт в Париже расколол азербайджанское общество. Оно и ранее было расколото, в том числе одной из линий раскола было как раз отношение к современному исламу (можно сказать и «реальному исламу»). Но после теракта в Париже¹⁵ линия раскола еще более углубилась.

Многое и сейчас остается подспудным, поскольку в нашем обществе еще очень слабы демократические традиции, и публичные обсуждения не культивируются.

Можно ли приблизительно определить линии раскола, соответственно, группы населения, которые постепенно расходятся, как части большой треснувшей льдины? С некоторой долей вероятности можно, что не исключает необходимость более глубоких исследований, опирающихся на эмпирию (количественные измерения).

Одну группу нашего населения можно определить более или менее точно. Я бы определил их так, *равнодушные*. Мой любимый философ Мартин Хайдеггер, сказал бы, *не присутствующие*, они всегда предпочитают быть в стороне, не участвовать ни в чем, что выходит за рамки их комфортного существования.

В последние годы часто сижу со своими бумагами в кафе и, невольно наблюдал за тем, о чем говорили за соседними столиками. Сразу после теракта в Париже говорили о многом, но только не о теракте. Практически не было никакого эмоционального беспокойства.

Насколько могу судить, к этим равнодушным в большей мере относятся русскоязычные молодые, которые за последние десять лет сильно маргинализировались. Все более выпадая из общественной жизни страны, они постепенно становятся равнодушными к тому, что происходит и в мире.

Опять же, насколько могу судить, к русскоязычным относится та небольшая часть нашего населения, которая сочла необходимым возложить цветы к французскому посольству. Не будем переоценивать значение этой акции, но поблагодарим их хотя бы за то, что они поддержали престиж нашей страны как страны цивилизованного мира.

¹⁵ Террористический акт в редакции сатирического издания Charlie Hebdo произошёл 7 января 2015 года в Париже.

Весьма размытой остается та группа нашего населения, которую условно можно назвать ориентированной на западные ценности. Трудно представить себе, что у нас может возникнуть мощное движение этих людей. Они не стали коммюнити (сообществом), глубокие разногласия между ними не позволяют им объединяться по идейным мотивам, игнорируя политические и социальные разногласия. Возможно, по этой причине, они не высказались после теракта в Париже. Но я не стал бы называть их маргиналами, поскольку, на мой взгляд, они несут эстафету того исторического перелома, который произошел в нашей стране во второй половине XIX века, и который, во многом определил европейский вектор нашего развития.

Исчезновение этой исторической преемственности – надеюсь это не случится – означало бы исчезновение Азербайджана как страны мировой истории и мировой цивилизации.

Особую группу составляет религиозная часть нашего населения, принадлежащая к мусульманской конфессии.

Опять же насколько могу судить среди них по пальцам можно перечислить тех, кто разделяет западные ценности.

Группу эту в полной мере можно назвать коммюнити, не столько по признаку сплоченности, сколько по той причине, что какие бы политические катаклизмы не происходили в стране в ближайшие годы, они сохраняют себя в качестве группы.

Сразу скажу, что один из серьезных вызовов, с которыми придется столкнуться Азербайджану в том случае, если страна действительно (не имитируя) выберет путь демократического развития, цивилизованное сосуществование «западников» и «исламистов». Сегодняшняя власть, разрушающая мечети и, одновременно, для поддержания своего имиджа, строящая грандиозную мечеть, только углубляет этот раскол.

К этой группе следует отнести те радикальные высказывания, которые поддерживали террор и террористов, и которых, к сожалению, оказалось немало в Фейсбуке.

Приходится констатировать, что у нас немало молодых людей, которые видят мир как непримиримую войну «двух цивилизаций» (почти по Хатингтону) и, вольно или невольно, становятся на сторону «Исламского государства». Наши же более или менее известные мусульманские теологи, в теории защищают ислам от обвинений в терроризме, но не высказывают своего отношения, когда речь идет о той молодежи, которая поддерживает террор от имени ислама.

В целом должен признать, что после теракта в Париже не сочли необходимым высказаться наши писатели, наши ученые, наши политики, наши религиозные деятели.

Мы остаемся страной, у которой есть тактические интересы, но нет стратегических целей. Насколько это чревато серьезными последствиями в будущем, судите сами

Писатель, который счел необходимым высказаться.

Азербайджанскому писателю Чингизу Гусейнову более 80 лет, живет он не в Азербайджане, но о нем, как не одном нашем писателе, можно сказать, что он *присутствует*. Присутствует в Азербайджане, даже если он здесь не живет, присутствует в мире, за который отвечает.

Ч. Гусейнов, кроме прочих, автор таких произведения как «Суры Корана, расставленные хронологически», романа «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» о пророке Мухаммеде, который был издан в Москве и в Баку. В журнале, издаваемом в Баку, Ч. Гусейнов опубликовал статью с характерным названием «По следам коранических аятов, или глас вопиющего в пустыне».

Сразу после терактов в Париже Ч. Гусейнов заявил:

«О чем я думаю? Об очередной трагедии в Париже. Террористы именем Ислама продолжают свои античеловеческие деяния!».

Идеи, которые отстаивает писатель, просты и ясны. Он не соглашается с мнением, что Коран автоматически отменяет все другие Религии и их Книги, в том числе Тору и Евангелия, делая их бытование незаконным, якобы мир рано или поздно станет мусульманским, и поэтому война во имя этого – священный долг каждого мусульманина. Напротив, считает он, в Коране сказано, что он явлен для подтверждения истинности ранее явленных Писаний. Если Иисус был явлен исполнить, а не разрушать установления Писания, так и озвученная Мохаммедом Божья воля сводилась к подтверждению, а не отмене Книг единобожия.

По мнению писателя, этическое ядро Корана совпадает с Торой и Евангелиями. Никакой рай, согласно Исламу, не уготован террористу-убийце, но никто не решается это сказать, поскольку в наши дни для верующего-мусульманина это равносильно принесению себя в жертву.

К большому сожалению, позиция Ч. Гусейнова не была поддержана как нашими интеллектуальными, так и религиозными кругами. И то, что он избежал серьезных нападок, говорит только о том, что наши религиозные деятели избегают серьезных дискуссий и предпочитают замкнутость в своих общинах.

Как правило, публикации Ч. Гусейнова вызывали несколько комментариев в Фейсбуке, они носили одобрительный характер, но, к сожалению, носили частный характер, и не имели общественного резонанса, даже в масштабе социальных сетей.

Моя идеологическая и теоретическая позиция.

Сразу скажу, что считаю себе «западником» и в этой связи, считаю себя наследником того азербайджанского исторического движения, которое начинается с Зардаби и Ахундова (середина 19-го века – ред.), и, в какой-то мере, завершается построением Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920 – ред.).

Часто повторяю, что термины «западная» и «европейская» могут ввести в заблуждение, поскольку создают ложное впечатление, что речь идет о географической или этнической принадлежности. На самом деле «Запад» условное обозначение магистрали мировой истории и мировой культуры. К этой магистрали относится и мусульманская культура, которая, как известно, на определенном витке исторического развития, сохраняла (собирала, переводила, трактовала) идеи античных мыслителей (прежде всего, Аристотеля и Платона) и стала важным историко-культурным мостом между античностью и Европейским Возрождением.

Другой пример. Арабский мыслитель Ибн Хальдун, живший в XIV веке написал труды по экономике и социологии, которые актуальны и сегодня. Важно подчеркнуть, что его экономические и социологические идеи получили творческое развитие не столько на Ближнем Востоке, сколько в «западной» экономике и социологии. По этой причине у нас есть все

основания назвать арабского ученого Ибн Хальдуна «западником», в смысле магистрали мировой культуры.

Можно продолжить этот список, но и этих двух примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать мою мысль.

О моем отношении к религии, в частности к Исламу.

Не считаю себя религиозным человеком в конфессиональном смысле слова, но Библию и Коран, или скажем, древнеиндийскую Дхаммападу, считаю величайшими достижениями человеческой культуры. Время от времени обращаюсь к ним, и они углубляют мое понимание современного мира и моего места в нем.

Откровенно скажу и о другом. В нашей последней встрече впервые узнал о популярном проповеднике Гаджи Шахине¹⁶ и о том, что в Интернете помещено множество его мусульманских проповедей¹⁷. В силу своей некомпетентности и, оставляю вопрос о политической и социальной позиции проповедника и то, насколько готов он к диалогу как внутриконфессиональному, так и внеконфессиональному.

Мне было важно понять характер этих проповедей, насколько они содержат общечеловеческие ценности, насколько монтируются со светским характером нашего общества.

Скажу откровенно, к религиозным проповедям никогда не обращался. Сам дух проповедей, построенных на сакральном знании, которое можно интерпретировать, но нельзя подвергать сомнению, мне чужд. Книги, которые читаю, фильмы, которые смотрю, носят откровенно светский характер, и исключают какое-либо фундаментальное знание.

Поэтому, перед тем, как в Интернете слушать проповеди Гаджи Шахина, пришлось сделать внутреннее усилие, чтобы преодолеть сложившееся предубеждение.

Моей целью было то, что принято называть эмпатией, вчувствованием в другого, попыткой понять верующих, которые с таким вниманием и с такой эмоциональной самоотдачей слушают и отдаются этим проповедям.

Не могу сказать, что эти проповеди сделали меня религиозным человеком или углубили мое понимание современного мира и моего места в нем. Сам характер религиозных проповедей, способ контакта с аудиторией, остаются для меня чуждыми. Но вместе с тем, должен признаться, что проповеди Гаджи Шахина (прослушал несколько проповедей, в том числе, проповеди 2014 и 2016 года) меня приятно удивили.

Прежде всего, я убедился в том, что подобные проповедники и подобные проповеди, совершенно не исключают сосуществования с теми, кто не относит себя к той или иной религиозной конфессии. Более того, при наличии свободных СМИ, телевидения, прежде всего, можно представить себе перманентный диалог, в котором подобные проповедники и внерелигиозные интеллектуалы, спокойно и доброжелательно обсуждают самые острые вопросы места религии в современном, не теократическом, обществе.

¹⁶ Гаджи Шахин. Закончил Политехнический и Аз.ГосУниверситет. С 2001 года является имамом шиитской мечети «Мешеди Дадаш в городе Баку. Является председателем Объединения «Пропаганда национально-нравственных ценностей», которое сам же учредил в 2007 году. Выступает с религиозными проповедями по всему Азербайджану.

¹⁷ См.: <http://haqqul-islam.tr.gg/Haci-Sahin-43-moize.htm>

<https://www.youtube.com/watch?v=Vckzu7iD6jU>

<https://www.youtube.com/watch?v=l11USCpKyC4&list=PLtTc9uyT9tl9IKlolxg2hydHbwtzJSVD>

В проповеди 2014 году Гаджи Шахин сделал акцент на том, что мусульманская молитва начинается с имени Бога, «милостивого и милосердного».

(...не будем вводить различия между определениями «Бога» и «Аллаха», которые не корректны, и только провоцируют противопоставления и противостояние...)

Насколько далеко распространяется эта «милостивость и милосердность»? По мнению проповедника, она не имеет пределов, и, практически» безгранична. Поэтому столь важным, на его взгляд, является покаяние (tövbə), и в этом смысле, кающийся грешник, ближе к Богу, чем даже образованный ученый. Ведь последнему не пришлось делать тех усилий к перерождению, которые пришлось делать кающемуся грешнику.

На это следует обратить особое внимание, поскольку существует мнение, что образ кающегося грешника, как и кающейся грешницы, которые ближе к Богу, чем книжник, фарисей, чисто христианская традиция, чуждая традиции мусульманской. В то время как интерпретация коранического текст о покаянии Гаджи Шахином, практически стирает различия между исламской и христианской традицией. Напротив, становится понятно, насколько близки эти религии по основным своим постулатам.

Проповедь 2016 года была посвящена мышлению (təfəkkür, düşüncə).

Как разъяснял проповедник, во всём должна главенствовать мысль. По его мнению, эмоции, за которыми не стоит мысль, пусты и легковесны. В качестве примера, он указал на некоторые поверхностные индийские фильмы, после которых можно даже пролить слезу, но они быстро забываются, поскольку нет в них мысли.

Особое моё внимание привлекли разъяснения проповедника по поводу некоторых вопросов, которые задают верующие. Он призывал верующих задуматься, прежде чем задать тот или иной вопрос. Может быть, в таком случае, они сами найдут на него ответы. Нередко верующие не хотят сами думать, ждут готового ответа, и даже обижаются, когда не получают его. Гаджи Шахин обвинил в этом нашу школу и наших родителей, которые навязывают своим детям готовые ответы и не учат их думать.

Эта часть проповеди показалась мне очень важной. Раньше у меня существовало убеждение (возможно, предубеждение), что существует принципиальная разница между Европейской традицией Просвещения и религиозными догматами.

Знаменитая работа И. Канта «Что такое Просвещение?», как раз делает акцент на том, что человек просвещенный тот, кто способен думать самостоятельно, а не искать авторитетное мнение, все равно это мнение правителя, сакральной книги, или лечащего врача.

Мне трудно сказать, знаком ли Гаджи Шахин с работой И. Канта (скорее всего, не знаком), но, несомненно, можно обнаружить точки соприкосновения между европейской традицией вечного вопрошания, и теми мыслями, которыми проповедник делился с верующими.

Хотел бы обратить внимание, еще на одну немаловажную деталь.

В отличие от дизайна проповеди 2014 года, которая выполнена в восточном стиле, который обычно выдается за мусульманскую специфику, (скорее всего, это упрощенная стилизация знаменитой мусульманской каллиграфии) дизайн проповеди 2016 года сделан в современной манере и сам Гаджи Шахин одет в обычную одежду современного горожанина (рубашка, свитер).

Не стал бы преувеличивать значение этих проповедей. Должен признаться, что нередко приходится встречаться с верующими, которые не принимают светскую культуру. Еще предстоит проделать огромную работу, чтобы сегодняшними мусульманскими теологами и

мусульманскими проповедниками не воспринимались как еретические мировая классика в литературе и кино, современная гуманитарная и естественная наука, современные интеллектуальные и философские споры, и многое другое, что составляет магистраль истории мировой культуры.

Но после проповедей Гаджи Шахина у меня сложилось убеждение, что призывы Ч. Гусейнова, могут найти отклик и в среде современных мусульманских теологов.

Можно спорить и не соглашаться по поводу тех или иных высказываний проповедника или писателя, по поводу современных практик обращения к исламской традиции, способов воздействия на исламскую религиозную аудиторию, но вряд ли можно спорить с тем, что Ислам часть мировой цивилизации, а не его побочная ветвь, претендующая на исключительность, и исключающая какие-либо разночтения в интерпретации «Божьего слова». В таком понимании, на мой взгляд, Ислам из великой религии, превращается в догматический Миф.

Некоторые выводы

Уже говорил, повторю, не могу считать себя экспертом в области религии, и ее места в современном мире. Но собственные размышления и те работы, и особенно дискуссии, с которыми удалось познакомиться за последнее время, помогли мне прийти к следующим выводам.

Первое. Ислам, в первые века своего существования, адекватно отвечал на вызовы современности так, как не отвечала ни одна мировая религия того времени.

Ислам был внутренне открыт для изменений при Пророке: специалистам не трудно выявить различия между мекканским, условно, более мирным по своим призывам к верующим, и мединским периодом, более воинственным, поскольку этого требовала сложившаяся ситуация. Мекканский период сумел вытеснить мединский, иначе невозможно было адекватно отвечать на возникающие вызовы времени.

Ислам был открыт для изменений и после смерти пророка, что позволило создать сильную империю, в которой устойчивость политической системы сочеталась с высоким уровнем развития многих областей культуры от науки до искусства. Достижения мусульманской культуры этих веков остаются одними из вершин мировой культуры.

Второе. В отличие от христианства, в исламе не произошла Реформация. Имеется в виду, широкое религиозное и общественно-политическое движения в Западной Европе XVI – начала XVII веков, связанное с именами Лютера и Кальвина, которое, в конечном счете, разделило церковь и государство.

Отсутствие Реформации, не позволило исламу в новых исторических условиях (промышленная революция, индустриализация, рост городов, десакрализация всех сторон жизни, и пр.) найти свое новое место в современных обществах.

Это и привело к драматическому несовпадению по историческим циклам, если говорить более конкретно, в новое время встретились постиндустриальная эпоха, с мировой коммуникационной системой, и позднее средневековье, в котором каждый большой регион, был замкнут на собственной коммуникационной системе и изолирован от остального мира.

Третье. События последних лет создали у обывателя стойкое убеждение, что ислам – религия, которая оправдывает террористические акты.

Так ли это на самом деле?

Мировые религии, которые исповедует большая часть земного шара, не могут делиться на миролюбивые и не миролюбивые. Религиозные догматы, без которых не может существовать ни одна религия, потенциально содержат в себе агрессию, и даже непримиримость к другой религии. В той или иной ситуации, когда побеждают фундаменталистские идеи, непримиримость к другой религии, приводит к кровавым столкновениям. Можно привести достаточно подобных примеров из истории религии.

Все это в полной мере относится и к исламу, и у нас нет серьезных оснований назвать его более агрессивным, или более миролюбивым, чем другие мировые религии.

Как же стало возможным, что многие террористические акты последних лет, в качестве идеологического обоснования обращаются к исламу?

На мой взгляд («мой взгляд», в данном случае, не совсем самостоятельный, придерживаюсь взглядов, которые выражают более компетентные эксперты), в какой-то исторический момент две параллельные линии просто пересеклись.

Нет необходимости специально говорить о линии терроризма и массовых репрессий инакомыслящих (иных по расе, религии, цвету кожи и т.д.) в истории человечества. В этом ряду и идеологи Великой Французской революции, и Парижская коммуна, и советский коммунизм, и коммунистические лидеры Кампучии, и недавние «Красные бригады», и даже наемники, которые рыщут по миру, чтобы поохотиться на людей.

Совершенно не оправдывая терроризм, мы должны признать, что это своеобразная реакция на несправедливости, существующие в мире, и попытка быстро и оперативно решить все проблемы несправедливого устройства мира.

Я бы согласился с теми, кто видит в современном терроризме восстание нового пролетариата как своеобразная реакция на более «сытую» жизнь людей в странах «золотого миллиарда», и имеющее в своей основе антиимпериалистическую и антикапиталистическую направленность.

Что касается второй параллельной линии, связанной с исламом, то у нее своя историческая логика. Убежденность в том, что последняя мировая религия отменяет все предыдущие, с одной стороны привела к мысли, что последняя мировая религия с необходимостью должна привести к альтернативному мироустройству. С другой стороны, выяснилось, что для распространения этих идей необходимо упрощение самих исламских идей, чтобы суметь завоевать улицу.

Поэтому, на мой взгляд, серьезных мусульманских теологов, не должно обольщать стремительное распространение ислама, в том числе в странах Африки. Напротив, должно беспокоить, что современный (реальный) ислам столь близко подошел к идеям терроризм.

Трудно представить себе, что в таких условиях, подобный радикальный ислам, может вспомнить о кораническом постулате, что смерть каждого человека есть трагедия.

Четвертое. Насколько могу судить по доступной мне литературе, в исламе начинается новый виток расхождений между прозорливыми, современно мыслящими, богословами, и улицей, которая исповедует упрощенный ислам.

Можно предположить, что в результате продолжения и углубления этого процесса, ислам вернется к своей исторической миссии, возможно через нового Мессию, к объединению различных Книг Писания, без которых, даже в наш рациональный век, трудно представить себе развитие человечества.

Ислам, как и терроризм в той или иной форме, будут, на мой взгляд, всегда. Просто каждый из них пойдет своей исторической дорогой, не имея совершенно никаких точек соприкосновения.

Пятое. Современная западная цивилизация стоит сегодня перед серьезными вызовами.

Годы после последней мировой войны, в некотором смысле, оказались годами благодушия. Колониальный период сменился постколониальным, но рецидивы старого сохранились. Несомненное социальное, интеллектуальное, технологическое, даже гуманитарное развитие, постепенно привело к изоляции стран «золотого миллиарда» от остальных стран и континентов.

Можно понять западного обывателя и политических лидеров, выражающих мнение подобных обывателей. Хочется заслониться, спрятаться, построить новую «Берлинскую стену», но эта совершенная утопия, и миллионы беженцев за последний год, только подтвердили утопичность попыток самоизоляции.

И кто знает, возможно в новом мироустройстве, не альтернативном, не отменяющим историю человечества, пригодятся и идеи Ислама, в которых содержится потенция, если говорить несколько условно, «нового синтеза капиталистических и социалистических идей».

Моя гражданская позиция.

Повторю, моя позиция по отношению к любым терактам, включая теракт в Париже, остается непреклонной и непримиримой. Никакие доводы, хотя в какой-то степени оправдывающие теракты, принять не могу.

Но достаточна ли такая позиция, в том числе в условиях современного Азербайджана, если на этом остановиться и не сделать следующий шаг?

Не означает ли это – позицию конфронтационную, когда моя идентичность исключает другую идентичность, отличную от моей?

Не означает ли это, что не только другой, но и я, разделены друг от друга непримиримой стеной, и, хотим мы того или не хотим, потенциально накапливаем агрессию друг против друга?

Может ли нормально функционировать общество, если в нем существуют такие непроходимые демаркации?

Что в этом случае означает «мужество мыслить», о котором говорит Кант, и которое как раз исключает собственную правоту как окончательный аргумент?

Казалось бы, следующий шаг предполагает построение диалога между непримиримыми сторонами.

Кто будет спорить с тем, что в демократическом обществе должен существовать перманентный диалог, что каждый человек, или каждая группа, имеет право высказывать собственную точку зрения.

Но будем реалистами. Скажем, в том случае, когда речь идет о салафитах, претендующих на то, что только они и никто другой, есть праведное поколение, способное спасти мир от «нечисти», было бы наивно надеяться, что диалог может, хоть в какой-то степени, примирить стороны...

Как же быть?

Опираясь на одного из корифеев миротворчества, 88 летнего Герберта Келмана, могу сказать следующее. Не соглашаться, не означает враждовать, не следует считать, что другая, чуждая тебе идентичности, обязательно враждебна твоей идентичности.

Не обязательно считать, что высвобождение в моей идентичности пространства для идентичности другого, означает, что моя идентичность перестала быть полноценной.

Или, в моем случае, это не означает, что я отказался от своего неприятия терроризма, как и любых насильственных действий. Речь идет о снятии исходной установки на агрессию, которая, кстати говоря, произошла со мной при первом прослушивании проповедей Гаджи Шахина.

«Мужество мыслить» заставляет меня сделать следующий шаг в своих рассуждениях.

Основываясь на опыте серьезных миротворцев, выскажу мнение, что терпимость к другой позиции, не должна быть поколеблена, если даже предположить, что никогда, ни при каких условиях, договориться не удастся. Только в случае такой исходной, не агрессивной позиции, может возникнуть вероятность того, что стороны, в соответствующей исторической ситуации, сделают шаг навстречу друг другу.

Шаг, который должны будут сделать исламисты, заключается в признании светского характера нашего государства, и, соответственно, в признании прав и свобод каждого человека.

Шаг, который должны сделать демократически настроенная часть общества, в признании, в полном объеме, прав верующих.

В конце концов, не мы одни в этом мире и можем обратиться к успешному опыту других, близких к нам, стран

В Тунисе главная исламистская партия «Ан-Нахда» вошла в коалицию демократических сил страны.

Почему, по такому же пути, не может пойти будущий демократический Азербайджан.

Дискуссия по докладу

Рашид Ширин: Если кто-то принимает Коран и Шариат, то он никак не может принять права человека.

Рахман Бадалов: Я не знаю ответы на все вопросы. Но в процессе работы над докладом я прослушал четыре проповеди Гаджи Шаина (Hadjî Shahin) и хочу выразить свое отношение к ним. Было достаточно интересно, особенно две из них. В одной проповеди говорилось о всепрощении – он предложил определить, до каких пределов может распространяться это явление. Во второй проповеди он отмечал, что главное не эмоции, а мысли. Думаю, что с такими как он можно найти единые точки соприкосновения. Шанс в том, чтобы и они сделали шаг навстречу нам и приняли права человека.

Ахад Мамедли: энергично протестует. «Что Вы имеет ввиду, говоря последняя религия? Вы имеете ввиду Ислам?»

Р.Бадалов: Это не я имею ввиду, а в Коране так и написано.

А.Мамедли: Несмотря на то, что Ислам последняя религия, она не отменяет ни христианство или иудаизм. Это неправда, что Ислам не совместим с демократией. В Азербайджане религиозные активисты на стороне оппозиции. В самое сильное время оппозиции религиозный электорат был на стороне Азербайджанской оппозиции.

Считаю, что права человека, демократия, право выбора не чужды Исламу. Это предвзятая позиция. В качестве примера приведу выборы в мусульманской умме после смерти пророка Мухаммеда. Все Праведные халифы – Абу-Бекр, Омар, Осман и Али были избраны. Пророк Мухаммед не назначил кого-то после себя, он оставил это на выборы мусульман. Это факт.

Р.Бадалов: Это не факт, это ваша интерпретация. Если тогда было так, то почему сейчас по-другому, и сейчас в Исламском мире не проводятся свободные выборы?

А.Мамедли: В Исламе династический переход власти начался после халифа Муавийя.

А сейчас диктаторские режимы в мусульманском мире поддерживаются США и Западом. В Саудовской Аравии, в Азербайджане.

Х.Гаджизаде: Хочу дать некоторые комментарии по поводу терроризма (то есть убийства мирных людей с целью устрашения противника). Если выслушать и другую сторону, то тут не все так однозначно. Во время Второй мировой войны союзники бомбили Дрезден и погибли десятки тысяч мирных жителей. Это не терроризм? И кто в нем больше виноват: Гитлер или Черчилль? Террористы убеждены, что поступают правильно, ведь в демократических странах мирные жители голосуют за свои правительства, которые, например, бомбят их города, а раз вы голосуете за этих правителей, то и должны разделять часть ответственности за эти бомбардировки. В общем, все не так просто...

Рашид Ширин: Что вы можете сказать о связи науки с Исламом?

Р.Бадалов: В Исламе нет науки. Я против всех этих поисков научных открытий в Коране. Но, Ислам может только дать толчок к науке, что и наблюдалось в раннем средневековье.

Интервью с популярным теологом и религиозным деятелем Гаджи Шахином (10 марта 2016)

(полномочный представитель (про-официального Управления Мусульман Кавказа (УМК) в Насиминском районе Баку и имам тамошней мечети «Мешади Дадаш»).

<http://korrespondent.az/10986-haci-shahin-hesenlilahatlar-mutleq-olmalidir.html>

Религия дает верующим не только блага Загробного мир, она может сделать человека счастливым и успешным и в этой жизни.

Уважаемый Гаджи, как Вы пришли к вере?

- Как азербайджанец, я всегда идентифицировал себя как мусульманина, даже в коммунистический период. В советское время религиозность, присущая среднестатистической азербайджанской семье, существовала и в нашей семье. Даже если я не совершал обряды, но была у меня вера в Ислам, уважение к религиозным ценностям и святым. Наблюдали мы и то, как старшее поколение совершает религиозные обряды. Поскольку я родился и вырос в такой среде, религия не была для меня чем-то чуждым, к чему я пришел позже. Молиться я начал с 1992 года.

Где Вы получили свое религиозное образование?

- Религиозным образованием я занимался сам. Сперва выучил арабский язык и фарси, затем сам начал изучать предметы, которые преподавались в религиозных центрах, после чего еще больше расширил свои знания по религиозным темам.

Было ли у Вас светское образование?

- В тот период я параллельно учился в Азербайджанском Техническом Университете. Затем поступил на Исторический факультет Бакинского ГосУниверситета.

Что изменилось в Вашей жизни после прихода в религию, в том числе в отношениях с семьей и друзьями?

- После того, как я начал совершать молитву, усилилось чувство ответственности по отношению к семье и окружающим. У меня и раньше в семье и в кругу друзей были искренние и дружеские отношения, поэтому они такими и остались. Поскольку религиозное мировоззрение предполагает компромиссы, требует быть полезными, ценить близких, эти отношения перешли на качественно новый уровень. И, действительно, привязываясь к вере, человек начинает ценить то, что имеет, заботится о близких, закрывает глаза на их недостатки.

Как по-Вашему, почему мир Ислама находится в кризисе?

- Весь мир находится в кризисе, в том числе и исламский мир. Мир входит в качественно новый исторический этап. Начался переход от пустившего глубокие корни традиционного мировоззрения к новому мировоззрению, контуры которого еле просматриваются. Этот переход, конечно же, проявляет себя в виде кризиса. Рушатся старые конструкции, строится фундамент новых конструкций. В каждом регионе этот кризис проявляется по-разному. Где-то –

как экономический кризис, где-то – как интеллектуальный вакуум, где-то как социальный взрыв, а где-то же – как военный конфликт. Иными словами, как и весь остальной мир исламский мир, подвергаясь большой трансформации, находится в состоянии временного кризиса.

Что можно сделать? Возможны ли реформы?

- Реформы возможны и необходимы. Но всему свое время. Взгляд со стороны приводит к пониманию необходимости реформ. Однако, чтобы реформы начались, мусульмане должны быть внутренне готовы к этому, должны хотеть их. Мусульманский мир должен быть готов освободиться от некоторых традиционных воззрений, толкающих их назад. Социальный заказ на реформы должен идти снизу, чтобы сверху начали их осуществлять. В этом случае станут актуальны и эффективны новые идеи, новые планы. В противном случае, реформы, проводимые элитами, будут чужды народу и общество будет сопротивляться им. В то же время некоторые реформы уже начаты. Так или иначе, никто не может сказать, что между мусульманским миром 50-летней давности и нынешним мусульманским миром нет разницы. Есть изменения в позитивную сторону, хотя они еще не на должном уровне.

Периодически делаются попытки реформ, но почему процесс идет с таким трудом?

- Вы совершенно верно отметили, и мы постоянно говорим о важности этого вопроса. В особенности сейчас возникли такие исторические условия, что без реформ чего-то достичь будет невозможно. Реформы – неразрывная часть Ислама. Наш Пророк был великим реформатором, наши (шиитские – ред.) Имамы были реформаторами, сам Коран – программа реформ, концепция Иджтихада¹⁸ является средством обеспечения устойчивости реформ. Однако любая реформа должна опираться на неизменные нравственные основы. Могут измениться интеллект, общественное благосостояние, экономические способности, моральные устои, и даже нравственные воззрения человека, но то, что является стабильным и неизменным ядром духа – вот на это должна опираться реформа.

Думаете ли Вы составить некий учебник для уроков религии в школе?

- Это не дело одного человека, поэтому я не думал об этом. В Азербайджане есть немало структур, которые могут заняться этим вопросом. Специалисты Управления Мусульман Кавказа (УМК), Госкомитета по религиозным структурам, Национальной Академии Наук и др. могут подготовить такой учебник. В УМК, чьим полномочным представителем я являюсь, проводятся обсуждения по преподаванию уроков религии, в особенности в средних школах. Моя позиция в этом вопросе состоит в том, что, если будет достаточное число квалифицированных преподавательских кадров, можно включить этот предмет в учебную программу.

Как Вы относитесь к Намазу и молитвам на родном языке?

- В нашей религии нет никакого запрета на совершение молитв на родном языке, чтение Корана в переводе, а также выполнения некоторых религиозных обрядов на родном языке. Однако Намаз является одним из таких исключений. Во времена Пророка и Имамов не арабам было предписано совершать Намаз по-арабски. Кроме этого, если при совершении Намаза суры Корана читать не в оригинале, а в переводе, исказится их смысловая нагрузка. Но наряду с этим, во время гунута (середина Намаза) допускается возводить молитву на родном языке.

В чем, на ваш взгляд, причины религиозного экстремизма? Можно ли бороться с этим явлением?

¹⁸ Вынесение правового решения на основе анализа Корана и Сунна в том случае, когда буквальное решения проблемы в этих источниках отсутствует – ред.

- Вы затронули очень важную тему. К проблеме можно подойти с двух ракурсов: общественного и личного. В общественном плане религиозный экстремизм проистекает из ошибочного выбора способа борьбы против колониализма и империализма. С середины XIX века государства Запада осуществляли в отношении стран Ближнего Востока наряду с экономической, политической и военной экспансией также и культурную экспансию. Против европейских научно-культурных достижений, политических и экономических идей нужно было выдвинуть альтернативу. Мусульманский мир же ушел совершенно в другом направлении: интеллигенция начала подражать Западу, а исламские консерваторы заняли позицию отрицания. Таким образом, в мусульманском обществе возникла поляризация. В этом смысле корни экстремизма кроются в позиции отрицания неграмотных и консервативных масс, не желающих растворяться в чуждой культуре. Эти люди не настолько интеллектуальны, чтобы создать альтернативу новым порядкам, и не настолько способные и успешные для того, чтобы найти себе место в современном мире. В результате вместо того, чтобы работать над собой, они начинают искать всю вину за кризис в других. Начинают идеализировать прошлое, которое никогда не видели и не понимают, ностальгируют по прошлому, жертвуя своим будущим. Все это ведет к маргинализации и появлению религиозных экстремистских групп. Опасность маргинальной религиозной группы превосходит другие, т.к. они объясняют свои антисоциальные действия религиозными предписаниями, свои неудачи – бескорыстностью и кротостью, злопамятность – священной войной (необходимостью джихада). Именно этот религиозный оттенок делает их деятельность привлекательной для психологически неустойчивой части населения. Такая идея становится настоящим подарком для самоубийц, маньяков, преступников, тех, кто страдает от отсутствия любви и дефицита внимания, а также тех, кто не может найти свое место в жизни. В этом смысле для того, чтобы обуздать экстремизм помимо осуществления серьезных мер по безопасности, нужна комплексная разъяснительная работа. Нужно разъяснять семьям концепцию правильного воспитания ребенка, развивать педагогику, давать верные сведения о религии, не распространять информацию, способную расстроить психику людей.

Личная же сторона проблемы состоит в том, что такие люди не в состоянии получить удовлетворения от нравственной жизни. Если человек не получает удовлетворение от религии и морали, то скатывается к двум крайностям.

Первая состоит в том, что подобный человек стремится к более низкой, материальной форме удовольствий, подвергаясь нравственной деградации. Такой человек не сможет сказать себе «нет» и ради властолюбия, половой страсти, обогащения готов прибегнуть к любым средствам, он будет оправдывать себя даже в случае жестокости по отношению к другим, изыскивая новые средства для достижения своих целей. Это – повсюду наблюдаемая материалистская и гедонистская культура.

Вторая – человек, не испытывающий удовлетворение от нравственности, будет считать исполняемые религиозные предписания очень тяжелыми, а поскольку он сумел выполнить такое тяжелое дело, он начинает считать себя нравственным героем. Не получающий удовлетворения от жизни и своего существования человек будет объяснять свои неудачи и неспособность тем, что он верующий, а общество – безбожное. В результате, он будет ненавидеть общество и повернется в сторону религиозного экстремизма. Если человек получит удовлетворение от нравственности и жизни, сумеет сказать «нет» искушению, в этом случае он не будет испытывать потребность притеснять других, а свое зло срывать на других. Такой человек всегда будет благословлен, направит свое внимание на сущее, на искоренение своих недостатков, а не критику чужих.

Как во-Вашему, решена ли проблема Нардарана?

- Да. Еще в период нардаранских событий мы изложили тут свою позицию. Нардаран является одним из сел, который дал обществу выдающихся лиц, верных нашей государственности и стоящих на страже национальной идентичности. Везде могут возникнуть такого рода эпизодические недоразумения, поэтому эти события нельзя считать характерными для этого села.

Считаете ли возможным синтез Ислама и современного национального образа жизни? Нельзя ли изменить религиозные правила таким образом, чтобы, девушки могли выходить замуж не в 9, а в 16 лет, хиджаб носить не с 9-ти, а с 16-ти лет (паспортный возраст) ...

- Ислам на территориях своего распространения никогда не относился к национальным обычаям с позиций отрицания. В тоже время, многие обычаи по своей сути были приспособлены к Исламу, а по форме сохранили свою идентичность. Самым наглядным примером этому является (не исламский) праздник Новруз. Ислам может быть против тех обычаев, которые препятствуют моральному и материальному развитию общества. К сожалению, некоторые радикальные группы сегодня выступают против национального, связывая это с нашей религией. По существу, они предлагают под именем Ислама подменить азербайджанские национальные обычаи и традиции обычаями других народов. Тогда как на протяжении веков Ислам и национальные традиции создали органическую связь в азербайджанской культуре. Несомненно, Ислам – универсальная религия. Однако и это неоспоримо, что-то насколько глубоко воспринимается Ислам и в какой форме он сохраняется, проистекает из национальных особенностей каждого народа. Наше общество с этой точки зрения всегда стояло на прогрессивной позиции. Поэтому мы против национального и религиозного противопоставления в Азербайджане.

Что касается вышеотмеченных Вами проблем, ситуация не так сложна, как изложено в вопросе. Создание девушки семьи возможно только по достижению ею половой зрелости, готовностью к этому с медицинской точки зрения и с собственного согласия. К сожалению, в некоторых мусульманских странах не придерживаются этого принципа и это приписывается Шариату. Во многих христианских странах Африки есть подобные обычаи, однако не все приписывают это христианству. То есть нельзя путать обычаи с Шариатом. Отрадно, что в Азербайджане ранние браки воспринимаются как неоправдавшая себя традиция, не связанная с Исламом. Что касается других реформ, то – да, знатоки религии, придерживаясь основных принципов Ислама, могут внести изменения в нормы Шариата.

Что кроме этого можно изменить, привести в соответствие с сегодняшним днем?

Как было отмечено, Шариат обладает такой эластичной конструкцией, что может в соответствии с особенностями общества изменяться по форме. То есть нет необходимости реформировать сам Шариат, есть необходимость в новых подходах при его применении. Трудно привести какой-то конкретный пример, т.к. есть большая разница между различными обществами и средой.

Можно ли создать Совет авторитетных и прогрессивных религиозных деятелей, которые будут принимать фетву по возникающим проблемам?

В Шариате есть механизм по принятию фетвы. И сегодня в Совете по Фетвам УМК фетвы даются на основе авторитетных книг по Шариату. Кроме этого, предпринимаются шаги по усовершенствованию профессиональных навыков религиозных деятелей. Однако надобность в высококвалифицированных кадрах остается.

Какую музыку Вы слушаете?

- У меня нет времени слушать музыку. При случае слушаю национальную музыку и мугам. В особенности отдаю предпочтение мугамам Баяты-Шираз, Хумаюн, Шур. Как человек, выросший в Баку, особо симпатизирую Гаджибабе Гусейнову (известный исполнитель мугама – ред.). Кроме этого, мне нравится слушать исполнителя мугамов Мансума Ибрагимова. И, конечно же, исполнение Алима Гасимова, который часто обращается к импровизации и нравственным темам. Из молодых исполнителей очень нравится Миралям.

Какую литературу Вы читаете, какие книги рекомендуете к чтению?

- Наряду с религиозной литературой я обращаюсь и к мировой художественной и научной литературе. Рекомендую это и другим. Наряду с классическими религиозными знаниями, крайне важно знать идеи мировых классиков и современных авторов. Также необходимо ознакомиться с взглядами немусульманских авторов о нашей религии. Думаю, что ни в коем случае нельзя принижать роль художественной литературы, начиная с древнегреческих мифов и кончая современными фантастами, все они должны быть прочитаны. Потому что художественное творчество наилучшим образом отражает дух времени и мировоззрение, эпоху. К примеру, не прочитав Дж. Оруэлла невозможно прочувствовать опасность тоталитаризма. В то же время прочитав Б.Шоу, можно лучше понять горечь крайнего индивидуализма. Обязательно должно быть прочитан труд О. Шпенглера «Закат Европы», который не должен быть применен только в отношении Европы. «История исламской философии» Анри Корби является оценкой интеллектуального наследия мусульманства европейскими интеллектуалами. Распространение идей традиционализма в эпоху постмодернизма делает необходимым прочтение Рене Гено и Юлиуса Эвола. Трехтомный труд Э. Мирче, посвященный истории религий, на сегодняшний день является одним из самых совершенных произведений в этой области. Если «История западной философии» Б. Рассела знакомит нас с интеллектуальной историей Запада, то труд К. Поппера «Открытое общество и его враги», признанный «Евангелием» либерализма, раскрывает сущность западного мировоззрения. Трудно понять «конфликт» правых и левых без Хайека и Фрома. Эти авторы в интересной форме с позиций западных идей раскрывают такие фундаментальные категории как свобода и справедливость. Молодежи рекомендую ознакомиться с социологическими исследованиями Марселя Мосса о религиозных концептах. Конечно же, обязательно нужно прочитать ставших уже легендами и не сходящих с повестки дня Канта, Гегеля, Ницше, Милля и Хайдеггера. Несомненно, поскольку эти труды выражают субъективные взгляды авторов, к ним нужно отнестись критически. Чтение нужно не для того, чтобы возникло стремление подражать, а для того, чтобы критически осмыслив, сформировать собственное мировоззрение.

Чисто для душевной потребности люблю нашу классическую литературу, газели, в особенности Насими и Физули. Газели имеют особое чарующее воздействие на сознание. Из современников считаю своим долгом особо отметить творчество Рамиза Ровшана (поэт – ред.). Раньше увлекался Вольтером, Гюго, Толстым, Достоевским, Чеховым. Периодически стараюсь следить за современными литературными событиями – так, для меня интересен Жозе Сарاماго.

Как эффективно можно пропагандировать в обществе демократические принципы в Исламе?

- Думаю, что необходим новый взгляд на тему прав человека, являющуюся базовым принципом демократии. В западной политической мысли господствовало два подхода к свободе – позитивный и негативный. Позитивная свобода – это свобода ради достижения чего-то. Негативная свобода – свобода, чтобы освободиться от чего-то. Такое двойственное отношение к

свободе – отрицание одного из двух – привело к целому ряду идеологических расколов, разногласий. Однако манипуляция общественным мнением и развитие политехнологий поставили под сомнение возможности свободы. Возникла серьезная нужда в истинной свободе мышления современного человека. Но это не является свободой выражения в классическом понимании, то есть «говорить, что хочешь». Сегодня просто надо дать человеку возможность думать, мыслить. Сегодня мысли человека подвергаются сильному стороннему влиянию. Поэтому возникла необходимость освободиться от иллюзорно свободных, но в действительности направляемых, подталкиваемых мыслей. Главной опорой манипуляций служат ряд инстинктивных желаний человека, его связь с материальными благами. Значит, если человек направит свое внимание на нравственные темы, ограничит свои материальные потребности, то может стать свободомыслящим в полном смысле этого слова. Ислам предлагает концепцию борьбы с соблазном, чтобы стать обладателем свободы мышления.

Согласно, Исламу, свобода является внутренним состоянием человека. Негативная и позитивная свобода должна служить духовной свободе человека. Человек должен суметь сказать “нет” своим самым примитивным желаниям, чтобы воплотить свои самые глубокие желания. Кто хочет учиться – должен ограничить развлечения. Кто хочет стать спортсменом – ограничить еду. Кто хочет добиться уважения – обуздать жадность. В то же время и учеба, и сила, и уважение, и возможности должны восприниматься как средство достижения человеком нравственной высоты.

Сегодня должна быть доведена до человека важность Ислама не только для загробной, но и для мирской жизни. То есть, до человека должна быть доведена идея о том, что религия обещает счастье не только в Загробном мире, она может сделать человека счастливым и успешным и в этой жизни. Сказал бы даже так – вера является единственным средством, чтобы стать в этом мире действительно счастливым. Поэтому ее должны доводить до общества люди успешные, которые живут этими ценностями. Это очень важно. Давно настало время освободиться от стереотипов. Если наши средневековые классики в профессиональной и утонченной форме доносили любовь между человеком и Всевышним, например, в виде дастана “Лейли и Меджнун”, то сегодня при обращении к религиозной теме обязательно воспроизводится некто в чалме, в белой рубашке с длинным рукавом, читающий всем проповеди. К сожалению, проявляя высокий профессионализм в других темах, в религиозной тематике зачем-то обращаются к подобным клише.

Гаджи Шахин не ответил на следующие вопросы

Пожалуйста прокомментируйте для нас следующие аяты из Корана

- 2:173 (178). О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный - за свободного, и раб - за раба, **и женщина - за женщину...**

- 8:41 Знайте, что если вы захватили трофеи, то пятая часть их принадлежит Аллаху, **Посланнику, близким родственникам Посланника, сиротам, беднякам и путникам...**

Религиозный аспект во внешней политике Азербайджана (Иран, Саудовской Аравии и Турция)

Эльхан Шахиноглу, руководитель исследовательского центра “Атлас”

Введение

С религиозной точки зрения влияние на Азербайджан способны оказывать три страны, это – Иран, Саудовская Аравия и Турция. Иран имел вековое религиозное влияние на Азербайджан, что чувствовалось даже во времена бывшего СССР. Свержение в 1979 г. шаха и исламская революция в Иране вполголоса, но широко обсуждались в Азербайджане. Постепенно увеличивалось число иранских политэмигрантов в нашу страну, которые несли к нам через «железную занавесь» новости о переменах в Иране. Кроме того, волны иранского телевидения можно было ловить на границе и вблизи прикаспийских территорий. Интерес к событиям в Иране рос, в стране появились пока еще немногочисленные приверженцы иранского пути развития, которых со временем становилось все больше.

В отличие от Ирана, история экспорта религии из Саудовской Аравии и Турции в Азербайджан насчитывает всего 20-25 лет. 20 лет назад в Азербайджане не было ни арабского салафизма, ни турецкого нурсизма. Эти течения начались экспортироваться в нашу страну в годы независимости и за короткий промежуток времени сумели пройти значительный путь.

В годы нашей независимости Иран начал экспортировать в Азербайджан шиитский радикализм, однако азербайджанская власть, политические круги и общество быстро осознали эту опасность. Хотя Иран на словах поддерживал территориальную целостность Азербайджана, его правительство тесно сотрудничало с агрессивной Арменией, прорвав нашу блокаду вокруг этой страны. По этому поводу имеется известное заявление ее бывшего президента Левона Тер-Петросяна¹⁹. Он отмечал, что, если бы Иран не открыл для Армении форточку, мы проиграли бы Азербайджану. Авторитет Ирана сильно пострадал из-за такой политики, и Иран упустил возможность распространить на Азербайджан свое влияние.

С середины 1990-х годов иранские муллы и агенты были взяты под контроль азербайджанскими службами безопасности и выдворены из Азербайджана. Азербайджанские граждане, тесно сотрудничавшие с соответствующими иранскими службами, также были взяты под наблюдение. После этого Иран в течение определенного времени отодвинул на задний план идею популяризации в Азербайджане радикального шиизма, что было связано и с тем, что Иран значительно ослабел в результате жестких санкций Запада.

Тем не менее, начиная с 2010 г. Иран принял решение активизировать деятельность своих сторонников в Азербайджане. На деле, операция азербайджанских властей 2015 года по наведению порядка в Нардаране имела целью уменьшить влияние Ирана, но вряд ли это отвлечет Иран от попыток расширить свое влияние в Азербайджане.

Нурсисты

Ослабление Иранского влияния определенно сыграло на руку носителям идей турецкого нурсизма и арабского салафизма. При отсутствии конкурентов они приобрели возможность

¹⁹ “Любовь Ирана к Армении”. Газета “Шарг”. 02.06.2011;

свободнее действовать в Азербайджане. Первыми религиозными эмиссарами, начавшими прибывать в независимый Азербайджан были именно нурсисты (1991) – ближайшие сторонники Фатуллаха Гюлена. Фактически, азербайджанское общество узнало Турцию и наладило с ней связи через членов секты Гюлена. В Азербайджане стал вещать турецкий телеканал STV и стала выходить газета “Zaman”, связанные с сетью Гюлена. Вопреки всем рискам, Гюлен призывал близких к себе деловых людей вкладывать инвестиции в Азербайджан, посылал своих эмиссаров в Баку и Нахичевань. Отметим, что в тот период Гюлен имел тесные связи с турецким правительством, поэтому сменявшие друг друга азербайджанские правительства особенно о секте Гюлена не беспокоились. Думалось, что нурсисты не выйдут за рамки интересов Азербайджана и сеть Гюлена укреплялась в стране, открывала школы, университеты, фирмы и рестораны.

Все это продолжалось до тех пор, пока пути Гюлена не разошлись с правительством Эрдогана и началось преследование нурсистов, как в Турции, так и за ее пределами. Эрдоган, во время визита в Баку, попросил президента Ильхама Алиева взять под контроль деятельность нурсистов в стране. Он также передал И. Алиеву список азербайджанских нурсистов, осевших в коридорах власти, и с 2013 г. у нурсистов в Азербайджане начались тяжелые времена.

В указанные годы глубокие корни в Азербайджане пустило также спонсируемое Саудовской Аравией салафитское движение. Хотя большинство населения Азербайджана относится к шиитскому мазхабу ислама (65% населения), радикальное суннитское течение заметно усилилось, возросли его финансовые возможности, и, с течением времени, определенная часть движения начала создавать угрозу светской системе государства. В качестве примера можно указать на сотни азербайджанских граждан, воюющих на стороне Аль Каиды и Исламского Государства (ИГ) в Афганистане, Ираке и Сирии.

Примерно с начала 2000 гг. госструктуры Азербайджана осознали, что радикальный салафизм представляет большую угрозу для страны. Однако предпринятые против радикалов репрессивные меры не смогли стабилизировать ситуацию, поскольку вместо усиления просветительства, власти отдавали предпочтение запретам и репрессиям. В качестве первого шага была закрыта мечеть Абу Бекр – место собрания салафитов, в результате сейчас они собираются в различных мечетях Баку.

С другой стороны, расширение борьбы с салафитским течением может создать проблемы для официального Баку на внешнеполитическом уровне. Спонсором салафизма в Азербайджане является Саудовская Аравия, которая, наряду с Турцией и Пакистаном, открыто поддерживает Азербайджан в его борьбе с армянской агрессией. Кроме того, Азербайджан нуждается в инвестициях и финансовой поддержке из Саудовской Аравии и поэтому правительству пришлось отказаться от политики полной ликвидации салафитского течения в стране.

Целью властей сейчас является побуждение местных салафитов к отказу от протеста против светских принципов государства. Кроме того, президент И. Алиев объявил 2016 г. годом мультикультуризма (в целом, И. Алиев хочет превратить мультикультурализм в бренд Азербайджана). А это может означать, что под этим брендом салафизм в стране будет продолжать свое существование.

Религиозная активность в Азербайджане усиливается

Три события, произошедшие в ноябре 2015 г. в Азербайджане, указывают на возросшую роль верующих в жизни страны.

Первое событие связано с днем поминовения шиитских мучеников (день убийства имама Хусейна) – Ашура, отмечаемым шиитами в месяц Мухаррам. В советский период месяц Мухаррам и день Ашура отмечались почти тайно, посещающих мечети было немного. В годы независимости Мухаррам и Ашура стали приобретать массовый характер, число посещающих мечети резко возросло. В этот день во многих мечетях были подняты черные флаги; на юге Азербайджана (районы, граничащие с Ираном) в Ленкорани сотни жителей с черными знаменами совершили шествие к центру города. В Гяндже в день Ашуры люди также попытались совершить траурное шествие, но полиция разогнала демонстрантов. После этих событий в Азербайджане законом было запрещено поднимать другие флаги, кроме государственных.

Второе событие произошло в Сабунчинском районе Баку. 4 ноября 2015 г. полиция арестовала нескольких членов «Движения Мусульманского Единства» пытавшихся осуществить поминальное шествие к могилам солдат, погибших в войне с Арменией. После этого десятки членов Движения собрались перед полицейским участком с требованием освободить своих сторонников. Лидером движения является юный теолог Талех Багирзаде, который резко критиковал власти за «удушение религиозной свободы в стране», в связи с чем, он несколько раз подвергался аресту. Его нынешний арест (в связи с нардаранскими событиями) будет длительным, т.к. во время ареста погибли как гражданские лица, так и полицейские.

Талех Багирзаде получил как светское, так и религиозное образование. Он закончил Азербайджанский Экономический Университет. В 2005-2010 годы получил религиозное образование в иранском городе Куме. С 2010-по май 2011 года продолжал религиозное образование в г. Неджефе (Ирак). Талех Багирзаде стал весьма популярен среди религиозных активистов. Такие молодые религиозные лидеры как Багирзаде постепенно вытесняют с политической арены лидеров традиционной демократической оппозиции.

Третье событие произошло в Турции. По информации турецких телеграфных агентств, было арестовано 14 граждан Азербайджана, готовившихся примкнуть к террористической организации «Исламское государство», что свидетельствует о неубывающем потоке азербайджанцев, готовых с оружием в руках участвовать в религиозных войнах.

Итак, эти три события указывают на то, что число радикальных исламистов растет.

Радикальные салафиты, пока не стремятся выходить на внутривнутриполитическую арену страны, но их число неизменно растет.

В отличие от них, шиитские группы и отдельные активисты резко критикуют власти, говорят о существующих в стране проблемах и собирают вокруг себя молодежь. Можно с уверенностью утверждать, что в Азербайджане место традиционной светской оппозиции начинают занимать религиозные группы.

Война в Йемене: на чьей стороне Азербайджан?

Саудовская Аравия не желает, чтобы власть в Йемене перешла в руки восставших шиитов – хуситов, это привело бы к усилению Ирана и дальнейшему распространению его влияния на шиитов всего Ближнего Востока. Поэтому Саудовская Аравия бомбит Йемен, пытается сколотить вокруг себя некую суннитскую антииранскую коалицию. В этой коалиции есть и неарабские страны – Турция и Пакистан, которые также не желают усиления Ирана.

Азербайджан – небольшая страна и неспособная вмешивается в события на Ближнем Востоке. Несмотря на это, бомбардировки Саудовской коалицией хуситов в Йемене не оставили азербайджанское общество равнодушным. Глава Управление Мусульман Кавказа (УМК) шейх Аллахшюкур Пашазаде, критикуя бомбардировки шиитов в Йемене, сказал следующее: «Арабские государства неспособные объединиться против Израиля охотно объединились против шиитов Йемена. Это вызывает сожаление. Мы считаем все это – проявление религиозной розни»²⁰.

Как видим, позиция Пашазаде совпадает с позицией Тегерана. В его заявлении Израиль также избран в качестве мишени, что идет вразрез с интересами безопасности Азербайджана, ведь Израиль является стратегическим партнером Азербайджана, – Баку приобретает в Израиле современное оружие и продает этой стране нефть.

Высказывание Пашазаде вызвало беспокойство официального Баку, и, чтобы откrestиться от него пресс-секретарю МИД Х. Гаджиеву пришлось заявить, что высказывания А. Пашазаде, не выражают официальную позицию Азербайджана²¹.

До этого времени разногласия между властями и главой УМК не доходили до уровня открытой полемики. В заявлении пресс-секретаря МИД также отмечалось, что согласно 18 статьи Конституции в Азербайджане религия отделена от государства и официальную позицию страны озвучивают президент и МИД страны. Этим, МИД указывал А. Пашазаде на то, чтобы он не вмешивался в вопросы, не входящие в его компетенцию.

Причины визита Ильхама Алиева в Саудовскую Аравию (2015)

Президент Азербайджана И. Алиев 5 апреля 2015 г. совершил неожиданный визит в Саудовскую Аравию. Обычно за 2-3 дня до зарубежных визитов главы государства СМИ информируются об этом. В этот раз было по-другому, и на фоне обострившейся ситуации вокруг Йемена неожиданный визит И. Алиева в Саудовскую Аравию вызвал много вопросов.

Ясно, что на фоне военной операции Саудовской Аравии в Йемен поездка И. Алиева в эту страну было встречено с неодобрением в Иране. Но это мало беспокоило официальный Баку.

Во-первых, Саудовская Аравия в отличие от Ирана в карабахском вопросе однозначно поддерживает Азербайджан, а это очень важно для официального Баку и азербайджанского общества.

Во-вторых, Саудовская Аравия при определенных условиях может предложить Азербайджану финансовую поддержку и инвестиции. (По итогам визита И. Алиева в эр-Рияд была запланирована поездка саудовских бизнесменов в Баку). Приезд в Баку богатых шейхов из Дубая – члена саудовской коалиции – сразу же после визита И. Алиева в Саудовскую Аравию указывал на верный расчет Азербайджана в финансовом сотрудничестве с странами коалиции.

В-третьих, сближение Азербайджана с Саудовской Аравией отвечает интересам США и Турции. Вашингтон и Анкара поддерживают вторжение Саудовской Аравии в Йемен и ее борьбу против экспансии Тегерана в регионе. По-видимому, официальный Баку тоже разделяет эту точку зрения. Официальный Баку провозгласил сбалансированный внешнеполитический курс и, соответственно, Баку не спешит входить ни в «суннитскую», ни в «шиитскую» коалицию.

²⁰ “Аллахшюкур Пашазаде осудил тех, кто бомбит Йемен”. www.gun.az. 30.03.2015;

²¹ “Реакция МИД на заявление А.Пашазаде”. Газ. “Teleqraf”. 31.03.2015

Итак, официальный Баку заинтересован в сотрудничестве с арабским миром, однако он желает держать под контролем деятельности радикальных салафитских групп из стран Залива.

Иран считает, что ИГ грозит Азербайджану

В ходе визита в апреле 2015 г. в Азербайджан министра обороны Ирана Хусейн Дехган встретился с президентом И. Алиевым, министром обороны Закиром Гасановым и министром оборонной промышленности Явером Джамаловым. Иранский министр приехал в Баку через несколько дней после визита И. Алиева в Эр-Рияд. Основное содержание визита заключалось в стремлении Ирана к сотрудничеству с Азербайджаном в военной сфере. Кроме того, иранский министр обсуждал в Баку также темы, связанные с террористическими группировками ИГ и аль-Каида.

А.А. Вилаяти (советник по международным делам духовного лидера Ирана Хаманеи) в январе 2016 г. в заявлении прессе затронул ту же тему. Он заявил, что примкнувшие к террористической группировке ИГ азербайджанские граждане по возвращению будут представлять опасность для страны, где большинство населения состоит из шиитов²². Далее Вилаяти отметил, что для усиления контроля за крайне радикальными движениями и оказания Азербайджану помощи в этом направлении между азербайджанскими и иранскими официальными лицами проводятся переговоры.

Тесное сотрудничество двух стран в борьбе с суннитским радикализмом проблематично, т.к. это может привести к напряженности в азербайджано-саудовские отношениях.

Азербайджанские власти стремятся установить нормальные отношения с Ираном, расширить экономические связи и политические контакты, наладить обмен информацией между двумя странами в совместной борьбе с террористами. Однако официальный Баку по вышеперечисленным причинам вряд ли пожертвует отношениями с Саудовской Аравией ради сотрудничества с Ираном.

Религиозные лидеры Ирана начали посещать Азербайджан

Известный религиозный деятель Ирана, один из руководителей Исламской революции Великий Аятолла шейх Хусейн Нури Хамадани с 31 августа по 4 сентября 2015 г. находился в Азербайджане. Шейх Хамадани наряду с Баку посетил также Гянджу и Шамаху, побывал в религиозных центрах.

Хамадани – 93 года. Он – персона, близкая к религиозному лидеру Ирана А.Хаманеи. В свое время Хамадани выступал против шахского режима, даже написал ему открытое письмо. В период правления шаха Хамадани наряду с Хомейни были изгнаны из страны.

Хамадани приехал в Азербайджан по приглашению Шейх-уль-Ислама А. Пашазаде. Сам Пашазаде высоко оценил визит Хамадани и заявил, что до сих пор религиозные деятели ранга Аятоллы в Азербайджан не приезжали. Во время выступлений Пашазаде не скрывал своей симпатии к Хамадани: «В советское время я тайно изучал и слушал их. Впервые после независимости в Азербайджан приехал муджтехид – Великий Аятолла. Это стало путем,

²² «Вилаети: Обязанность Ирана помогать Азербайджану». Агентство «АРА». 25.01.2016

который открыл шейх Хамадани. Пожелаю, чтобы и другие муджтехиды побывали в Азербайджане»²³.

Визит шейха Хамадани позитивно оценил и представитель религиозного лидера Ирана в Азербайджане Сейид Алиакпер Оджагнежад. Он сопровождал Хамадани во время его поездки по стране и участвовал во всех встречах. Оджагнежад по происхождению азербайджанец. Во время пятничных Намазов в мечетях Баку вокруг него собирается значительное число его сторонников.

Религиозные деятели Ирана редко посещают иностранные государства. К примеру, нет никакой информации о поездках религиозного лидера Ирана Али Хаманеи за рубеж. Хамадани же кроме Азербайджана побывал всего в трех странах – России, Кении и Танзании.

В визите Хамадани в Азербайджан был заинтересован и президент И. Алиев, надеясь на расширение двустороннего сотрудничества с Ираном после прекращения западных санкций.

Примечательно, что Хамадани во время выступлений в Баку отмечал: «Я молю Аллаха, чтобы он вернул Азербайджану его исконную землю – Карабах²⁴». Такие заявления весьма полезны для Азербайджана. (Если предположить, что и духовный лидер Ирана Хаманеи посетить Азербайджан, то, можно надеяться, что и он может заявить о необходимости освобождения Нагорного Карабаха.)

Однако кроме солидарности в карабахском вопросе визит Хамадани выявил и проблемы во взаимоотношении двух стран. Во время визита этого влиятельного аятоллы многие молодые шиитские религиозные лидеры, в том числе и Талех Багирзаде, с воодушевлением приветствовали его и на встрече целовали ему руки. Хамадани также посетил село Нардаран вблизи Баку, где он был принят населением с большой симпатией. Очевидно, что иранские религиозные лидеры и официальная иранская политика имеет в Азербайджане немало активных сторонников, что не может не беспокоить светское правительство страны.

Противостояние Эрдоган – Гюлен в Азербайджане

Противостояние Эрдоган – Гюлен не прошло стороной и Азербайджан. Основной целью Гюлена в 2015 г. являлось ослабление позиций Эрдогана в ходе парламентских выборов. Однако Гюлену не удалось этого добиться. Кампания, проводимая Гюленом против Эрдогана, не отвечает интересам официального Баку, т.к. азербайджанские власти имеют тесные связи с Эрдоганом и не заинтересованы в его ослаблении.

Эрдоган несколько раз просил Баку предпринять более решительные шаги против движения Гюлена в Азербайджане. То, что в Баку несколько человек во власти, связанные с Гюленом, были отправлены в отставку не вполне удовлетворило Эрдогана. В ноябре 2015 г. турецкая газета “Sabah” опубликовала обширную статью об азербайджанском госпредприятии – SOCAR в Турции. В этой статье говорилось о связи руководства компании с Гюленом. По-видимому, Эрдоган посредством этой статьи указывал Баку о необходимости устранения сторонников Гюлена в государственной нефтяной компании SOCAR, поскольку у SOCAR в Турции имеются миллиардные инвестиции и большие прибыли. В строительство принадлежащего SOCAR нефтеперерабатывающего завода STAR до сих пор вложено около 2,1 млрд. долларов. Завершить строительство и запустить завод предусмотрено в марте 2018. Эрдоган не хочет, чтобы такие громадные финансовые средства находились под контролем сторонников Гюлена.

²³ «Пашазаде: Визит Хамадани останется в истории». Агентство «Trend». 01.09.2015;

²⁴ «Хамадани: Карабах – древняя азербайджанская земля». Газета «Zaman». 02.09.2015

Очередная антигюленовская статья была опубликована в январе 2016 г. в турецкой проправительственной газете «Yeni Şafak»²⁵. В статье говорилось, что в Азербайджане сторонники Гюлена все еще имеют сильные позиции.

Таким образом, Эрдоган ожидает, что его азербайджанский коллега предпримет против сторонников Гюлена конкретные шаги. Однако в настоящее время сделать эти шаги затруднительно, т.к. сейчас Азербайджан находится в серьезном финансовом кризисе, а компании, связанные с Гюленом, имеют многомиллиардные инвестиции в Азербайджане. Их притеснение приведет к оттоку миллиардных средств из страны. Нынешняя стратегия официального Баку сводится к тому, что структуры, связанные с сетью Гюлена, должны перейти под контроль правительства в Баку. К примеру, средние школы, связанные с Гюленом, ныне действуют под другими названиями и управляются правительственными представителями; ранее прогюленовское телевидение “Хезер” непосредственно управляется Президентской Администрацией; Университет Кавказ передан в ведение SOCAR. Подобная рокировка играет и на пользу сети Гюлена, т.к. частично влияние Гюлена в них все же сохраняется.

Заключение

В Азербайджане светские устои защищаются конституцией, и сегодня являются образом жизни большинства граждан страны. Но означает ли это, что в стране нет угрозы ее светской основе? Отнюдь.

Когда-то Сирия, Иран, Ирак и, даже, Афганистан придерживались светского образа жизни. Однако конец светской формы правления в этих странах наступил в результате несправедливого управления правящих режимов, сосредоточение финансовых средств в одних руках и т.д. Если в мусульманских странах светская политическая система не опирается на справедливость, открытость, права человека, свободные выборы, то рано или поздно радикальные настроения, в том числе и религиозные, начнут превалировать в общественном сознании. Современная мировая история указывает на прямую связь между авторитаризмом, коррупцией и распространением религиозного экстремизма.

Внешнее же религиозное влияние на азербайджанское общество формируется следующими факторами:

- Иранский режим не заинтересован в стабильном развитии Азербайджана, урегулировании существующих проблем и усилении его светских основ, что стало бы примером для 30 миллионов иранских азербайджанцев.

- В отличие от Ирана Саудовская Аравия и Турция не стремятся к ослаблению светской системы в Азербайджане, их основной целью является противодействие шиитскому радикализму, экспортируемому из Ирана. Это отвечает и интересам Азербайджана. Опасность лишь в том, что радикальный шиизм может уступить место ваххабизму и радикальному салафизму.

- Другая угроза заключается в том, что сторонники Гюлена в Азербайджане ведут себя как скрепленные круговой порукой члены тайной масонской ложи, стремящиеся к своим, до конца не понятным общественности, целям, что противоречит республиканским ценностям, зафиксированным в конституции страны.

²⁵ “Новая тактика Гюлена в Азербайджане”. Газ. “Yeni Şafak”. 18.01.2016.

Таким образом, развивая стратегические и экономические связи с вышеупомянутыми странами Азербайджан не должен забывать и об угрозе нашей конституции и нашему образу жизни, которую несут религиозно-экстремистские круги этих стран.

Дискуссия по докладу

Эркин Гадирли. А прочему вы не рассмотрели Ватикан? Разве Ватикан не предпринимает усилий для проникновения в Азербайджан, не пытается утвердиться здесь.

Эльхан Шахиноглу. Да, пытается, но я считаю, это просто политика. Религиозная составляющая действий Ватикана у нас пренебрежима.

Арастун Оруджу. Еще в 1995 году покойный президент Гейдар Алиев посетил Саудовскую Аравию и призвал лидеров этой страны к сотрудничеству, в том числе и расширению религиозных связей. И к нам с тех пор начали приезжать салафитские проповедники. Салафизм стал распространяться у нас как из Саудовской Аравии, так и из России – из Северного Кавказа. У меня есть сведения, что Россия платит своим салафитам за лояльность, и часть денег попадает в руки салафитским радикалам. Я считаю, что ваше исследование должно быть дополнено и изучением роли России и, даже, Запада, которые поддерживают салафитов против религиозного влияния Ирана в регионе.

Эльхан Мехдиев. А в чем, конкретно, религиозный вклад правительства Эрдогана?

Э. Шахиноглу. Эрдоган шиитов не жалует, но в стратегическом плане он будет поддерживать Азербайджан.

Э. Мехдиев. Когда я был Visiting Scholar в США, то часто видел, как вновь прибывшие турецкие научные сотрудники, получившие стипендию от Турецкого правительства сразу попадали в руки уже находившихся там представителей различных турецких сект, которые активно помогали им обустроиться и влиться в действующую там религиозную общину. Кстати все прибывшие женщины были в хиджабах. Других турецких неформальных организация и сетей там и не было. Такое тотальное проникновение религии во все сферы жизни турков меня сильно беспокоит.

Э. Гадирли. Хочу отметить, что в условиях идеологического вакуума, образовавшегося у нас в результате борьбы с демократами и демократией в целом, любой религиозное течение будет приобретать яркое выраженную идеологическую сущность.

Х. Гаджизаде. В вашем докладе вы упомянули о теперешней сильной вражде Эрдогана и Фатулла Гюлена, а в чем же, конкретно, причина их вражды?

Э. Шахиноглу. Это была борьба за власть, борьба за влияние на общество. В последнее время Фатулла Гюлен и его сторонники в правительственных и правоохранительных кругах предприняли ряд серьезных шагов по дискредитации Эрдогана. Разумеется Эрдоган такое терпеть был не намерен.

Э. Мехдиев. Да, сообщалось, что сторонники Гюлена подслушивали телефонные переговоры Эрдогана, собирали компромат на него, потом публиковали все это...

А.Оруджу. НАТО использовало Гюлена как инструмент давления на Эрдогана...

Х. Гаджизаде. Значит – борьба за власть? Других объяснений нет?

А я вот читал, что между этими бывшими соратниками по происламской коалиции начались серьезные идеологические противоречия. Фатулла Гюлен выступал за умеренный ислам, за развитое светское просвещение, против средневековых правил в исламской практике (в том числе и за права женщин), а также за тесное сотрудничество с Западом и Израилем. А Эрдоган начал разворачивать страну в сторону средневекового халифата, испортил отношение с Израилем, начал конфликтовать с Западом. Именно это и стало истинной причиной их вражды...

Тогрул Джуварлы. Да, верно, я много читал об этом. Писали, что просвещенный ислам Гюлена, гораздо приемлемее, чем попытки Эрдогана возродить халифат со средневековыми нормами.

Эркин Гадирли. Но Эрдоган вынужден был так поступать, ибо в Турции есть электоральная демократия и политик должен следовать за настроениями избирателей, которые в Турции все больше и больше погружались в средневековье.

Х.Гаджизаде. Я с этим не согласен. Эрдоган проводит эту политику вполне в соответствии со своими представлениями о том, каким должно быть общество, а не под давлением избирателей. Он еще в молодости, если помните, был тюрьму заключен за экстремистские происламские стихи, потом был членом партии Эрбакана – «Фазилет». Так что, он именно такой, какую политику и проводит.

Интервью с известным теологом и востоковедом Нариманом Гасымоглу

<http://korrespondent.az/10976-neriman-qasimogluqurani-ana-diline-yeniden-tercume-etmishem-chapini-gozleyir.html>

Ислам в мусульманских странах теоретически стал заложником дуализма – Коран и хадисы. Религия должна освободиться от этого гнета.

- Нариман бей, как вы пришли к религии?

Я всегда был близок с религией, все мы бываем переплетены с ней с самого рождения.

Религия закодирована в нас с самого рождения. Разрешите мне описать вам пояснение одного из аятов Корана: «Поверь в правдивую религию, в религию с природой Бога, создавшего людей в соответствии с этой природой...». Т.е. люди приходят в этот мир носителями религии Бога в своей природе. Уход, возврат или смена религии начинается после того, как человек начинает себя осознавать. Потому, что согласно словам Господа нашего в другом аяте по поводу этого кодирования сказано: «Он нам ближе даже чем наша сонная артерия». Что касается меня, то я ответственно могу заявить, что начал чувствовать присутствие Бога в своем сознании еще в свои ранние годы. Точно помню, мне было 4-5 лет. Вечером я был один дома, родители ушли куда-то с братьями, я смотрел телевизор, где говорили о чьей-то смерти. Я глубоко задумался. Первым моим

вопросом по возвращению родителей домой был «все ли люди умрут?». Я не помню точное выражение, использованное моей матерью, но я помню ее улыбку с положительным ответом. Я задумался... Мне показалось несправедливым, что все хорошие люди умрут. Потом я непроизвольно начал думать о высшем существе... Однажды, когда я учился в школе, помню, как сказал учителю истории «разрешите мне доказать всем тут существование Бога». Мой учитель сказал «не ожидал такого от тебя», имея ввиду, что я был отличником. От советских школ ожидалось воспитание в духе атеизма. Я уж не помню, как я тогда пытался доказать существование Бога, но помню, что всегда думал о нем.

Получили ли вы светское образование? Думали ли вы о религиозном образовании?

- Я, конечно, не оканчивал медресе. Я окончил с золотой медалью 132-ю школу имени Гусейна Джавида, затем факультет востоковедения Государственного Университета с отличием. Я продолжил свое образование в Московском Институте Востоковедения, в Европейском Университете в Будапеште, в Американских университетах в Джорджтауне, Калифорнийском Государственном и Гарварде. И хорошо, что я никогда не задумывался о религиозном образовании.

Возникли ли какие-то изменения в вашей жизни, в вашем отношении с обществом и с семьей в результате прихода к вере?

- Как я уже говорил, невозможно говорить о каких-либо изменениях, так как я был верующим с ранних лет. Наше общество верующее, несмотря на то что большинство не выполняет религиозные обряды. Так было и в советские годы.

- Вы первый переводчик Корана на наш родной язык в современную эпоху. Сейчас число переводов возросло. В чем их различие?

- С точки зрения смысла разницы очень мало, различия в основном лингвистические и стилистические, или они возникают как результат предпочтения автором интерпретации того или иного течения религии. Различие между моим переводом, который я называю скорее пояснением, чем переводом, и другими переводами в том, что я использовал литературный стиль. Кстати, так как Коран божественное писание, у священного языка есть качество языкового чуда. Среди языковых особенностей священного текста, наблюдаемых при первом восприятии, можно отметить строй слов с точки зрения высокопарности и привлекательности, разные значения слов и выражений в зависимости от их месторасположения, настроения, возникающие от аллитерации голосов, намеки, возникшие от мелодии чтения текста, психологическое воздействие от повторения по смыслу похожих друг на друга аятов в разных сурах, рифмы, усиливающие внушение, нерифмованные моменты, позволяющие иногда давать отдохновение слуху, чтобы слушающий мог думать и размышлять. И когда переводишь аяты на другой язык эти достоинства пропадают и всякий перевод естественным образом не может охватывать всю открывающуюся мудрость, и поэтому принято считать озвучивание священных высказываний на другом языке «пояснением». Такая позиция приводит к тому, что автор перевода, опирающийся на определенные интерпретации и пытающийся донести определенные смыслы читателю, считает себя застрахованным от ответственности в связи с достоинством и красотой звучания священного писания на родном языке. Как результат – выходят либо дословные, либо пояснительные (некоторые моменты, которых нет в оригинале текста, но которые, существуют в исламском мышлении, отмечаются в качестве дополнения в скобках или без скобок) переводы. Дословные переводы поддерживают законы языка, на которые текст бывает переведен, аяты выражаются на публицистическом языке, или на языке научных статей. А пояснительные переводы близки к оригиналу текста, иногда даже сохраняют синтаксис арабского языка, но их сложно читать, и они полезнее для научно-академических исследований. Мое пояснение Корана, опубликованное в 1993 году в качестве отдельной книги на азербайджанском языке впервые в практике перевода Корана предложило новый стиль перевода. Это было примером перевода священного текста на наш родной язык, и именно этот стиль способствовал его читабельности. Позже, этим стилем воспользовались В.Порохова в России и Й.Озтурк в Турции. Недавно латвийский востоковед, близкий друг азербайджанской литературы Уилдис Берзинш перевел Коран на свой литературный язык. Согласно моим латвийским коллегам, его перевод отметили как важное явление в литературно-культурной сфере Латвии. Конечно же, вне зависимости от того, насколько качественно сделаны литературные переводы, они не могут претендовать на выражение языковых возможностей священной книги, но несомненно то, что переводы в этом стиле более читабельны и удачны. Несмотря на популярность моего перевода Корана, спустя годы я лично критически настроен по отношению к нему, и постоянно во всех своих интервью и статьях отмечаю необходимость нового перевода книги в связи со священными требованиями и натурой этого текста. В 2007 году я окончил совершенно новый вариант перевода. Он пока еще не опубликован. В этот раз я постарался воссоединить стили дословного и литературного перевода насколько это возможно. Это очень сложный творческий процесс. Наряду с обеспечением читабельности перевода, хотелось бы, чтобы читатель не столкнулся с субъективной позицией переводчика, а, в большинстве случаев смог сам прийти к

выводам, на основе божественной информации, смог бы добиться возможности усовершенствовать свою веру, развить свое мировоззрение... То есть, чтобы в результате, ключевой принцип нашей религии – отсутствие посредничества между Богом и человеком было бы обеспечено...

- Почему, на ваш взгляд, Исламский мир находится в кризисе?

- Это вопрос, требующий особого исследования. Оставив в сторону геополитические и внутривосточные причины, я должен отметить проблемы в вере и культуре мусульман: различия в течениях ислама, отсутствия толерантности между сектами, законы шариата, которые противоречат природе нашей религии, использование религии в политических целях... Столько всяких причин.

Вы первый богослов в Азербайджане, который говорил о необходимости реформ в религии. Не могли бы вы пояснить, какие реформы вы считаете необходимыми?

- Речь здесь не о реформах в самой религии, это невозможно, не мы же авторы, чтобы реформировать здесь что-то. Речь может идти о реформах в религиозной практике, в религиозных воззрениях, они должны помогать людям приходить к светлому пути, исходящему из сущности религии, помогать мусульманам приспосабливаться к современным условиям, к прогрессу. Ибо «...Аллах не изменит один народ, пока народ сам не изменит то, что хочет изменить» (Коран 13:11). Но обратим внимание на Европу. Реформация в Христианстве дала пользу развитию общества. Например, когда формировались капиталистические отношения, протестантство преподнесло труд как религиозный долг и это изменение в мышлении христиан связывало их с активной общественной жизнью. Верующие в судьбу как одно из условий веры, мусульмане обычно стараются себя сильно не утруждать, несмотря на то, что труд и активный образ жизни отмечается в Коране как религиозный долг. Один из аятов, который дословно переводится как «встань, когда закончишь» (7 аят, суры Иншира), поясняют как: «переходи к другому делу, когда закончишь одно дело». К сожалению, мусульмане мало обращают внимания на это веление бога. Реформы важны для культурных изменений у мусульман, для того, чтобы они жили в соответствии с существующими реалиями, чтобы их глаза были открыты правде и науке. Если первый ниспосланный аят говорит: «Читай!», то они должны принять образование как религиозный долг, они должны быть в состоянии создавать университеты мирового уровня, лететь в космос и т.д. Они должны принять права женщин во всех смыслах, не подвергать женщин насилию дома. В большинстве мусульманских странах, особенно в странах с традиционными законами шариата ситуация во всех смыслах плохая. (Многие даже и не подозревают, что законы шариата составлены людьми, они не являются божественным откровением и, да, они часто противоречат Корану). Отсюда и необходимость пересмотра таких шариатских законов.

- Что вы конкретно предлагаете?

- В первую очередь должны произойти изменения в сознании мусульман. Ради этого, мнение о ненадежности, фальшивости и противоречивости некоторых традиционных законов шариата со священным писанием не должны оставаться мнениями отдельных ученых, они должны популяризоваться, принимать массовый характер и найти место в сознании мусульман. Я считаю это возможным. Это, уже успешно начало осуществляться в среде мусульман, адаптировавшихся в некоторых западных странах. Такие примеры показывают, что реформы

реальны и что они обусловлены местными социально-политическими условиями. В традиционных мусульманских странах этот процесс сложен, имеется сильное противодействие со стороны признанных религиозных институтов. Например, насколько легко говорить о религиозных реформах в Азербайджане и других бывших советских мусульманских странах, настолько же сложно это делать в Иране, Пакистане и в арабских странах. Даже в Турции, где светские традиции довольно сильны, позиция ученых, поддерживающих такие реформы, встречают сильное сопротивление консерваторов.

- Были ли подобные попытки реформ в мире? Почему процесс настолько сложен?

- Попытки реформ были всегда, и они продолжаются. Есть много причин сложности процесса. Даже если это звучит абстрактно, только одну причину я бы связал с геополитическими изменениями. Некоторые западные круги, проводящие политику двойных стандартов, тоже не заинтересованы в том, чтобы в мусульманском восприятии возникло мнение о полном соответствии Ислама с демократией. Интересы мусульманских консерваторов и этих западных политиков дополняют друг друга. Но процесс идет вне зависимости желания этих людей и есть уже успешные результаты.

- Почему фетвы, объявленные в одной стране, должны быть обязательными и в других мусульманских обществах? Например, о брачном возрасте девочек. О возрасте, с которого обязательно ношение хиджаба...

- Я хочу ответить на ваш вопрос, высказав свое отношение к слову «хиджаб». Повторю, то, о чем я всегда пишу: в священной книге слово «хиджаб» не имеет никакого отношения к головному убору. Это слово используется в 7 аятах Корана и обозначает «занавеску», «покрывало» и ни в одном из аятов нет намека на головной убор женщин. Например, в одном из аятов Аллах говорит: «Господь говорит с человечеством через занавес (хиджаб в оригинале) (сура «Шура», 51-й аят). Почему эти религиозные деятели – проповедники суеверия пытаются покрыть голову женщин этим занавесом святости? Ясно, что тут цель держать женщин под контролем. Головной убор искусственно становится «святой вещью» и этим пытаются добиться неприкасаемости головного убора. Вне зависимости от фетв, объявленных в разных странах, это не имеет никакого отношения к сущности нашей религии. Насчет абсурдов в связи с браком с несовершеннолетними девочками. В священной книге – Коране нет ничего такого. Мракобесы, поддерживающие ранние браки в религии, опираются на выдуманные разговоры – «хадисы». Несовершеннолетний – это ребенок. Есть аяты в Коране, в которых есть слово «ребенок». В этих аятах проходит информация о создании человека и стадий его развития, и слово «ребенок» используется в связи с возрастом до совершеннолетия (22:5; 40:67). Термин «ашудд», переведенный и поясненный как «совершеннолетие» в Коране, охватывает период с раннего совершеннолетия до 40 лет (6:152; 17:34; 46:15). В 6-м аяте суры “Женщины” есть мудрость, подразумевающая возраст, подходящий для брака. Внимание в аяте в первую очередь направлено к людям, потерявшим родителей и сиротам, живущим под опекой других и к их наследству. Перевод этой части аята звучит следующим образом: «Проверяйте сирот до их брачного возраста. Если вы заметите у них ум, верните их состояние...». Тут разговор о необходимости возвращения наследства родителям сиротам и эта необходимость обусловлена дееспособностью этих людей, их умением управлять собственностью. В переводе аята вместо термина «рушд» в оригинале Корана используется слово «ум», что обозначает умение принимать правильные решения, здоровое мышление и аналитический ум. Из Корана можно сделать вывод, что парень или девушка, желающие вступить в брак, должны быть умными, с

аналитическим образом мышлением, умением управлять хозяйством, а несовершеннолетние не имеют этих качеств просто по природе. В 25-м аяте суры «Женщины» есть выражение «фатаят» о женщинах брачного возраста. Это слово не относится к несовершеннолетним, оно переводится как «молодые девушки». Конечно, крути, известные мракобесием, желающие использовать нашу религию для того, чтобы держать людей в невежестве, не могут обосновывать ранние браки и поэтому пытаются интерпретировать Коран так, как хотят. Например, основываясь на 4-м аяте суры «Талаг» утверждают, что якобы в нашей религии для девочек разрешаются ранние браки. Этот аят рассказывает о физическом состоянии женщин после развода. И эти женщины классифицируются следующим образом; постаревшие и не имеющие менструальный период женщины; женщины, у которых не было менструации при разводе; женщины, которые были беременны при разводе. Лживые последователи религии представляют не имевших менструацию людей как несовершеннолетних и пытаются закрывать глаза на то, что в аяте речь идет не о тех, у которых еще не было менструации, а женщины, у которых временно не было менструации при разводе...

- Идут широкие дискуссии о религиозном экстремизме, почему он возникает и развивается? Как предотвратить этот процесс?

- Я могу вам перечислить источники религиозного экстремизма: безграмотность; псевдорелигиозное мышление; подстрекательство разных религиозных-политических кругов... Для того, чтобы предотвратить этот процесс должны проводиться широкие просветительские программы в особенности в отношении части населения, подверженного такому влиянию, не говоря уже о постоянных оперативных мерах, проводимых государством в контексте национальной безопасности.

- Считаете ли вы возможным присутствие национальных элементов в вопросе религии?

- Не в религии, а в религиозности... Возможно и естественно. В связи с религиозностью Азербайджана могу сказать, что религиозность в нашей стране сильно разнится с религиозностью других мусульманских стран. Эта разница в первую очередь связана с исторически сформированным религиозным менталитетом азербайджанцев. Большинство мусульман у нас – шииты, другая часть принадлежит разным направлениям суннизма и между ними нет межсектарных проблем. Конфронтации между мусульманами и представителями других религий тоже не наблюдается. В Азербайджане никогда не было антисемитизма, нет никаких фактов насчет преследований евреев, живущих на этих территориях столетиями. Еще один интересный исторический факт связан с тем, что примерно 200 лет назад молукане (этнические русские), поселившиеся в Азербайджан из-за религиозных преследований в Царской России, живущие в соседних с мусульманскими деревнями территориями в качестве отдельных общин, никогда не испытывали проблем как этнические и религиозные меньшинства. Все это можно связать с толерантностью азербайджанцев в их религиозной ментальности. Большинство живущих на территории Азербайджана людей до Ислама были в Тенгрианстве (в древнетюркских системах верования верховенствовало Тенгрианство), Зороастризме и Христианстве. Христианство было официальной религией Албанского государства (II-VII века), имеющего особое место в истории Азербайджана. Религиозность части азербайджанских тюрок было сформировано, в том числе в многоконфессиональной атмосфере Хазарского государства (VII-X века), официальной верой которого был Иудаизм. Глубокие корни религиозной толерантности в том числе исходят из национально-культурного наследия.

Азербайджанская религиозность была воспитана героями «Семи красавиц» Низами Гянджяви, эпосом «Асли и Керем», стихотворениями Насими с образами Иисуса Христа, сатирами М.А.Сабира пропагандирующими Ислам и критикующими религиозное мракобесие и фанатизм, романами «Бахадур и Сона» Н.Нариманова, «Али и Нино» Ю.В.Чаманзаминли, драмами «1905-й год» Дж.Джаббарлы, «Шейх Сянан» Г.Джавида и десятками другими примерами.

- Нариман бей, вы сказали, что некоторые моменты в законе шариата были представлены обществу как требование религии и это можно изменить. Что можно конкретно изменить и адаптировать к современности?

- Многое. В целом образ мышления мусульман нужно адаптировать к современности. Генератором этой адаптации может быть только текст и логика священного Корана и изменяющиеся социально-политические условия. Да хотя бы можно изменить те понятия, о которых вы выше говорили и обязательном головном уборе для женщин и брачном возрасте.

- В последнее время мы встречаем ваши переводы из мировой поэзии, можете ли вы рассказать об этих переводах и об этом вашем интересе?

- В первую очередь хочу сказать пару слов о своих произведениях, а потом уже о переводах. Я начал со стихов и до сих пор продолжаю их писать. Я пишу мало, но честно скажу, что мои притязания насчет поэзии довольно велики. Нормально то, что меня не рекламируют в этой сфере, потому что я сам этим не занимаюсь. Мой первый и пока что последний сборник стихов – «Мои два дня рождения» был издан в 1990 году... Что касается переводов, я периодически перевожу образцы арабской поэзии, которые мне нравятся... Переводческая работа была на довольно профессиональном уровне в бывшем советском пространстве. Конечно, и этому есть причины, но я не хочу говорить об этом, так как это займет много времени. Я сейчас смотрю на переводы стихов, сделанные молодыми писателями, и когда увидел, что они делают это ужасно, я решил показать им мастер-класс, переведя Ахматову.

- Ваша жизнь проходит посреди книг. Интересно услышать ваш совет. Какие книги надо читать, какую музыку надо слушать?

- Сейчас так мало читающих людей... Читающие знают, что надо читать, а не читающие должны читать все что попадают под руку. Пускай читают, возможно, как минимум начнут грамотнее писать. Пускай воспитывают свой музыкальный вкус, слушают классическую музыку и мугам.

- Не могли бы вы пояснить для читателей два аята из Корана:

(Анфаль 41). «Знайте, что если вы захватили трофеи, то пятая часть их принадлежит Аллаху, его Посланнику, близким родственникам Посланника, сиротам, беднякам и путникам...»

И еще

(Бакара 178). «О те, которые уверовали! Вам предписано возмездие за убитых: свободный — за свободного, раб — за раба, женщина — за женщину»...

- Комментируя в историческом плане отмеченный вами первый аят, исследователи при рассмотрении оборонительных сражений в период Пророка Мухаммеда, отмечают дележ трофея, захваченного у вражеской армии и объясняют это таким образом, что 1/5 добычи должна принадлежать указанным лицам, остальная часть – участвующим в сражениях муджахидам. По их мнению, то, что принадлежит Аллаху, по решению его посланника – Пророка Мухаммеда должно быть поделено между упомянутыми нуждающимися и другими. Думаю, это неверный подход.

Во-первых, речь идет не только о трофеях, захваченных во время сражений. Слово “трофей” может означать разное: неиспользованная находка, клад и т.д. и т.п. В форме глагола это выражение вообще имеет значение что-то захватить, приобрести, овладеть, получить. Принадлежность 1/5 этого “Аллаху, его Посланнику, родственникам (в оригинале – близким посланника) Посланника, сиротам, бедным и путникам” также ошибочно. Исходя из грамматического смысла выражения, можно ясно увидеть, что адрес этих 1/5 – только Всевышний, а не перечисленные. Доля последних от добычи равна 4/5. Всевышний, владеющий Небом и Землей, не нуждается в чем-либо. Об этом имеются конкретные выражения в аятах. Исходя из этой логики, 1/5 принадлежащая Всевышнему – хумс – нужно отнести к тем, кто находится на его Пути – близким Посланнику людям. Сказано в Коране: “Следуйте за посланниками, за теми, кто ничего не ждет от вас”. Наградой такого лидера будет доля от того, чего добилось общество. Традиционно слово, означающее “родственники”, просто должно быть переведено как “близкие”, т.к. оно означает население, представляющее единое этно-религиозное целое.

Другой аят о интерпретации, которого вы спросили, поясню следующим образом: «О те, которые уверовали! Вам предписано возмездие за убитых: свободный — за свободного, раб — за раба, женщина — за женщину.»

Аят состоит из двух частей. Первая – о мести, которая исторически используется только в военное время. Эта часть, как говорится завершается троеточием, т.е. паузой. Это также отмечается в Старом Завете и в Торе. Вторая часть состоит в наказании за какое-то преступление в обычное время. Логика первой части обуславливает обязательную казнь преступника. Брат убитого может простить преступника, что, кстати, агитируется этим аятом. В этом случае, семье убитого должно быть выплачено что-то взамен этого, что определяет сама семья умершего.

-Как вы думаете, возможно ли создание влиятельного совета прогрессивных религиозных деятелей страны, которые бы давали бы фетвы по определенным спорным вопросам?

- Нужно в целом убрать этот разговор о фетвах. Потому, что только серьезные богословы могут говорить о применении безграничных священных мудростей. Религиозные деятели должны понять, что Хадисы и прочее надо оставить в сторону. Ислам в мусульманских странах теоретически стал заложником дуализма – Коран и хадисы. Религия должна освободиться из этого гнета. Религиозных деятелей, освободившихся из этой ловушки, можно считать прогрессивными. Другие могут казаться прогрессивными, но их природа никогда не изменится, и они просто отложат процесс. Например, некоторые религиозные деятели, считающиеся прогрессивными, ошибаются, предлагая взять за основу жизнь Пророка в качестве примера при возникновении споров в связи с интерпретацией Корана. Они считают, что у Пророка достаточно деяний, способных стать примером для нашей нравственности и терпимости. Они не понимают, что это ведет людей обратно в болото «истинных» Хадисов с теоретическо-

теологической точки зрения. В «истинных» Хадисах, тех, которых мусульмане принимают в качестве религиозного источника, есть столько моментов, представляющих личность Пророка в плохом свете, что даже стыдно о них говорить. И они не должны считаться настоящими, так как противоречат Корану. Поэтому сейчас разговор должен идти только о пользе, которую серьезные богословы могут дать, основываясь на философии, букве и духу аятов Корана и необходимости популяризации теоретических теологических работ.

- Считаете ли вы возможным совершение намаза на родном языке. Знаете ли вы людей, которые молятся на родном языке?

- Конечно, знаю. Мои близкие, родственники и другие люди совершают намаз на родном языке. Иногда у меня просят молитвы на родном языке. Конечно, сейчас таковых мало. Но их число возрастает и верю, что их будет еще больше. В свое время в Европе молитвы проводились только на латинском языке. Одна из заслуг христианских реформаторов перед своими народами состоит из того, что молитвы национализировались. Это создало некую близость между религией и людьми. Рано или поздно мусульмане освободятся от табу молитв на арабском языке. В 2013-м году я выступил с широким докладом на тему «Коран на неарабских языках: лингвистические и теологические вызовы» в школе богословия Гарвардского Университета. После доклада директор Центра Исследований Мировых Религий Френк Клуни сказал, что «твоя работа в связи с агитацией реформ в Исламе полностью совпадает с природой работы, проделанной Мартином Лютером в связи с протестантской реформацией».

- Как вы относитесь к написанию учебника религии для школ? Взались бы вы за это дело?

- В первую очередь хочу сказать, что в школах не может быть урока религии. По логике Корана нет границы между религией и наукой. Так как все точные и гуманитарные науки объясняют законы, поставленные Аллахом для вселенной, в их природе присутствует святость. Школьникам в первую очередь нужно объяснять, что образование – это священный долг верующего и поэтому надо хорошо учиться. Можно, конечно, написать книгу о мудростях Корана для детей и несовершеннолетних. К сожалению, я не смогу это на себя взять. Из-за простой причины: я слишком загружен другими делами и серьезно страдаю от нехватки времени.

Как я пришел к вере

Ахад Маммедли

(Заместитель председателя партии «Справедливость и Развитие (AĞ Party),

Глава аналитического центра «Цивилизации и конфликты»

...Когда я начал совершать Намаз, это произошло без чьего-то особого влияния или пропаганды.

...В религии никому кроме Аллаха не дано права менять что-либо, реформировать и пр. По исламу, те кто стремятся к этому, совершают грех. Это можно выразить одной фразой "Либо ты принимаешь это на веру, либо считаешься неверующим".

Впервые я услышал о существовании Аллаха от своей бабушки, дочь которой была расстреляна по обвинению в участии в мусаватском восстании, которая длительное время являлась советским госслужащим и коммунистом и всю жизнь прожила в страхе перед КГБ и его репрессиями.

Я никогда не забуду бабушкин своеобразный лозунг той сложной системы: «В сердце – Коран, в кармане - партбилет!». В начальном классе я задал вопрос любимой учительнице – ярому атеисту и коммунистке Лилии Георгиевне «Есть ли Аллах?», на что получил ответ – «Конечно же, нет. Все это сказки, выдумки». Когда я передал бабушке ее ответ, она высказалась коротко «Учительница ошибается или лжет». С того дня я задумался над тем, кто же ошибается, бабушка или учительница?

Прежде всего отмечу, что моя семья не являлась религиозной. Но это не означало, что они были атеистами. Как и многие среднестатистические азербайджанцы, они являлись людьми, в чьих сердцах был страх перед Аллахом, но образ жизни у них был советский и светский. В целом, религия не была в семье особо обсуждаемой темой. Мы жили также, как и все. Старались следовать религиозным ритуалам, ставшим составной частью наших традиций. Например, готовить суп хедик в день Ашуры, в этот день отец не пил спиртное (только в этот день) и т.д. Можно сказать, религиозная жизнь нашей семьи не выходила за эти рамки. И, конечно же, поминальные службы происходили согласно религиозным предписаниям и ритуалам.

Я начал совершать молитву после окончания школы в 1999 г. Это произошло не под чьим-то особым влиянием, либо пропаганды. У меня появилась внутренняя потребность совершать намаз. Для этого в первую очередь обратился в мечеть Тезе Пир, поскольку в тот период не имел никакого представления о намазе и других ритуалах. Конечно же, тогда я не имел понятия о расколе между суннитами и шиитами. На высказанное мною желание научиться совершать намаз мулла в Тезе Пире ответил довольно оригинально «Пойди купи в магазине книгу Намаза

и научись". И я последовал его совету, купил книгу и стал ее читать. Впоследствии я узнал, что этот намаз относится к шиитскому мазхабу (религиозному течению в исламе – ред.), а книга является иранской продукцией. Для уточнения совершенно непонятных для меня мест в этой книге я вновь вынужден был обратиться в мечеть, но в это раз решил не идти к принявшему меня холодно мулле, а пошел в мечеть вблизи БакГос.Университета, известной среди населения как мечеть "Илахийет". На меня произвело особое впечатление искреннее внимание и забота суннитского «ходжа» (учителя). Этот ходжа дал мне другую книгу намаза (не продал), попросив выучить и если возникнут вопросы, то обратиться к нему. Таким образом, я начал, как сейчас говорят, совершать намаз как представитель суннитского мазхаба.

В нашей семье у всех имелось высшее образование, свобода слова, толерантность были обычным явлением. Поэтому мое желание совершать намаз не вызвало особого ажиотажа или беспокойства среди членов семьи. Напротив, они отнеслись к этому как к гарантии того, что я останусь в стороне от таких опасностей, как выпивка, игра в карты и пр. В тот период со мной параллельно несколько моих бывших одноклассников также начали совершать молитву. Что меня удивило, что среди них оказался лучший ученик класса и он же атеист. Поэтому у меня в тот период совершенно не изменился круг друзей, ни в моем, ни в их отношениях не произошло никаких изменений. Конечно, у меня появились новые друзья из числа тех, с которыми мы регулярно встречались в мечети на пятничной молитве. В целом, в тот период общество не делилось как сейчас на верующих и неверующих. То есть то, что я начал совершать молитву, не повлиял на круг моих друзей и мое место в обществе.

Обычно я получаю необходимые мне религиозные знания и сведения из переведенных на русский язык зарубежных религиозных книг. Поскольку религиозной литературы на русском языке было немного, порой на интересующие и непонятные для меня вопросы я получал ответы от ходжи из мечети "Илахийет". Сейчас я также пользуюсь возможностями интернета. В целом же, стараюсь оставаться в стороне от тем, далеких от повседневных религиозных потребностей и требующих углубленных дискуссий и анализа.

Я стараюсь выполнять предписываемые Исламом самые важные религиозные обряды и ритуалы. Сюда входят следующие предписания:

- 5-ти разовый ежедневный Намаз,
- 30-дневный пост раз в год,
- пятничный намаз раз в неделю и пр.

Закят (финансовая помощь общине) и Хадж зависят от финансового положения человека, поэтому это я пустил на волю случая. В Исламе одно правило само регулирует эти вопросы. Так, согласно Исламу, регулярность и продолжительность совершения молитв считаются более предпочтительными, чем их количество. Я тоже стараюсь придерживаться этого принципа.

Как я отметил выше, у меня не было мысли о выборе мазхаба. Просто, я хотел совершать молитву. Возможно, в тот период мой выбор суннизма, а не шиизма был связан с отношением ко мне «миллы» и «ходжи». Но в последствии результаты моих религиозных исследований и выводы из прочитанного подтвердили правильность моего выбора. Я убедился в верности своего выбора, как в отношении к другим мазхабам, так и личного религиозного образа жизни.

Причиной, отбратившей меня от шиизма, стало и то, что он отрицал истины, которые принимают 90% исламского мира. Сюда можно добавить и то, что шиизм подвергся реформированию ради сохранения политической сущности иранского режима. Не менее важным были и совершенные во имя шиизма азербайджанскими мулла суверия и нововведения.

Как было отмечено выше, начало совершения мною намаза не повлияло на мое мировоззрение, поскольку и до этого я вел довольно консервативный образ жизни. Конечно, религиозные обязательства, предписания и требования способствовали небольшим корректировкам в моем образе жизни. В прочих случаях, можно сказать, что все шло по-прежнему.

С сожалением должен отметить, что в Азербайджане институт религии по разным причинам пока окончательно не сформировался, среди самых последних причин можем указать на 70-летний атеистический режим, оказавший большое влияние на сегодняшнюю религиозную традицию. Поэтому религиозная практика, подвергшаяся чуждым исламу различным политическим и идеологическим воздействиям, превратилась в элемент, обслуживающий лишь интересы властей. Прекрасным примером этому является Управление Мусульман Кавказа (УМК). Так, основной деятельностью этой структуры является не служение исламским ценностям и предписаниям, а удовлетворения интересов правящего режима. УМК часто играет ведущую роль в легитимизации антирелигиозных действий властей. Но это не означает, что в Азербайджане все религиозные традиции подверглись деформации.

Среди верующих, можно сказать, доверие в УМК близко к нулю. Добавлю, что азербайджанские верующие рассматривают это Управление как структуру, относящуюся только к шиитскому мазхабу. Исходя из этого, ни один суннит не принимает к исполнению исходящие от УМК фетвы и предписания. Среди шиитской общины также наблюдается невысокое доверие к этой структуре, то есть даже шииты воспринимают с подозрением фетвы УМК и каждый из них следует указаниям других религиозных центров, например, из Ирана, которые пользуются их доверием. Единственная гегемония УМК среди верующих и религиозных общин Азербайджана связана с административными ресурсами, которыми оно владеет как представитель власти. Любая религиозная община, желающая пройти регистрацию в стране, обязана получить положительный отзыв от УМК, хотя эта структура имеет лишь статус Неправительственной организации.

Тема “Нужна ли реформа в Исламе?” часто обсуждаемая тема в Азербайджане и мире сохраняет свою актуальность. Здесь существуют различные аргументы. Если мы отнесемся к Исламу не как к священной, а совокупности социальных отношений, то можно принять многие идеи, озвученные в этих дискуссиях и провести реформы. Но поскольку я отношусь к Исламу, как к священной ценности, то эта тема не относится к обсуждаемым мною темам. В Исламе в отношении этой темы существует однозначный подход, что никому кроме Аллаха не дано права что-то менять, реформировать в религии. Те, кто пытались сделать это воспринимаются в Исламе как люди, совершившие большой грех. Все это можно выразить одной фразой «Либо ты принимаешь это на веру, либо считаешься не принявшим, т.е. неверующим».

По Исламу, считается, что поскольку этот мир является испытанием, а основная твоя жизнь начнется после него, то все оценивается не логикой этой жизни, а божественным промыслом и

духовной верой. Исходя из этого, некоторые религиозные предписания могут казаться нелогичными с точки зрения сегодняшних реалий, но их необходимо принять. Здесь основным фактором должен быть фактор «испытания». Испытание же может быть не всегда логичным, простым и нормальным.

Тезис об усилении радикализма среди мусульман считаю спорным. Здесь я сторонник отделения понятий «мусульманин» и «угнетенные люди». Правда, на первый взгляд, при проявлениях радикализма в мире понятие мусульманин выдвигается на передний план, однако, более глубокий анализ показывает, что причины радикализма больше связаны с социальными, правовыми и другими требованиями. К примеру, мы можем показать многие мусульманские государства, где не приходится говорить о радикализме. Интересно и то, что эти государства по числу мусульман находятся в первых рядах. Можем отметить Индонезию, Турцию, Малайзию, Катар, Кувейт, Марокко, ОАЭ и др., где трудно говорить о феномене религиозного радикализма (террор, экстремизм и пр.). В вопросе о радикализме решающим фактором выступает использование Ислама в своих целях различными организациями, режимами и государствами. Если мы сегодня проанализируем центры радикализма, то ясно увидим это.

Поскольку Ислам, как религия, охватывает все сферы жизни, то его невозможно отделить от политики. Ислам имеет свой взгляд на государственное устройство, экономику, культуру, политические отношения и т.д. Думаю, что это – реалии жизни и мы вынуждены считаться с ними, хотим того или нет. Нет проблемы «Ислам и политика», но со дня своего возникновения Ислам и есть политика, а политика есть Ислам. В этом Ислам уникальная религия. Просто некоторые государства, организации и идеи, как секуляристы, так и клерикалы – относятся друг другу с ненавистью, предвзятостью и коварством. А для предотвращения такого отношения обе стороны должны выражать толерантную, адекватную и компромиссную позицию. То есть, здесь основной вопрос не в идеологии, а во многом зависит от личных отношений индивидов. Для обоснования своей мысли, хочу обратиться к простому примеру. Также как бытовым ножом можно разрезать хлеб, точно так же им можно совершить преступление. Главное – не предмет, а использующее его мышление.

Тех, кто принадлежит к суннитскому мазхабу называют “Ахли-сунна ва аль-джамаа”. Суннитский мазхаб делится на четыре фикха (мусульманское право, шариат) – ханифизм, шафиизм, маликизм и ханбализм. Все они признают друг друга. Салафиты же позиционируют себя не как мазхаб, а как продолжателей дела пророка, т.е. как миссию по избавлению исламской практики от всего наносного – того, что было введено после смерти пророка. Салафиты также признают эти четыре фикха и отдают свободу в выборе одного из них. Среди народа салафитов называют ваххабитами, но сами они не принимают этого названия. И как доказательство этого указывают, что они следуют не Абдуль-Ваххабу ат-Тамими, а придерживаются религиозных трактатов ибн-Теймийя и имама Ханбали

Боевики Исламского Государства (ИГ) отличаются от салафитов тем, что пытаются выполнить указанные в Коране фразы буквально, без тасвира (обсуждения и трактовки). После тасвира должна быть фетва (указ) изданная знатоками исламского права и, только потом уже – действие. Тасвиры других религиозных авторитетов в области исламского права ИГ не признаёт, а своих ученых такого уровня у них нет. Например, бойцы ИГ убивают пленных, но сам пророк призвал

к милосердию по отношению к пленным, он приказывал отпускать пленного за каждого обученного читать и писать неграмотного мусульманина. Смертная казнь в исламе есть. Но с пленными поступать зверски – запрещено, и фетвы на смертную казнь должны давать ученые на государственном уровне. И, не даром, жестокость бойцов ИГИЛ осудили даже авторитеты Аль-Каида.

Дискуссии по докладу

Х. Гаджизаде. Спасибо, Ахад бей. У наших экспертов к вам вот такой вопрос, мы слышали, что вы, вместе с группой своих сторонников покинули партию Мусават и создали новую партию. Расскажите нам о ее целях и задачах.

Ахад Маммедли. Да, мы хотим создать демократическую партию консервативного типа.

Замин Гаджи. Что, конкретно, вы имеет ввиду под вашим консерватизмом?

Эркин Гадирли. Какой Азербайджан вы хотите видеть в будущем?

Ахад Маммедли. Мы хотим видеть светское государство и консервативное общество, как у Эрдогана. Это будет партия с примерно, с такими же целями и задачами, как турецкая партия Справедливости и Развития (АКП) созданной Т. Эрдоганом. В дальнейшем мы будем стараться установить тесные связи с АКП. Вообще мы стремимся чтобы идеи турецкой АКП нашли широкий отклик в Азербайджане и в других мусульманских странах, а потом мы постараемся создать международную коалицию таких партий.

Х. Гаджи-заде. Но в чем, конкретно вы не согласны с политикой и идеями партии Мусават?

Ахад Маммедли. С продекларированными ценностями Мусават мы согласны, но выступаем против авторитаризма и партийной коррупции в Мусавате.

Х. Гаджи-заде. Понятно... ну, пожелаем нашим молодым активистам успехов на этом тяжелом пути к справедливости и прогрессу.

Гаджи Ильгар. У меня есть замечание по докладу. Впервые почувствовал в себе острую необходимость – внимательно слушать. Я категорически не согласен с отображением состояния шиитской общины в этом докладе. Как же так, а почему вы не упомянули о демократических шиитских общинах, о тех шиитах кто выступают за права человека и поддерживают демократический лагерь на выборах? О тех из них, кто борется за демократию? Считаю ваше видение однобоким. Я хочу отметить, что в Азербайджане уже сформировалась новая социальная группа – пласт верующих, которые не смотрят на пропаганду ислама из-за границы, а ищут чистый ислам. Лично у нас (в общине мечети Джума) нет проблем с самоидентификацией и самовыражением.

Ахад Маммедли. Я ни в коем случае не стремился обидеть или принизить роль шиитских общин или активистов. Я считаю события в Кербале – убийство внука пророка – большой исторической трагедией. Я просто, по просьбе организаторов нашего семинара, рассказал тут о своем личном опыте обретения веры. Возможно мне не повезло с теми людьми к которым я впервые обратился, но так уж получилось...

Новая Конституция Туниса.

Как вырабатывался консенсус между либералами и исламистами?

Аида Багирова и Шафаят Салех

Так Тунис оказался единственной страной «Арабской весны», которая не скатилась ни к гражданской войне, ни к военному правлению, ни к раздробленности.

Как важный итог «Арабской весны», в Тунисе – стране, которая дала толчок к началу этой весны в 2011 г., депутаты Национальной ассамблеи 26 ноября 2014 г. большинством в 200 голосов (из 216) проголосовали за принятие новой Конституции. Результаты этого голосования означали, что в соответствии с Конституцией страны референдум проводиться не будет, т.к. новый Основной закон был утвержден законодательным органом большинством в 2/3 голосов.

Новая Конституция Туниса закрепила итоги национального диалога и консенсуса, который был достигнут между светскими политическими партиями и исламистами, и заключала в себе либеральные ценности и положения с международно-признанными правами человека. Историческое значение тунисского опыта было высоко оценено мировым сообществом – за «решающий вклад в строительство плюралистической демократии в Тунисе по итогам Жасминовой революции в 2011 году» Тунисский национальный диалоговый квартет был удостоен Нобелевской премии мира 2015 г. Опыт и прагматичный подход Квартета может служить положительным примером разрешения конфликтов и принятия сложных решений, причем не только для арабских государств, но и для большей части развивающихся стран мира.

Но станет ли этот конституционный процесс и Конституция примером для других исламских государств? Захотят ли они воспользоваться опытом Туниса? Наконец, смогут ли политические силы самого Туниса сохранить верность провозглашенным принципам?

Немного истории

Тунис – государство в Северной Африке – в 1882 г. был оккупирован Францией. Ла-Марсская конвенция (1883) юридически закрепила установление над страной французского протектората. Хотя Франция сохранила в Тунисе местную монархию, реальная власть перешла в руки французского генерального резидента и колониальной администрации. Вскоре французские предприниматели и поселенцы заняли наиболее плодородные земли, установили контроль над банками, большинством промышленных и торговых предприятий; французские фирмы добывали в Тунисе полезные ископаемые, строили железные и шоссейные дороги, развивали связь и расширяли порты. Одновременно создавались школы и лицеи, распространялись европейские знания.

В 1907 г. под влиянием младоурецкого движения националистически настроенные тунисцы положили начало младотунисскому движению, которое выступало за проведение в стране демократических реформ. В 1920 г. в Тунисе была создана либерально- конституционная партия «Хизб ад-Дустур», которая вместе с отколовшейся от нее в 1934 г. партией «Новый Дустур»,

повели активную борьбу за национальное освобождение. К 1954 г. Франция фактически потеряла контроль над ситуацией в Тунисе, а в марте 1956 г. она официально признала независимость Туниса. В июле 1956 г. Тунис вступил в ООН, а в июле 1957 г. он был провозглашен республикой.

Первая Конституция (1959 г.) страны вводила многопартийную систему, светские суды и гражданские нормы семейных отношений, в частности было отменено многоженство, женщинам были предоставлены избирательные права. В 1962-1969 гг. в Тунисе проводились социально-экономические реформы в духе «дустуровского социализма». В начале 1980-х гг. правительство приступило к осторожной демократизации. Оно легализовало деятельность умеренной оппозиции, надеясь тем самым ослабить растущую популярность исламских фундаменталистов. Падение мировых цен на нефть в начале 1980-х гг. вызвало рост безработицы и инфляцию. В конце 1983 г. были отменены государственные субсидии на основные продовольственные товары, что привело к массовым волнениям, забастовкам и демонстрациям протеста.

В конце 80-х гг. в Тунисе разразился острейший внутриполитический кризис, который завершился Первой жасминовой революцией – в октябре 1987 г. премьер-министр генерал Зин аль-Абидин Бен Али произвел бескровный конституционный переворот и стал во главе государства. Он начал проводить курс так называемой «дозированной демократии», в результате чего произошел переход от однопартийной системы к формально многопартийной. И уже на парламентских выборах кандидатам проправительственного Демократического Конституционного Объединения противостояла сильная оппозиция в лице исламистов из партии ан-Нахда. Правда, пока она не получила права действовать легально, но сумела выдвинуть своих сторонников в качестве независимых и завоевать более 13% голосов избирателей. Между тем, с начала 90-х гг. исламистская оппозиция начала активно выступать против правящего режима. Во избежание повторения успеха ан-Нахда, власти пошли на изменение избирательного закона, но на выборах в 1999 г. они вынуждены были допустить расширения представительства легальных оппозиционных партий в парламенте.

Конечные цели исламистов

Приблизительно с 1970-х годов в Тунисе начался процесс политизации религии. Ислам стал все энергичнее проникать в политику, идеологию, правительственные структуры. Значительная часть тунисского общества выступала против социально-культурной экспансии Запада, осуждала падение морали, коррупцию и ратовала за восстановление исламского облика страны.

Рост влияния исламских течений среди населения и их политическое оформление заставили правящие круги пересмотреть свою религиозную политику. Для того, чтобы снять социальную напряженность, поднять престиж власти, были провозглашены меры по укреплению ислама в стране. Власти пытались монопольно использовать ислам для разъяснения своей политики в массах, найти в исламе идеологическое подкрепление развивающимся в стране олигархическим отношениям, доказать, что проводимая «модернизация» не противоречит его принципам. Одновременно они стремились вытеснить ислам из общественно-политической жизни общества, ограничить его лишь областью религиозных верований.

Однако, ислам, в особенности в арабских странах – является идеологией, охватывающей все сферы жизни общества. Поэтому с точки зрения исламистов, компромисс с либеральными ценностями невозможен, и секуляризм – неприемлем.

Вторая жасминовая революция или начало «Арабской весны»

В конце 2010 г. в Тунисе было положено начало широкому общественно-политическому движению, получившему название «Арабская весна». Волнения недовольных политикой З. Бена Али граждан начались после того, как 17 декабря некий Мохаммеда Буазизи – уличный торговец фруктами и овощами из городка Мензел Бузайен, чьи товары были конфискованы представителями власти с целью получения взятки, совершил самосожжение и народ вышел на улицы.

Причин т.н. Второй жасминовой революции, в результате которой президент Бен Али вынужден был покинуть свой пост и бежать из страны, немало. Рассмотрим вкратце некоторые, наиболее важные из них.

Несмотря на рост экономики, проблему безработицы в стране решить не удавалось. В 2010 г. уровень безработицы в Тунисе составлял около 14%, причем 60% безработных составляла молодежь и выпускники ВУЗов. Поэтому именно эта возрастная прослойка (19-25 лет) стала одной из основных движущих сил революции. Во-вторых, высокий уровень коррупции являлся серьезным барьером для развития экономики страны, что напрямую затрагивало интересы среднего класса. В-третьих, 23-летнее правление Бен Али не могло не оставить негативного отпечатка на экономике, которая сосредоточилась в руках нескольких влиятельных семей, которые удалось подмять под себя и монополизировать практически все ее сферы.

Принято считать, что революция в Тунисе не была организована какой-либо конкретной политической силой или политической партией. Что спонтанная вспышка гнева против массовой безработицы, коррупции правящей бюрократии и обнищания приняла политическую окраску с призывами демонстрантов положить конец власти коррумпированного клана президента над правительством, государственными институтами и экономикой. Однако известно, что на тот момент в Тунисе имелись три группировки, определяющие политический спектр страны.

Во-первых, это исламисты, которые видели Тунис исламским государством с шариатом в качестве законодательства.

Во-вторых, в центре политического спектра страны находилась внушительная группа консерваторов, многие члены которой официально покинули правящую партию – Демократическое Конституционное Объединение, но остались в политике.

В-третьих, на левом фланге расположились левые партии и движения – от так называемых «левых экстремистов» до влиятельных профсоюзов и социал-демократов западного образца. Именно исламисты и левые стали движущей силой Второй «жасминовой революции».

Умеренные исламисты

Стоит особо остановиться на одной важной особенности Туниса, которая отличает его от других арабских стран: с момента достижения за независимость Ислам здесь не играл идеологической роли. Так, в Тунисе были упразднены шариатские суды, медресе были переданы в ведение Министерства образования, которое и назначало имама и даже утверждало текст хутбы после пятничного намаза. Более того, государство взяло на себя расходы по содержанию духовенства, установив тем самым над ним прямой и жесткий контроль. Этим, возможно, и объясняется крайняя умеренность и осторожность лидеров исламской партии ан-Нахда, возникшей на волне исламской революции в Иране. Несмотря на это, на рубеже 80-х –

90-х гг. исламская оппозиция в стране была практически разгромлена, а ее лидеры, в частности Рашид аль-Ганнуши, бежали из страны, партийная газета «Аль-Фаджр» была закрыта, а ее редактор Х. Джебали – посажен в тюрьму. Лишь после «второй жасминовой революции» партия восстановилась, а Ганнуши вернулся из эмиграции.

На первых после свержения Бен Али парламентских выборах в Национальную ассамблею (октябрь 2011) за ан-Нахда проголосовали 42% избирателей, в результате чего она получила 89 мест из 217. Лидер партии аль-Ганнуши поспешил заверить граждан, что женщин не будут заставлять носить хиджаб, запрещать продажу алкогольных напитков и т. д. Программа ан-Нахда ставила своей целью построение демократического общества с парламентской формой правления, многопартийностью и гарантией соблюдения гражданских прав. Исламской составляющей в этой программе является необходимость сохранить исламскую идентичность.

Несмотря на неожиданную для многих победу, ан-Нахда не сумела получить в парламенте большинства, поэтому для формирования правительства, ей пришлось блокироваться с двумя левыми партиями. Столь причудливый политический симбиоз и заложил основу дальнейшего противостояния между исполнительной и законодательной ветвями власти. Наиболее рельефно это проявилось в ходе разработки проекта новой конституции страны, начавшейся в октябре 2011 г.

Но уже на состоявшихся в октябре 2014 г. парламентских выборах победу одержала светская политическая партия Нидаа Тунис, набрав 39.17% голосов (85 мест). За ан-Нахда проголосовало 31,79% избирателей (69 мест). Таким образом, стало ясно, что в стране возможна выработка консенсуса между светским сектором и исламистами.

Как вырабатывался консенсус

Избавившаяся от деспотии страна нуждалась в новой конституции, и партии договорились о том, что она должна быть принята как можно скорее – крайним сроком было названо 14 января 2014 г. Сам процесс подготовки проекта новой конституции был довольно длительным – Парламент учредил шесть комитетов по 22 члена (пропорционально представляли политические партии), которые отвечали за одну из тем конституции. Отметим, что весь конституционный процесс происходил прозрачно и общество бдительно следило за перипетиями этих сложных и длительных переговоров.

Однако еще в 2011 г. общество и политические силы были далеки от компромисса – существовал раскол между консерваторами, либералами и исламистами, да и сам народ не желал принимать навязанных ему людей и их идеи. Переговоры между политическим спектром отличались сложностью, и долгое время далеко не все были уверены, что их участникам удастся достичь окончательного соглашения. Более того, после убийства трех оппозиционных политиков в июне 2013 г. и обвинения в адрес правящей коалиции в неспособности или нежелании принять жесткие меры против исламских боевиков, оппозиция призывала правительство уйти в отставку, а Национальную ассамблею распустить. Многие из трудностей, возникших в ходе конституционного процесса, были связаны с общей ситуацией в стране. В Тунисе, как и в других странах «арабской весны», правящие элиты и оппозиция были застигнуты врасплох и неподготовлены к вызовам и изменениям, которые требовали от них люди. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые высшие должностные лица государства в ходе подготовки нового проекта Конституции утверждали, что она является чисто техническим документом и ее можно составить в течение нескольких месяцев, что свидетельствовало об

отсутствии у них понимания того, что этот процесс, вероятно, будет сложным, особенно с учетом того, что Тунис только вышел из жесткой диктаторской среды, в которой основные свободы, включая свободу выражения, подавлялись. Было ясно, что не имея четкого понимания того, каким должно быть будущее государства, на каких принципах оно будет основываться, невозможно было начать переход к демократии.

Ведущие политические партии также сделали ошибку, предполагая, что конституционный процесс будет подобен обычному политическому процессу и, что основным фактором в переговорах будут результаты выборов. Так, победившая на выборах ан-Нахда верила, как это делали ее исламские коллеги в других арабских странах, что их успех на выборах дает ей право определять принципы новой Конституции.

В июне 2013 г., спустя более, чем 1,5 года процесса, стало очевидно, что Объединенный комитет по подготовке проекта Конституции не смог решить большинства разногласий и добиться прогресса по целому ряду принципиальных вопросов. Кризис усугубился после того, как обнаружилось, что главы Объединенного комитета внесли ряд важных изменений в проект конституции без консультаций с соответствующими комиссиями. Несмотря на сотни конференций, семинаров и других встреч, которые были организованы и позволили гражданскому обществу обсуждать вопросы с членами Объединенного комитета, последний не прислушивался к сделанным предложениям. Политики часто имели слабое представление о компромиссе, считали, что только они – полноправные участники процесса, поэтому у экспертов и организаций гражданского общества не было иного выбора, кроме как лоббировать членов Национальной ассамблеи по тем или иным вопросам, поскольку их идеи были разумными и убедительными и отвергнуты депутатами по чисто политическим соображениям. Требовалось порой несколько месяцев, чтобы убедить членов профильного комитета, чтобы включить некий пункт в свои проекты, иногда члены Ассамблеи сопротивлялись включению некоторых разделов из-за опасений, что влияние будущего парламента может быть ограничено.

Остро стоял вопрос о закреплении мусульманского права в качестве основного источника законодательства. По мнению депутатов партии ан-Нахда, оно должно было способствовать возврату к мусульманскому праву не только по форме, но и по существу, а именно – ориентации деятельности самого государства на достижение определенных социальных целей с помощью мусульманского права.

Тем не менее, 1 июня 2013 г. был обнародован проект новой конституции, и обнаружилось, что ее основные принципы по тем или иным причинам не устраивают светский политический спектр, который считал, что сделал слишком много уступок исламистам. Возникли опасения, что Тунис может скатиться к гражданскому противостоянию. В этой сложной ситуации требовался посредник, который во избежание взрыва насилия мог объединить интересы ведущих политических сил в стране, выработал бы нечто вроде дорожной карты. Таким посредником стал профсоюз во главе с Всеобщим Тунисским Объединением Труда и примкнувшие к нему Тунисская Конфедерация Промышленности, Торговли и Ремесел, Тунисская Лига в Защиту Прав Человека и Тунисский Союз Адвокатов. Было принято решение сформировать новый орган, известный как «Консенсус», в котором каждая политическая группа получала одинаковый вес. В результате возник альянс, впоследствии получивший название «Тунисский Национальный Диалоговый Квартет». Интересным моментом явилось то, что в качестве посредников единым фронтом выступали и профсоюз, и конфедерация промышленности, которые, как правило, сидят по разные стороны стола переговоров, что прибавило «квартету» политического веса. В результате интенсивных и сложных переговоров удалось приблизить позиции сторон и прийти к компромиссу и соглашению. В то же время продолжались переговоры о завершении отдельных положений и статей Конституции.

Под давлением светских партий ан-Нахда пошла на уступки и согласилась на отказ от закрепления шариата в основном законе страны, несмотря на то, что заранее было ясно, что радикальные исламисты, в том числе салафиты, «Хизб ут-Тахрир» и др. обвинят ее в отходе от принципа исламского правления и от исламской идеологии. Но в партии были хорошо знакомы с практикой функционирования исламских институтов и норм и их соотношения со светскими структурами в арабских странах и отдавали себе отчет в том, что на данном этапе важен не сам факт закрепления шариата в конституции, а то, какое реальное место занимает ислам в социально-политической жизни и какова форма институтов государственной власти, как именно конституционные нормы претворяются государством в жизнь посредством текущего законодательства. Однако члены ан-Нахда пытались снабдить текст Конституции исламскими религиозными ссылками.

Несмотря на имеющиеся идеологические разногласия, тунисское общество сумело доказать, что либералы с исламистами могут вести успешные переговоры и преодолеть патовую ситуацию. Этот прагматичный подход тунисских переговорщиков может служить положительным примером разрешения конфликтов и принятия сложных решений, причем не только для арабского, но и для большей части остального мира.

Таким образом, Тунис оказался единственной страной «арабской весны», которая не скатилась ни к гражданской войне, ни к военному правлению, ни к раздробленности. 26 ноября 2014 г. депутаты Национальной ассамблеи Туниса большинством в 200 голосов (из 216) проголосовали за принятие новой Конституции страны. Большинство тунисцев считают, что, несмотря на несовершенство, демократический дух новой Конституции послужит успехом для Туниса и вдохновит весь арабский мир на демократические реформы и преобразования.

Что нового в Тунисской Конституции образца 2014 г.?

Поскольку характерной чертой старой тунисской Конституции была ярко выраженная монархия, когда президент наделен огромными полномочиями, которые позволяли сосредоточить большую власть в руках одного человека, то ясно, что ключевым вопросом конституционной реформы был вопрос о системе правления и соотношении исполнительной и законодательной власти.

Необходим был принципиальный выбор между парламентской и президентской формами правления. Между политическими силами сразу же наметились серьезные разногласия: ан-Нахда выступила за парламентскую систему правления и ограничение исполнительной власти в пользу законодательной, большинство светских партий поддерживали президентскую форму правления.

В конечном итоге вопрос был решен в пользу смешанной республики, когда исполнительная власть делится между всенародно избираемым президентом и премьер-министром, назначаемым парламентом.

Другим концептуальным вопросом, по которому шли острые дебаты, был вопрос о закреплении шариата в основном законе страны.

По мнению депутатов партии ан-Нахда, закрепление мусульманского права в качестве основного источника законодательства должно было в числе прочего способствовать возврату к мусульманскому праву не только по форме, но и по существу. Однако этому воспротивились светские партии и под их давлением ан-Нахда пошла на уступки и согласилась на отказ от закрепления шариата в основном законе страны. Политический совет ан-Нахды, состоящий из

120 членов, принял решение не включать шариат в конституцию страны (показательно, что из 80 членов, участвовавших в дебатах, только 12 голосовали в пользу шариата).

Кроме того, было очевидно, что, придя к власти, необходимо решать прежде всего вопросы экономического развития и улучшения условий жизни подавляющего большинства населения. Правительству ан-Нахда так и не удалось решить основные экономические проблемы, которые лежали в основе народных требований в январе 2011 г. Выбрав исламскую партию как альтернативу коррумпированному светскому режиму, тунисцы ждали экономического чуда, которое так и не произошло. А решать социально-экономические вопросы только путем пропаганды ислама и популяризации исламских лозунгов невозможно, особенно в Тунисе, который лишен углеводородных ресурсов и сильно интегрирован в европейскую экономику. Поэтому, продемонстрировав политическую зрелость, руководство ан-Нахды решило отказаться от закрепления шариата в основном законе страны, удовлетворившись тем, что она декларирует, что ислам государственная религия.

Итак, остановимся на наиболее важных статьях новой Конституции Туниса. Конституция начинается с преамбулы, в которой провозглашались основные принципы государства: приверженность исламу и одновременно общечеловеческим ценностям, арабо-мусульманской идентичности; национальному единству; республиканскому демократическому режиму; гражданскому обществу, в котором суверенитет принадлежит народу; принципу разделения властей; политическому плюрализму и политической конкуренции; верховенство права; уважение прав и свобод человека; равенство прав и обязанностей граждан – мужчин и женщин; независимость судебной власти; равноправное развитие регионов и т.д.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что в документе права женщин были подняты на конституционный уровень. В отличие от предыдущей конституции, где полностью отсутствовала глава о правах и свободах, новая Конституция содержала главу «Права и свободы», состоящую из 29 статей. Статья 20 гласила, что все граждане – женщины и мужчины – имеют равные права и обязанности и равны перед законом без какой-либо дискриминации. Также государство было обязано защищать женщин от всех форм насилия и обеспечить расширение прав женщин для совмещения обязанностей женщины в семье и на работе.

Впервые в конституции Туниса появилась статья о политических партиях, в соответствии с которой гарантировалась свобода образовывать политические партии, союзы и ассоциации. При этом, в ней нет никакого запрета на деятельность партий по конфессиональному принципу, отмечается лишь, что партии в своих уставах и деятельности «должны соблюдать конституцию и законы, отвергать насилие», а их финансовая деятельность должна быть прозрачной.

Статья 59 Конституции гласила, что оппозиция является «неотъемлемой частью Палаты депутатов» и обладает всеми правами, которые предоставляют ей возможность выполнять свои парламентские функции.

Важным в Конституции был отказ от президентской формы правления в пользу смешанной республики, когда исполнительная власть делилась между всенародно избираемым президентом и премьер-министром, назначаемым парламентом. Для сравнения укажем, что в предыдущей конституции Туниса характерным являлась легализация личной власти президента и чрезмерная централизация государственного управления. Исполнительная власть была фактически независима от законодательной, президент был наделен колоссальными полномочиями. Решение этого принципиального вопроса предопределило и другие положения конституции, касающиеся государственного управления.

В процессе разработки проекта Конституции значительное внимание было уделено сектору безопасности: кто должен нести ответственность за контроль над исполнением указов, кто получит власть над институтами, связанными с безопасностью? По мнению экспертов, в этом отношении положения Конституция не являются особо обнадеживающим: они предусматривают, что президент является главнокомандующим вооруженными силами (статья 77); президент несет ответственность за назначение и увольнение старших военных и сотрудников служб безопасности (статья 78); президент «отвечает за национальную безопасность» (статья 77). Кроме того, статья 80 предусматривает, что в случае «неизбежной опасности», президент может принять «любые меры». Как это ни парадоксально, тунисские составители Конституции, по всей видимости, спокойно отнеслись к этому вопросу, несмотря на то, что потенциал для злоупотреблений тут велик.

Новая Конституция закрепляла верховенство международных договоров, одобренных и ратифицированных Палатой депутатов, над внутренним законодательством (статья 19), что является нехарактерным для арабских государств.

С целью обеспечения независимости судов в соответствии со статьей 106 кандидатуры судей выдвигались президентским указом на основании согласованного предложения Верховного Судебного Совета, а кандидатуры старших судей выдвигались президентским указом и после консультаций с Главой Правительства, на основании исключительных рекомендаций Верховного Судебного Совета. Совершенно новой в Конституции являлась глава «Конституционный суд» (статьи 115-121), подробно регламентировавшая порядок формирования, компетенцию и деятельность этого судебного органа, который впервые появился в системе органов государственной власти Туниса. Конституционный суд, в частности, должен был рассматривать и споры, возникающие между президентом и премьер-министром.

Важным моментом являлось положение о местном самоуправлении, децентрализация которого в соответствии со статьей 131 достигается через системы органов местного самоуправления – муниципалитетов, округов и районов.

Еще одним важным вопросом конституционной реформы был вопрос о закреплении шариата в Основном законе страны. Секуляристам в этот раз удалось отстоять свои принципы в полемике с исламистами. В новой Конституции содержалась довольно туманная формулировка, что ислам является «религией государства», при этом гарантируется свобода вероисповедания, совести и отправления религиозных культов (статья 6). Для сравнения – в преамбуле новой конституции, к примеру, того же Египта указано, что Египет является демократическим государством с гражданской системой правления, в тоже время говорится, что принципы шариата являются основным источником законодательства, а статья 2 Конституции отмечает, что Ислам является государственной религией, а принципы шариата являются основным источником права.

В статье 6 Конституции Туниса крайне любопытно положение о «такфире» (обвинение в ереси – *ред.*), в которой указано, что государство нацелено на исключение его из религиозной практики. Тем самым государство демонстрирует свое намерение бороться с экстремизмом не только в политической сфере, но и в религиозной практике.

Таким образом, положения новой конституции Туниса позволяют сделать вывод о том, что страна, которая в течение многих десятилетий представляла собой суперпрезидентскую республику, приступила к реальной трансформации своей политической системы с существенным перераспределением полномочий в пользу законодательной власти и правительства.

Однако вышесказанное не означает, что секулярная Конституция в Тунисе может стать непреодолимой преградой для политического Ислама. Кроме ан-Нахды, существуют и другие исламистские партии, группы, организации, которые не участвовали в конституционном процессе. Эти же силы обвиняли ту же ан-Нахду в отходе от принципов исламского правления и исламской идеологии. Есть еще салафиты, которые желали бы видеть Тунис исламским государством с шариатом в качестве законодательства. При этом они не рвались и пока еще не рвутся в «бой во имя Аллаха», а предпочитают прилагать мирные усилия к осуществлению своей мечты: агитировать, убеждать, наставлять. Нельзя сбрасывать со счетов также и тот факт, что в случае неудачи правления светских партий, их неспособности решить назревшие в обществе и ждущие своего решения острейшие социально-экономические проблемы, оно может повернуться лицом к альтернативным силам, и радикальные исламисты будут не последними в их ряду.

Сама ан-Нахда, исходя из существующих реалий, заявила на съезде партии в мае 2016 г., что «не видит необходимости развития института политического ислама в Тунисе». Ан-Нахда была охарактеризована, как «демократическая, гражданская политическая партия, основанная на цивилизованных ценностях, как мусульманских, так и современных». Съезд принял решение об отделении политической деятельности ан-Нахды от религиозной. По мнению экспертов, это решение свидетельствует о том, что партия стремится модернизироваться и соответствовать светскому наследию, а ее лидеры не хотят более в одиночку отвечать за экономическое благосостояние страны со всеми сопутствующими рисками и вызовами.

Влияние французской культуры

Бытует и такое мнение, что в определенной степени ментальность общества не позволила Тунису скатиться к гражданской войне и позволила найти пути для разумного компромисса. Это зачастую связывают с влиянием французской культуры на тунисское общество, куда она начала активно проникать со второй половины XIX в., когда местная интеллектуальная элита, очарованная достижениями французской цивилизации, не просто приобщилась к ней, но и начала участвовать в ее распространении. Благодаря расширению системы европейского образования и обучения французскому языку этот процесс не прерывался довольно длительное время. В результате целенаправленной деятельности французских властей, в условиях столкновения, сосуществования и взаимодействия местных и привнесенных западных влияний, наряду с образованными носителями традиционного мусульманского сознания, на рубеже XIX-XX вв. в Тунисе сформировалась профранцузская, франкофонная элита как самостоятельная социальная группа. Она стала не только источником знаний и распространения французской культуры, но и сама участвовала в ее выработке. Эта профранцузская элита выступала как носитель европейской культуры, светского сознания, новых жизненных и бытовых норм, общественных идеалов, моральных, интеллектуальных и политических ценностей.

В 1930-50 гг. эта элита становится во главе движения за национальную независимость. Она является выразителем, разработчиком националистических идей, используя при этом западный опыт, методы и терминологию. Эта интеллигенция стала не опорой стабильности французского протектората, а выразителем антиколониальных настроений, не приобщившихся к французской культуре традиционных слоев тунисского общества, став во главе борьбы за национальное освобождение и приведя страну к независимости.

В Тунисе за это время сложился билингвизм: и арабский, и французский язык сосуществуют, но ни один из них не обеспечивает всех сфер общения. Проведение политики арабизации рассматривается как выражение независимости и суверенитета страны, как возврат к своим

корням, самобытности. Но она проводится непоследовательно и явно не является приоритетной задачей в культурной и языковой политике государства.

Французский язык продолжает оставаться элементом национальной тунисской культуры, ее позиции в стране по-прежнему прочны. Это язык частично повседневного общения, науки и техники, сферы делопроизводства, банков и туризма, обучения в средней и высшей школах при преподавании ряда дисциплин. Франкофония в Тунисе поддерживается и распространяется СМИ, а питает ее система образования. Двухязычие вводится в тунисских школах с первого года обучения. Однако целый пласт общества – крестьяне, средние слои, включая ремесленников и мелких торговцев, городские низы, часть интеллигенции, студенчества, учащихся стоят в оппозиции к такой политике властей. Общество все активнее возражает против проникновения элементов европейской культуры, расшатывания устоев традиционного общества, а также усиления процесса урбанизации.

Новая конституция Туниса вступила в силу

Таким образом, 26 ноября 2014 года новая тунисская Конституция вступила в силу. Она стала во многом консенсусом между светскими либеральными партиями и исламистами.

Идя дальше, лидеры основных партий и организаций Туниса, принимавших участие в национальном диалоге, подписали 13 июля 2016 г. «Соглашение Карфагена», которое призвано положить начало процессу формирования правительства национального единства (ПНЕ). Подписанию соглашения предшествовал длительный диалог, в ходе которого обсуждались основные направления работы нового кабинета, а также его состав. Инициатива создания ПНЕ исходила от президента Туниса Б.К. ас-Себси. По его замыслу, в новый кабинет должны войти представители различных политических партий, а приоритетом политики ПНЕ должны стать борьба с терроризмом, коррупцией и консолидация демократии в стране. «Существует консенсус. Сейчас очень важно найти политическую альтернативу, это совершенно не обязательно, что подобная альтернатива должна подразумевать замену отдельных людей. Я оптимист и верю в светлое будущее страны».

Итак, остается только пожелать успеха тунисским демократам. Будем надеяться, что тунисская конституция станет дееспособным институтом, а тунисский опыт сможет распространиться на другие мусульманские страны.

Дискуссии по докладу.

Шафаят Салех. Любопытно, что в новой Конституции Туниса женские права отмечены отдельно.

Аида Багирова. Тут надо принять во внимание контекст Туниса. Это показало, что Тунис – не Саудовская Аравия, и даже не Египет.

Аида Багирова. Еще раз отмечу, что когда в переговорном процессе создавалась патовая ситуация на политическую арену вышли институты гражданского общества и профсоюзы.

Хикмет Гаджизаде. И ассоциации предпринимателей.

Аида Багирова. За стол переговоров сели также и профсоюзы, и предприниматели активно убеждающие противоборствующие стороны к компромиссам по конституции. Образовалась четверка сторон ведущих переговоры: исламисты, секуляристы, профсоюзы и ассоциация предпринимателей. В итоге они достигли успеха.

Аида Багирова. Надо отметить и роль салафитов, которые не согласились с решением сторон об отказе зафиксировать в конституции принципы шариата, но не предприняли каких-либо радикальных мер, а решили начать агитацию для перемен в будущем.

Шафаят Салех. Это немного обуздало и секуляристов.

Шафаят Салех. И все же я сомневаюсь, что это соглашение по конституции будет жизнеспособным. Думаю, что вопрос об установлении шариатского государства в Тунисе не снят с повестки дня.

Рахман Бадалов. Считаете ли вы, что этот Тунисский опыт применим к Азербайджану?

Шафаят Салех. Конечно у нас другая страна и другая история, но во многом мы похожи и я уверен, что тунисский опыт выработки консенсуса очень бы нам пригодился, если даже не в разрешении противостояния исламизма и секуляризма, то в разрешении других общенациональных проблем.

Замин Гаджи. Но вы отметили как активно Запад помогал тунисскому обществу в этом процессе, а кто же нам будет помогать. Мы – далеко...

Шафаят Салех. Это верное замечание. Присутствие Запада в Тунисе, гораздо больше чем в нашей стране, но в будущем Запад может вплотную приблизиться к нашей стране, – это уже и происходит, посмотрите, как они помогают Грузии.

Тогрул Джуварлы. Вы привели в докладе цифры ВВП на душу населения в Тунисе и Азербайджане, однако наш ВВП складывается по большей части из экспорта нашей нефти, тогда как Тунис зарабатывает себе на хлеб упорным трудом в сфере туризма и производства. Ведь это фундаментальная разница в развитии наших общества. Вы также упомянули о том, что активную роль там сыграли независимые профсоюзы и другие независимые ассоциации, но у нас их нет.

Шафаят Салех: Верно, у нас их нет. Но у нас их ПОКА нет. Я уверен, они появятся и, конечно же, перед нами возникнут общенациональные проблемы, требующие выработки консенсуса. И тогда статья которую я тут доложил нам сможет пригодиться.

Семинар 10

Наше село – люди и религия в советское время

Эльхан Мехтиеv, независимый политический эксперт

Fulbright Scholar

Наше село – село Абильджа Губадлинского района расположено на берегу реки Баргушад. С другой стороны село окружено холмами. На противоположной стороне – село Гияслы. Напротив нашего села расположены курдские села Зиланлы, Селалы, Солтанлы. Наше село

сплошь утопает в зелени, вокруг насколько хватает глаз – фруктовые деревья на любой вкус. Оно соседствует с селом Улашлы. Село Гылыджан расположено от нас на расстоянии 1,5 км. В прежние времена наше село располагалось на холме, впоследствии в 60-е годы спустилось вниз на 200 м к берегу реки. Да революции земля в селе принадлежала местным бекам. Река изобиловала рыбой, закинь удочку и через час наловишь полное ведро рыбы. Сельчане и колхозники занимались животноводством, табаководством и зерноводством. Сейчас все это захватили армяне, хозяйствуют там на наших землях... Раньше мы с армянами дружили, они у нас и крестными были. В последние десятилетия советского времени торговать крестьяне нашего западного региона ездили в армянский Кафан.

Наше село состояло из трех кварталов: первый включал род «Башналы» (я тоже к нему принадлежу), второй – «Чомаглы», третий род назывался «Сейидли», считавшие себя потомками имама Гусейна, внука пророка Мухаммеда. Башналы получили это название потому, что не признавали никакого порядка и отличались задиристостью. Башналы были из древних жителей села. Чомаглы же прибыли в наше село из другого региона еще до советской власти для того, чтобы пасти скот и работать по найму, а после прихода советской власти они остались здесь (потом мы узнали, что они были курдами).

История Сейидли гласила, что они были из Ирана, оттуда перебрались в Шемаху, а после Шемахинского землетрясения переселились в наше село. Все беки и землевладельцы села после прихода Советов были высланы в Сибирь (в основном весь род моей бабушки со стороны отца). И даже после смерти Сталина им не дали разрешение вернуться на свои земли, поэтому количество населения и число домов заметно уменьшилось.

Наша школа состояла из нескольких комнат, выделенных из молочного цеха колхозного хлева в селе Улашлы. В классе мы слышали мычание коров – нас отделяло от них тонкая стена. Правда, раньше в доме Гаджи Темир бека была начальная школа, но потом и ее перевели в Улашлы и моя тетя Шабан построила себе там дом.

Как мы воспринимали религию

У нас и в школе, и в семье религия представлялась как пустое дело, в которое верят лишь глупые люди. До того, как пойти в школу, мы слышали только слово Аллах. Домашнее воспитание и школа нацеливали нас только на светское образование. Впоследствии мы начали понимать и другие вещи, в этом нам помогали беседы отца и антирелигиозное воспитание в школе. Наша мусульманская идентичность выражалась лишь в том, что мы называли себя мусульманами, чтобы отличаться от армян.

В разных семьях влияние религии было различным. Многие зависело от уровня образованности. Неграмотные люди часто пытались доказать свою правоту клятвами Аллаху, Корану, в разговоре при представителях Сейидли клятвой в честь Имама Гусейна, или уважаемого сейида Гасана или сеида Мир-Мухаммеда. Сейидли из нашего села не проводили никаких религиозных ритуалов, лишь при серьезных вопросах для того, чтобы поставить точку в споре они говорили: «Клянусь родом Ага (Имама Гусейна)». Часто они пытались дать религиозное объяснение любым природным явлениям. Например, в одной из наших низин было место, известное как «Родник пророка», где вода по капле вытекала из скалы. Школьный учитель Яхья (Yaxya müəllim) (сам он был сейидом, но очень достойным и правдивым человеком) так объяснял нам это явление – пророк остался здесь без воды, затем подошел к этой скале и три раза ударил своим мечом по ней, после чего из скалы начала вытекать вода, поэтому это место называют родник пророка. Но мой дядя – учитель истории возражал на это: «Как мог Пророк попасть к нам сюда, ведь он жил в Аравии». И мой старший брат повторял то же самое.

Мы – дети с сомнением относились к объяснению сейида, но все называли его родник пророка. Или же, в селе было святое место, называемое Джудже Нене, (Бабушка птенчик) но никто не мог объяснить его происхождение. В одно время там зажигали свет.

После прихода Советской власти религия была репрессирована, а известные религиозные деятели были арестованы или сосланы в Сибирь. Люди скрывали свои религиозные чувства, да и не было среды для их выражения. Так, в 30-е годы была создана “Партия безбожников”, и неграмотным жителям наших деревень дали книжицу с членством в этой партии. Наша мать часто рассказывала об этом процессе в своем селе, откуда она была родом. Ее отец был председателем колхоза, а сирота по имени Гусейн – член этой партии – каждый день забирался на крышу их дома и, размахивая своей книжкой, кричал, что Аллаха нет. Отец ее нервничал и пытался как-то прекратить эту ежедневную манифестацию. И вот однажды он забрался на крышу, схватил за грудки этого Гусейна и спустил его с крыши, приговаривая «Сукин сын, каждый день ты прыгаешь у меня на крыше и одна сторона ее уже просела, убирайся отсюда и больше не приходи». Вот так он решил это дело. То есть если в открытую не смог защитить религию – это было опасно, сделал это иным путем. Он не принимал выражения «Аллаха нет». Само создание Партии безбожников и репрессии против верующих на протяжении многих лет меняло общий климат, связанный с религией.

Очевидно, что в 30-е-40-е годы, в школах ничего о религии мы не слышали. Пришла новая религия – коммунизм. Великие идеи Ленина и Сталина повсеместно заменили ислам. Люди, пытающиеся вне школы преподавать основы ислама немедленно арестовывались по доносам местных стукачей. Господствовала религиозная неграмотность. Отметим, что и в дореволюционный период особой религиозной грамотности и рвения в селе не наблюдалось, просто все верили в то, что говорил мулла (одному Аллаху известно, на каком уровне были его религиозные знания). Например, моя мать, будучи школьным учителем по языку и литературе, всегда говорила «я суннитка и не изменю своему слову», но уставши, произносила “О, Али”, а я говорил, «а говоришь, что суннитка, тогда, зачем упоминать этого шиита Али, а она отвечала «ну, какая разница, разве все мы не мусульмане».

Отец мой был шиитом и, хотя, он жил еще при царе Николае не имел понятия о религии. Не знал, как совершать намаз и произнести первую суру из Корана – Фатихе. В целом, и тогда лиц, совершающих намаз было немного. Как видно и в прежние времена религия не занимала важного места в жизни состоятельных сельчан нашего района, – она была больше идеологией, чем религией. В эту идеологию входило и неприятие советской власти и симпатии к Турции, последнее было связано с тем, что в 1918 году турецкая армия спасла наше население от истребления со стороны армянских вооруженных формирований.

Мы – школьники младших классов боялись людей религии и когда видели их, думали, что они пришли потому, что надо кого-то похоронить. Думали, что если они кого проклянут, то тот заболит или умрет. Можно сказать, что глубоко верующие люди производили впечатление людей другой нации. Такое впечатление создавалось, возможно, из-за их особого внешнего вида, поведения, речи, молитв и фраз, произносимых на непонятном нам языке. В школе, Султан муеллим и учитель истории Фейруз муеллим говорили, что религия выдумана для эксплуатации трудящихся, что от древней Греции до России монахи и наши мулла, обманывали народ. Они заставляли крестьян трудиться на себя, сами жили хорошо, а бедным крестьянам говорили, что «если вы будите верно служить своим господам и жертвовать мечети, то будете жить хорошо на том свете». В старших классах у нас преподавались литературные произведения, проникнутые антирелигиозным духом. Запомнились, например, произведения Сеидазима Ширвани, в которых он объявлял сейидов обманщиками и попрошайками.

Как очень редкое явление в селе Гусейнбейли в 5 км от нашего села проводились Ашура (траурная церемония по поводу убийства внука пророка Гусейна). Некоторые женщины преклонного возраста из соседних сел приводили на этот ритуал своих внуков. Там отмечался так называемый день Казни (Gətl günü) – каждый бил себя по голове и громко причитал шахсей-вахсей печалась по убитым имамам – так рассказывали очевидцы. Рассекали острыми предметами головы детям, в основном лоб... Устраивался массовый плач. Затем старые женщины и те, кто были с ними, ели плов. Церемонию эту организовывали ни мулла, ни сейид, а просто религиозные люди в возрасте. Конечно же, они боялись властей. Традиционно они принадлежали к верующим родам. Власти не трогали их из-за их почтенного возраста. Но в 70-е годы милиция районов Губадлы и Зангелана устраивала облаву и изгоняла их. Впоследствии люди из сел Ходжахан и Гусейнбейли совершали этот обряд на берегу разделяющего эти два села реки, чтобы при приходе милиции из Губадлы перейти на территорию Зангилана, и наоборот. А милиция, боясь их проклятий, гнала их на противоположный берег реки и докладывала начальству, что они на территории соседнего района и наоборот.

Были и такие случаи. Одна из учениц нашей школы была на этой церемонии со своей бабушкой, и мы с интересом, и со страхом слушали ее рассказ об этих событиях... Если эта девочка конфликтовала с кем то, то она проклинала его словами: «Пусть дерево Алям²⁶ сломает твою спину». Дома мы спрашивали, что это за дерево, а домашние просили помолчать и не говорить о таких вещах... Позже, значение Аляма мне объяснил мой школьный товарищ Али из Ходжаханской средней школы...

Почему-то в Губадлинском районе было много сел, имевших в своих названиях слово «сейид». В нашем селе сейиды не имели особого статуса, как в прежние времена, но у них был некая скрытая выгода, происходящая от их статуса, – они пользовались религиозным страхом, имевшимся у некоторых сельчан. У нас слово «религия» всегда ассоциировалась с сейидами. Именно их характер и поведение влияли на формирование нашего отношения к религии. Так, в нашем селе больше всех лгали, сквернословили и дрались именно сейиды. Они часто обманывали людей или вымогали пожертвование. Люди как-то уже привыкли к тому, что сейид – потомок пророка может быть обманщиком. Понимающие это старики, в споре с сейидами приговаривали «сейид клянусь твоим родом», и, смеясь отходили. На открытое противостояние с сейидами люди не шли, опасались, будто если сейид скажет несколько слов по-арабски, с ними что-то произойдет страшное... был такой внутренний страх.

Сельчане, клянясь Кораном или же потомками известного сейида Гасан-аги (Зангиланский район), Мирсади-ага, просто сейид Гасана, старались прикрыть собственную ложь. Например, если кто-то совершил кражу скота, сена или фруктов из соседнего сада то пытаясь доказать свою невиновность клялся именем известного религиозного лица, а в нашем случае – сейида. Среди школьников была распространена клятва – клянусь Кораном, клянусь имамами. Но никто не понимал смысла сказанного.

Среди детей это было обычным делом, один говорил другому: «Беюкага, сукин сын, ты же сказал это, а еще клянешься Кораном и Аллахом». Другой свидетель говорит: «Ты лжешь и клянешься Кораном, пусть он покарает тебя. А виновник продолжает клясться именем сейида Гасана, Хазрата Аббасу, могиле Ага и пытался ретироваться, но его обман приводил к драке. Освободившись обманщик говорит; «да, я это сделал, и правильно сделал» и пятиэтажно ругая дравшихся с ним уходил прочь. И видишь, что Беюкага клялся Кораном и Аллахом, но сам не

²⁶ Алям – азербайджанское название древнего языческого амулета в виде раскрытой ладони, широко используется как символ и объект поклонения в Шиизме, Иудаизме и Буддизме – *ред.*)

имеет представление чему и кому он клялся, просто слышал это в селе, от родителей или стариков...

Мы не видели мечети, в нашем районе не функционировала ни одна мечеть. Религия же воспринималась как занятие безграмотных людей. В школе, в противовес научным идеям, иногда рассматривались идеи богословов, что обычно становилось объектом шуток, – религиозные идеи и их носители представлялись как личности далекие от реальности – носителей бесполезных знаний.

В течение короткого промежутка времени, в особенности до Второй мировой войны – в 1937-38 гг. репрессии против многих известных религиозных деятелей вызывали у людей как симпатии к ним, так и страх. Парадоксально, но дети некоторых из этих людей впоследствии работали в различных структурах советской власти, в том числе в армии и разведке. Так, известная религиозная личность сейид Махияддин из соседнего села Гияслы в 1937 г. был арестован. Его последующая судьба осталась неизвестной, он не вернулся назад, а его сын дядя Осман позже работал в советской военной разведке в Германии, был участником встречи Л. Брежнева с трудящимися Баку, а в последние годы работал в Бакинском городском совете. Или же врач сейид Мир-Мухаммед завоевал всеобщее признание своей заботливостью и человеколюбием и был уважаемым человеком не только нашего района, но всего западного региона страны. Он снискал уважение не потому, что был сейидом, а тем, что он был прекрасным человеком.

Имеющие профессии сейиды успешно интегрировались в светское общество, что же касается мулл, то их положение было более тяжелым, – у мулл не было другой профессии. И советская власть больше преследовала именно их. В те времена они старались не высовываться, берегли себя.

Уже в 60-е и 70-е годы в селе отмечался рост образованности и научных знаний среди населения, что, очевидно, не способствовало развитию религиозности. Здесь особую роль сыграли школьные учителя, которые в те времена были самыми информированными и уважаемыми людьми в селах.

Особо отметим, что в результате ослабления религиозных взглядов в наших селах возросли случаи, когда девушки создавали семьи без давления своих родителей, девушки стали выходить замуж за своих избранников. Не было и религиозных браков (kəbin) – браков, зарегистрированных муллой.

Еще одним фактором, способствующим ослаблению религиозности, была служба сельской молодежи в Советской Армии на территории более развитой и менее религиозной России.

Отток населения из нашего села в промышленный Сумгаит усилило светские настроения. Например, девушки из нашего района охотно выходили там замуж и семьи относились к этому с одобрением. Родители охотно благословляли брак своих дочерей с парнями, собирающимися переехать и работать в Сумгаите. Это в большей степени зависело от социально-экономической обстановки на селе, ведь советская власть нещадно эксплуатировала крестьян – платила за работу на земле копейки. В нашем колхозе никто не получал денег. Колхозники получали лишь зерно за наработанный день. Как-будто все ели лишь один хлеб. Сельчане жили за счет своего личного приусадебного хозяйства, и переезд в близкий к столице промышленный центр был прорывом, как в экономическом, так и в культурном отношении. Очень редко кто совершал намаз, на таких показывали пальцем. Никто не справлял Курбан байрам.

Такова была картина религиозной и светской жизни в нашем селе в советское время.

Как бы развивались эти сферы в период независимости, когда религия перестала преследоваться властями нам узнать не дано, ибо наш район был и остается оккупированным армянскими вооруженными силами, а его жители, покинув родные дома стали беженцами на своей родной земле.

Дискуссия по докладу

Хикмет Гаджизаде. Какова же ситуация сейчас?

Эльхан Мехтиев. У нас население не было религиозным, но наша деревня была отсталой, жили старыми обычаями (adət). Не было телевизора, радио. Радио впервые пришло в нашу деревню в 1978 году. Было долгие перебои с электричеством и газом. Не было нормального школьного здания. Насчет «ситуации сейчас» - мы все покинули наши земли, стали беженцами, живем в Сумгаите, Баку, других городах страны...

Хикмет Гаджизаде. Итак, есть ислам, есть обычаи и советские законы. Что было тогда важнее для вашей деревни?

Эльхан Мехтиев. Например, мы не отмечали Курбан байрам, люди не совершали намаз, но отмечали Новруз байрам и Новый Год. Люди жили больше традициями, в том числе уважение к старшим, ходить друг к другу в гости...

Рахман Бадалов. Как находили друг друга парни с девушками?

Эльхан Мехтиев: С 70-х годов это происходило по любви. До этого в основном родители искали пару для своих детей. Мой отец, например, говорил моим сестрам, – «Дочери мои, вы сами можете выбрать себе спутника жизни, выбирайте по любви, и я не буду в это вмешиваться».

Рахман Бадалов. Каков был уровень школьного образования?

Эльхан Мехтиев. Некоторые учителя были очень сильны, и дети охотно учились. Других-то занятий для них не было... Я любил книги, много читал... Но, например, нам не преподавался русский язык, не было учителей. В деревне люди не знали русский. Я научился русскому сам. С русским языком возвращалась наша молодежь после службы в советской армии. Многие наши люди переезжали в Сумгаит, потому, что там условия для рабочих были лучше. Девушки предпочитали выходить замуж за парней, которые работали в Сумгаите, или намеревались туда поехать.

Насчет следования традициям, отмечу, например, что у нас многодетность не приветствовалась. Помню, когда у моей сестры родился второй ребенок, отец сказал ей при мне: «Доченька, два ребенка, это вполне хватит». И у моих братьев и сестер один или два ребенка, что, конечно же, не соответствует традициям.

Рахман Бадалов. Прекрасно! Вот это и есть настоящая история развития Азербайджанского общества. Всё это должно быть зафиксировано.

Развитие исламской идентичности в годы независимости в Азербайджане (тезисы)

Ильгар Ибрагимов

Имам-джамаат общины мечети Джума в Старом Городе

В первую очередь надо отметить, что происходящие в религиозной сфере процессы являются составной частью процессов в обществе, и это не какая-то особая сфера.

Одной из самых актуальных тем, вызывающий живой интерес во всех слоях современного общества – эта религия. Современный человек со всеми своими достижениями, все больше чувствует тупиковость своего развития в последние столетия. Естественно, эта относится и к азербайджанскому обществу, и тут есть свои особенности, которые можно перечислить и тем самым проследить динамику их развития.

Советское время

Религия была под запретом. Истинные верующие находились в состоянии перманентных репрессий. Несмотря на это, наряду с красными «муллами», в стране все же оставались истинные духовные лица и практикующие верующие, которые четко следовали своим убеждениям. Они были, по сути, классическими диссидентами своего времени. Так, например, они оказывали поддержку современному народному движению за независимость, хотя и не смогли сыграть существенную роль в этом процессе. Среди таких религиозных деятелей можно привести пример Муллы Муштаба из Йардымлы, Деде Бяйляр из Масаллы, который просил военных и полицейских снимать формы при молитве, говоря, что «молиться в имперской форме неправильно». Гаджи Аликрам из Нардарани другой пример, который смог примкнуть к народному движению.

Период народного движения за независимость (1988-1991).

С началом перестройки и развитием национальной идентичности, естественным образом люди начали чувствовать свою исламскую идентичность. Люди возвращались к своей сущности – к своему языку, истории, культуре, своей религии. И все это происходило практически синхронно. Триколор азербайджанского знамени пришелся весьма кстати для символизации идеалов и для концептуального оформления всего происходящего²⁷. Мое первое политическое выступление приходится на период после 20-го января 1990, когда я на последнем звонке в школе попросил провести минуту молчания в знак уважения к жертвам этой трагедии.

- Первые проблемы в религиозной сфере начались с приходом НФА к власти, когда границы были открыты и в стране начали появляться иностранные религиозные миссионеры. Мы жаловались НФА на это, в результате серьезные меры были приняты.

²⁷ На национальном знамени голубой цвет означает тюркизм, красный – модернизм и демократию, зеленый – ислам – *ред.*

- До этой поры религиозные активисты не отделяли себя от народного движения. Наиболее сильный удар религиозному движению нанес Гаджи Абдул и его организация «Товбе» (*Покаяние – ред.*), которую мы покинули после их нападения на штаб-квартиру Народного Фронта. Это был период нашего скепсиса, который привел к тому, что мы решили выйти из «Товбе» и начать действовать самостоятельно.

Дифференциация в религиозной сфере того периода.

Со временем народное движение переросло в более сложную форму, и тут произошел процесс дифференциации среди верующих. Практически каждый, в соответствии со своими запросами, находил свою нишу, соответствующую его восприятию народного движения, взглядам на религию и на будущее страны. Возможно, именно на этой стадии практикующие верующие перестали активно участвовать в реальной политической жизни.

С установлением нынешнего режима в стране начался период репрессий 1994-2000, как против Исламской Партии Азербайджана (Гаджи Аликрам и другие), так и против независимых религиозных общин и активистов. Настал период тишины.

Период просвещения.

Эмоциональное возвращение к исламской идентичности, остро поставило вопрос о необходимости серьезной просветительской работы. Точнее, назрела насущная необходимость познать классические постулаты веры, ее научно-философскую базу. Этот процесс начал усиливаться с 2000-го года. И в этот период сотни молодых азербайджанцев получили академическое духовное образование.

Интеграция с гражданским обществом.

С усилением авторитаризма и попиранием религиозных свобод, в стране начало формироваться правозащитные и гражданские институты в религиозной сфере, которые впоследствии стали естественной частью демократического гражданского общества страны.

Период диссидентства.

Сегодня в стране отсутствует реальная возможность для политической деятельности. И в этих условиях политические институты и институты гражданского общества фактически перевоплотились в диссидентские клубы. Подобная ситуация характерна и для религиозной сферы.

- С 2006-го года религиозные процессы в Азербайджане начали синхронизироваться с процессами во всем мире. Первым примером этому был вызванный публикациями в 2006 году оскорбительных карикатур на Пророка. Далее процессы в Палестине, феномен Эрдогана и другие процессы сыграли тут свою роль. У религиозного сегмента общества начало укрепляться общественное сознание. Возникли такие организации как ДЕВАММ²⁸. Наша община – Джума подвергалась репрессиям из-за своей независимой позиции, но, за редким исключением, мы так и не получили адекватной поддержки от гражданского общества.

²⁸ DEVVAM - правозащитная организация в защиту свободы вероисповедания – *ред.*

- В ответ на карикатурный кризис мы начали проводить научные конференции и олимпиады в честь нашего Пророка. На Западе какие-то христианские экстремисты подожгли мечеть, мы же в ответ – принесли цветы к церкви в Баку.

- До 2009-го года в стране шел процесс ренессанса в религиозной сфере. С тех пор власти усилили репрессии против независимых религиозных активистов, также как они это делали против журналистов, молодежных активистов, политических партий. Здесь можно отметить запрет на азан – призыв к молитве с минаретов, разрушение мечетей, искусственный ажиотаж вокруг хиджаба. Пик репрессивных процессов 2010 – 2016 гг. пришелся на события 2015 года в Нардаране.

Естественно на развитие исламской идентичности в стране также влияют и глобальные процессы. Тут можно перечислить некоторые, самые важные из них:

а) *Рост исламофобии.* Практически, начиная с 11 сентября 2001г. легитимизовалась некое «право» для так называемой настороженности и, даже, страха в отношении Ислама. С годами этот процесс институционализировался посредством планомерного черного пиара. И тут немаловажную роль сыграли «Бушевское наследие» в лице Аль-Каеды, Исламского Государства (ИГ) и т.п. По сути Обамовские обещания «чейнджа» (перемен) провалились, особенно во внешней политике. Но этот рост исламофобии наоборот привел к массовому развитию исламской идентичности как во всем мире, так и в нашей стране.

б) *Палестинский вопрос.* Особую роль также сыграло осознание всей трагедии палестинского народа и, практически, безнаказанности сионистского режима.

с) *Все проблемы Исламского мира касаются и нас.* Я позитивно отношусь к Арабской Весне. Это было Исламским возрождением. К сожалению, все закончилось тупиком в Сирии.

Сегодня мы считаем себя частью процессов в Исламском мире. Процессы, происходящие в мусульманских странах касаются и нас, и мы открыто об этом говорим. Азербайджанские мусульмане должны быть достаточно сильны, чтобы вывести свои проблемы, такие, например, как Карабахский вопрос на мировое обсуждение. Во время апрельских событий 2016 г. на карабахском фронте, я позвонил в Иранское посольство и выразил недовольство позицией иранской прессы по этому вопросу. Спустя несколько дней меня пригласили выступить на иранском телевидении. Последовали встречи с представителями Ирана после этого. Т.е. так же как мы поднимаем вопросы исламских стран в Азербайджане, мы пытаемся поднимать проблемы Азербайджана в исламском мире.

Хочу сказать несколько слов о Турции. Мы уважаем Эрдогана как президента Турции, но мы не считаем его политику исламской, это лишь линия одной партии. И мы любим покойного премьера Эрбакана²⁹. Я считаю, что попытка переворота в Турции (апрель 2016) была организована США...

О будущем ислама и демократии в Азербайджане

²⁹ Премьер-министр Турции и лидер прорелигиозной партии «Фазилет», свергнутый военными в 1997 г – *ред.*

Хотелось бы отметить, что исламская идентичность на сегодня играет естественную и активную роль в азербайджанском обществе, и с годами этот процесс усиливается. И можно уверенно считать, что в реальных демократических условиях, любая политическая партия, не гарантирующая права и свободы верующих, а также пренебрегающая исламским культурным наследием, не будет иметь успеха на политическом поприще.

- Если в Азербайджане произойдут демократические преобразования, то в стране должна быть и исламская политическая сила наподобие христианско-демократических партий Европы. Эти партии будут получать как минимум 25-30% голосов на выборах. Мы считаем, что исламские демократы будут возникать и усиливаться в стране по мере ее демократизации.

Об исламофобии

Мы с сожалением наблюдаем усиление исламофобской риторики в нашем гражданском обществе. В этом я и вижу одну из причин маргинализации светского гражданского общества. Исламофобами рисуется такая картина Исламского мира: агрессивный Ислам – это Исламское Государство, культурный Ислам – нурсизм, политический Ислам – Эрдоган. В общем безрадостная картина.

- Я вижу серьезную угрозу радикального Ислама в Азербайджане.

- С начала 2000-х годов происходит планомерная и довольно успешная демонизация Ислама как во всем мире, так и у нас в стране и мы стараемся противостоять этой негативной тенденции.

Строго следовать своим моральным принципам

- По мере возможности мы поддерживаем демократические силы в Азербайджане.

- Страна движется в сторону монархии. В тяжелой, неравной борьбе нашего общества за демократию и права человека наша задача оставаться верными нашим моральным принципам, не превращаться в насекомых. Те, кто выступили в поддержку репрессий в Нардаране потеряны для нас. Те, кто выступают за монархию среди верующих и светских граждан, потеряны для меня. Это наша красная линия в религиозной сфере. Мы должны быть принципиальными хотя бы в этих вопросах.

Дискуссия по докладу

Арастун Оруджлу. Вы сказали, что процессы в религиозной сфере естественны. Но процессы в среде суннитов естественными не назовешь. Например, наблюдается уменьшения у нас числа ханафитов (*традиционные сунниты – ред.*).

Гаджи Ильгар. Даже в сфере шиитов происходят неестественные процессы. Я считаю, что те процессы и явления, которые не естественны, сойдут на нет.

Из естественных, хочу отметить хорошие отношения между демократическим лагерем и верующими, которые возникли в результате их общего участия в движении за независимость...

Ослабления суннитов ханафитского толка в стране это неорганичный процесс, возникший как результат внешнего воздействия. Похожие процессы происходили и в Чечне в дудаевское время, когда община Накшибанди была ослаблена в пользу салафитства-ваххабизма. В результате пассионарный потенциал Дудаева и движения Накшибанди был превращен в потенциал Хаттаба и салафизма с помощью России, что привело, в итоге, к разрушению чеченского движения за независимость.

В Азербайджане с начала 90-х годов был дан зеленый свет деятельности нурсистов. Символично то, что в начале 90-х магазин «Нил» нурсистов был открыт в самом центре города. В тоже самое время было разрешена деятельность салафитов-вахабитов, поддерживаемая всевозможными фондами из стран Персидского залива. И все знали, что они пользуются мечетями «Лязги» и «Абу Бакр». Как результат, представителям традиционных суннитских общин в Азербайджане (ханафитам и шафиитам) пришлось выбирать между ваххабизмом (под воздействием чеченского фактора) и нурсизмом, представляющим умеренный ислам, приветствующим образование. И еще есть вариант раннего Эрдогана. Традиционные сунниты (ханафиты и шафииты) проживающие в Щеки и Газахе начали маргинализироваться. Эта была большая ошибка государства.

В шиизме это не удалось. В шиизме есть традиция муджтахидизма, и люди, которые рассуждают вне сферы мысли муджтахидов (признанных шиитских богословов), не могут считаться шиитами.

Были также феномены Наримана Гасымоглу, Ниязи Мехди, но все они стали маргинальными, закончились ничем.

Шафаят Салех. Мой вопрос может выглядеть провокационным, но возможен ли, вообще, неполитический Ислам?

Гаджи Ильгар. Это абсолютно не провокационный вопрос. Нужно в первую очередь определиться, что такое политический Ислам? Я считаю, что эта терминология – политический Ислам – неуместна. Я не знаю, что имел ввиду Хикмет бей в своем интервью, когда говорил, что «политического ислама в стране нет». Как он определяет «политический ислам»? Если мы четко определим это понятие, может я с ним и соглашусь. Мы пока с ним это не обсуждали. Как мусульманин у меня есть ответственность за себя, семьи, страну, этот мир. Баптисты, кальвинисты и др. христиане хотят, чтобы библейские заповеди были доминантны в обществе. Как мусульманин и я хочу, чтобы коранические заповеди были доминантны в обществе.

Шафаят Салех. Вы хотите, чтобы эти заповеди были более доминанты в обществе, или вы хотите, чтобы они стали законом?

Гаджи Ильгар. Нет, как для преподавателя религии, я считаю, что религия должна отвечать на 4 вопроса: «Откуда я пришел? Где я? Куда иду? И что я должен делать?» Это божественная дисциплина, отвечающая на 4 вопроса, которые я отметил.

Шафаят Салех. Как вы считаете, являются ли произведения Али Шариати (*современный иранский религиозный философ – ред.*) политическим исламом?

Гаджи Ильгар. Я к нему отношусь критически. Он попал под сильное влияние левой идеологии. Я считаю основоположниками политического Ислама Джамаладдина Аль-Афгани, Сейид Абдоха, Аль-Банна, Наджмаддина Эрбакана.

Шафаят Салех. Т.е. мы приходим к выводу, что Ислам не может существовать вне политики?

Гаджи Ильгар: Давайте спустимся с небес на землю и поговорим практически. Если в Азербайджан придут перемены, то должен быть установлен общественный договор, подготовленный и подписанный всеми сторонами общества. Цель договора защищать стороны, которые находятся в меньшинстве и не дать большинству переходить некоторые грани. Без такого договора будет сложно.

Айгюн Мурадханлы. А что если стороны будут иметь разные интересы и требования?

Гаджи Ильгар. Приведу пример: мы едем в Грузию на автобусе. Я прошу, чтобы в автобусе был биотуалет для омовения. Вы же не будете протестовать?! Если будете, то значит у вас паранойя против мусульман. Проблема в том, что у нас светские люди иногда протестуют даже против вещей, которые им не мешают. Весь спор в этом. Когда во Франции запретили буркини в Азербайджане секуляристы обрадовались, но не тут-то было, Верховный Суд Франции вскоре этот запрет отменил. А мэр Лондона, по этому поводу заявил, что никто не может указывать женщине – во что ей одеваться.

Мы должны сделать так, чтобы общественный договор защищал группы, которые в меньшинстве, и если я, когда-нибудь, превращусь в большинство, то этот договор не позволил бы мне переходить некоторые границы.

Айгюн Мурадханлы. Есть ли примеры такого договора?

Гаджи Ильгар. Таких примеров в исламском мире я не знаю, и в Тунисе это пока не то. Но я считаю, что там, где это не удавалось, возникали проблемы. Сейчас Эрдоган наступает на светскость в Турции, а в результате в будущем настолько же сильно будут наступать светские. Это очень опасно. В Иране во времена Шаха преследовали религию, сейчас идет обратный процесс.

Мы должны определить правила игры. Мне все равно, что будет делать Хикмет бей, но если он приглашает меня и не принимает во внимание то, что я могу не есть то, что едят другие и будет заставлять меня это есть, то тогда наши пути разойдутся. Были такие примеры. В Общественной Палате планировал мероприятие, которое совпадало с Ашурой, и я попросил не давать алкоголь в тот день. Со мной согласились, после долгих дискуссий. Ты можешь пить после мероприятия, мне до этого нет дела. Но если хочешь, чтобы я присутствовал на мероприятии и хорошо к нему относился, то пожалуйста прими во внимания мои интересы. В противном случае Гаджи Ильгар начинает искать другие пути, и так все начинается.

Шафаят Салех. Значит Конституция должна достигнуть консенсуса с шариатом?

Гаджи Ильгар. Слово шариат так много используют, что иногда искажают его смысл. Скажу так: люди с исламской идентичностью должны иметь максимальную защиту. Мою дочь исключили из школы из-за хиджаба. А этом году она поступила в ВУЗ набрав 650 баллов (максимальный бал 700 – ред.) Она будет IT специалистом. Она шахматист первого разряда, занимается плаванием. Но не все могут выдержать такое давление.

Хикмет Гаджизаде. Ну, хорошо, вы говорите об общественном договоре мусульман с секуляристами. Но рассмотрим Всеобщую Декларацию Прав Человека или Европейскую Конвенцию. Это – тоже общественный договор. Вы принимаете положения этого документа? Что вам там не нравится?

Гаджи Ильгар. Например, решения Европейского Суда разнятся в зависимости от времени и места... У нас сильно идеализируют подобные институты.

Хикмет Гаджизаде. Суд оставим сторону, я имею ввиду сам документ – Всеобщую Декларацию Прав Человека, там 30 статей. Какие положения тут вам не нравятся.

Гаджи Ильгар. Сегодня для азербайджанского общества декларации ООН не настолько актуальны, чтобы мы их обсуждали.

Хикмет Гаджизаде. Почему же, я хочу их обсудить. Завтра нам, предположим, придется сесть и начать предлагаемые вами переговоры. Наша Конституция основана, к примеру, на Декларации Прав Человека. Что вам там не нравится?

Гаджи Ильгар. В принципе многое зависит и от их трактовки тоже.

Не правильно же будет, если я у вас спрошу о том, что вам не нравится в Коране и Шариате.

Хикмет Гаджизаде. Почему же? Если вы спросите, я отвечу.

Гаджи Ильгар. Строиться новая геометрия мира...

Хикмет Гаджизаде: Вы уходите от ответа.

Гаджи Ильгар. Отнюдь. Политические партии должны открыто провозглашать свои позиции по ряду вопросов. Например, раньше Химет бей выставлял список вопросов к религиозным активистам³⁰. А теперь мы будем выставлять такой список вопросов секуляристам. Если они будут выступать за открытие публичных домов или за права секс-меньшинств, я призову народ не голосовать за эти партии.

Прошел тот период закомплексованности мусульман. Стороны должны открыто говорить о своих позициях и задавать друг другу вопросы.

Хикмет Гаджизаде. Вот я вам и задаю вопрос.

Гаджи Ильгар. При противоречиях с фундаментальными ценностями моей религии, я не буду соглашаться с другой стороной. Например, в вопросах секс-меньшинств.

Хикмет Гаджизаде: Понятно...

Ахад Мамедли: Вы говорили о трех угрозах Исламу в Азербайджане, упомянули нурсизм, салафизм и Эрдогана. Но вы ничего не сказал об Иране. Не представляет ли Иранский ислам самой большой угрозой для Азербайджана.

Мечеть Фатимеи-Захра в Баку не была закрыта из-за угроз аятоллы из Ирана, который угрожал джихадом. Закрывать мечети это – неправильно, но разговаривать с Азербайджаном языком угроз тоже неверно. Мы таких угроз не слушали ни от Турции, ни от арабских стран.

Гаджи Ильгар. Я помню, как в начале 90-х нурсисты начали активную деятельность в Азербайджане, меня самого пытались сделать нурсистом. Деятельности Гюлена дали зеленый свет в Азербайджане и это была ошибка. Насколько верно преподавать основы суннитского Ислама в стране население, которой в основном шииты? Конечно, шииты будут обеспокоены, когда богословский факультет в БГУ объявляет, что доктрина шиизма там преподаваться не будет. Это влияние Турции. И, к сожалению, наши власти согласились с этим. Азербайджан ошибся, открыв дверь салафизму и нурсизму, и негативные последствия этого мы еще увидим.

Эрдоган ранее был вместе с Наджмеддином Эрбаканом и его концепцией Национального Видения (Milli görüş). Я поддерживаю Milli görüş и Эрбакана, который является единственным политиком в Турции, у которого не было связей с Гюленом. С Эрдоганом же я не во всем согласен.

³⁰ Имеется в виду провалившиеся переговоры о сотрудничестве между партией Мусават и Исламской партией Азербайджана в 1997 г. – *ред.*

Насчет Ирана – я поддерживаю все то, что приходит из Ирана, Турции, Америки или любой другой страны в связи с Исламом. Но мы не защитники Ирана. У них тоже могут быть свои ошибки. Но если Иран, Аятолла Газвини из Америки, мэр Лондона, Малкольм Икс, Мухаммед Али подвергаются нападкам из-за Ислама, мы будем их поддерживать.

Президент Рухани, во время своего визита в Баку, не встретился с независимыми религиозными деятелями Азербайджана. Вместо этого он встретился с провластными религиозными деятелями. Это была его ошибкой, которую раскритиковали все религиозные деятели, имеющие совесть.

Муджтехид из Ирана не угрожал Азербайджану, он в своем письме главе государства напомнил, что Исламский мир плохо воспримет разрушение мечети. Не было разговоров о джихаде, они – не из Исламского Государства. Я точно не помню, кажется это был аятолла Субхани из Табриза. Даже если не было бы реакции из Иране, я как верующий из Азербайджана собирался броситься под бульдозер, если бы он начал разрушать эту мечеть.

Я приветствую реакцию аятоллы на этот вопрос, считаю, что таких реакций должно быть больше.

Amnesty International, Human Rights Watch, Конгресс США – все они реагируют на нарушения прав в Азербайджане. И я приветствую реакции исламских деятелей по отношению похожих вопросов в сфере религии в Азербайджане и по всему миру.

Во время событий вокруг этой мечети партии Бирлик и Саадят из Турции тоже высказали свою позицию и в этом, в том числе была и наша роль.

В связи с проектом Ирана в Азербайджане – все, что приходит от Ирана, Ирака, Бангладеш и других стран в связи с Исламом поддерживается нами. Но если Иран проводит свою государственную политику, то тут другой вопрос. Мы делали заявления, критикующие президента Ирана за встречу с Саргсяном.

Мы соглашаемся со своими муджтехидами по всему миру в Иране, Турции, Ираке, Америки и т.д. А там, где играют роль локальные интересы разных стран, у нас свои интересы и мы не обязаны с ними соглашаться.

Семинар 12

Религиозная сфера, религиозный экстремизм и безопасность страны

Арастун Оруджу, глава исследовательского центра «Восток – Запад»

У нас никогда не было религиозного экстремизма в стране, но сегодня он существует.

Коротко об историческом аспекте вопроса

По мнению многих наблюдателей, Азербайджан сегодня находится на грани межконфессиональных конфликтов между различными течениями в исламе. Однако

Азербайджан за всю свою историю никогда не являлся регионом религиозного или этнического противостояния. Исключения могут составить только короткие периоды истории, например, когда Государство Сефевидов провозгласило шиитский толк Ислама своей официальной религиозной платформой и насаждавшим шиизм среди населения. Отсутствие подобных конфликтов объясняется следующими факторами:

- многонациональность региона;

- частые изменения различных внешних влияний на регион из-за его географически и стратегически благоприятного положения и, как следствие, отсутствие «долговременных» влияний на регион, при сохранении более или менее стабильного религиозного и этнического состава населения;

- расположение региона на стыке разных культур и мировоззрений, способствовавших формированию и развитию традиций, культуры интеграции, терпимости и обмена; например, молокане, духоборы и староверы подвергавшийся преследованиям православной церкви в России переезжали в мусульманские земли, конкретно в Азербайджан и местное население терпимо к ним относилось. Конфликты не происходили даже на бытовом уровне. В отличие от отношений с армянами, с которыми часто возникали конфликты, но не религиозной или национальной почве, а из-за земли и капитала.

- формирование оседлого населения в регионе, регулирующего взаимоотношения на основе внутри- и межобщинных традиций, обычаев и законов ко времени начала различных религиозных влияний извне; в этой географии жили огнепоклонники, христиане, а потом мусульмане. Как результат – традиции, связанные с разными религиями смешались. Азербайджанцы говорят мусульманский «бисмиллах», празднуют зароострийский новый год – Новруз.

- торговля, как доминирующий экономический фактор, играющий важную роль в социально-экономическом положении населения региона и др.

С учетом вышесказанного можно отметить, что за исключением кратких исторических периодов, любое религиозное влияние не являлось главенствующими в формировании индивидуального и коллективного мышления, а также образа жизни и, соответственно, не играло ключевую роль в определении общественных отношений. Но в долгосрочном плане они постепенно превратились в важную основу в формировании индивидуального и общественного сознания, и, следовательно, общественных отношений в регионе в целом. Итак, у нас никогда не было религиозного экстремизма в стране, но сегодня он существует.

Российский период

За последние 200 лет стабильного, непрерывного российского влияния эти тенденции еще больше укрепились, хотя в плане отношения к религии советский период кардинально отличался от периода российского имперского влияния. При этом следует отметить, что эти примерно 200 лет в целом характеризовались также общими чертами, особенно стабильной политикой активного и пассивного изменения этнической картины региона с целью создания и укрепления «христианского буфера» между православной Россией и ее традиционными мусульманскими соперниками.

Интересно, что Советский Союз тоже продолжал эту политику с похожей целью создания территориального контакта между христианской Россией и христианским буфером на Кавказе.

Большинство народов, которые были выселены Сталиным, были мусульмане, народы Северного Кавказа, и тут конечно не идет речи о том, что они все поддерживали Гитлера.

Политика атеизма Советского Союза также способствовала этим планам.

Хочу сделать небольшое отступление: несколько дней после Ашуры в 2016 году официальные лица при встрече со мной очень беспокоило начали говорить о большом числе людей, которые пришли на Ашуру. Я сказал, что нет причин бояться, и выразил надежду, что они не станут принимать решения, основываясь на своих страхах и паранойи. Для абсолютного большинства людей, собравшихся там, Ашура является частью национального мышления. Еще до Исламской революции в Иране в 1979 году, в Гяндже я стал свидетелем серьезного противостояния во время Ашуры. Люди считали своим моральным долгом участвовать в мероприятиях Ашуры, советские власти же противилась этому. Милиция было послана разогнать толпу, состоящую из 50 000 людей. Народ дал отпор. Только присланная десантная дивизия смогла разогнать народ, испугав людей своим видом и выстрелами в небо. Я также выразил свое несогласие с карательной операцией в Нардаране. Эта полицейская операция не встретила массового недовольства народа, лишь потому, что люди не полностью доверяли фигурантам этого дела.

Советский период официальной политики интернационализма и атеизма, отодвинувший влияние национальной идеи и религии на задний план, оставил после себя глубокий вакуум, который в период развала СССР стал как стихийно, так и планомерно заполняться идеей национального возрождения и возвращения к религиозным традициям.

В первые годы борьбы за независимость, проводимой в форме национально-освободительного движения, доминирующей идеей был национализм, особенно в форме этнического национализма. Влияния же религии, а также ее разных течений (в том числе не совсем традиционных для Азербайджана) медленно, но устойчиво расширялось среди разных групп населения. Провалы в строительстве демократического правового государства и создание бездуховного, коррумпированного авторитарного режима в стране создали благоприятную почву для внедрения и распространения различных, зачастую не традиционных форм религиозного радикализма. Существующие реалии усугублялись также отсутствием доверия верующих к официальному духовенству, превратившегося в политический инструмент авторитарной власти.

Создавшийся духовный и социальный вакуум стал идеальной атмосферой для деятельности различных иностранных гуманитарных, образовательных, культурных и других структур, неприкрыто проповедующих религиозный экстремизм, ксенофобию при поддержке спецслужб и других структур различных стран, имеющих интересы в регионе.

Уже в первые годы независимости Азербайджана в подобные проекты вкладывались многомиллионные инвестиции со стороны указанных иностранных спонсоров. И как результат этих усилий на территории страны развернулась широкомасштабная тайная война за влияние в религиозной сфере, в которой помимо традиционных игроков (Россия, Иран, Турция), принимали и принимают участие также спецслужбы таких стран, как США, Великобритания, Израиль, Саудовская Аравия и др., ранее не так явно представленные в регионе. В результате Азербайджан превратился в гнездо шпионов со всего мира. Им тут выгодно.

Ислам, возвращение к которому многие азербайджанцы воспринимали как восстановление системы нравственных ценностей, рассматривался расчетливыми стратегами как важное средство для реализации своих региональных проектов и геополитических планов. В подобные программы вкладывались и до сих пор вкладываются многомиллионные средства, при помощи которых создается разветвленная сеть агентуры, пропагандистов, инструкторов и боевиков, зачастую представляемых как имамы, богословы, теологи и т.п. Причем, все это происходило и

происходит на фоне поэтапного планомерного ослабления спецслужб Азербайджана. Нетрадиционные радикальные и экстремистские религиозные течения распространяют свое влияние также на общественно-политическую сферу, что чревато непредсказуемыми последствиями для самого государства. Проникая в различные структуры и институты власти, а также в ряды оппозиции, гражданского общества и медиа, экстремизм получает возможность влиять не только на общественное мнение, но и на важные политические решения. Благодаря именно этому, участие сотен азербайджанцев в боях в Афганистане, Ираке и Сирии в рядах различных террористических группировок умалчивалось властями до тех пор, пока об этом не заговорили независимые эксперты. По данным нашего исследовательского центра «Восток-Запад», Иран, например, потратил на распространение своего влияния в Азербайджане 14 миллионов долларов. С 1993 года в Азербайджане действовали около 60-ти салафитских благотворительных организаций. Число боевиков, которые воевали в рядах террористической организации «Исламское государство» – граждан Азербайджана – доходило от 800 до 1.200 человек. Такая статистика не может не вызвать тревогу, так как в боях в Сирии и Ираке террористы из Азербайджана получают не только военное обучение и идеологическую подготовку, но также и доступ к средствам ведения экстремистской войны, и сети международного терроризма.

Связь государственных чиновников с экстремистской сетью в стране показало себя при обнародовании нами данных о числе террористов, воюющих на стороне «Исламского государства». Сразу после того, опубликования этих данных началась тщательно организованная медиа атака на данную тему. Создавая видимость широкого обсуждения вокруг обнародованной нами информации, в проправительственных медиа велась неприкрытая кампания дезинформации. К примеру, один из телеканалов, командировавший съемочную группу в «Сирию», распространял мнение о том, что азербайджанцы в Сирии и Ираке воюют якобы преимущественно в рядах не «Исламского государства», а террористической организации «Джабхат ан-Нусра», считающейся крылом «Аль-Каиды». Понятно, что подобная информационная атака в условиях Азербайджана не могла быть организована без поддержки высокопоставленных покровителей в структурах власти. Тут мы еще раз убедились, что около тысячи радикалов оказались в Сирии не из сентиментальных побуждений или при содействии туристических фирм. Подобные факты должны восприниматься как убедительные признаки либо внедрения экстремистов в структуры власти, либо же достаточно тесного сотрудничества между религиозными экстремистами и представителями власти, которые зарабатывали на этом хорошие деньги. Согласно данным опубликованным в мировой прессе Азербайджан занимает стабильное место в первой пятерке стран – поставщиков боевиков в зоны боевых действий на территории Ближнего Востока, что является достаточно высоким показателем для самой толерантной и без преувеличения, самой светской страны мусульманском Востока. Азербайджанцы составляют примерно 5% от активно участвующих в военных подразделениях Исламского Государства, при том, что азербайджанцы составляют всего лишь 0,5% всех мусульман мира. Эта очень большая сеть проверенных и подготовленных экстремистов.

За контролем над салафитским сообществом борются 4 страны: Россия, Саудовская Аравия, США и Израиль. Усиление салафизма использовалось для создания противовеса Ирану, который К счастью, большинство этих денег были разворованы.

Действия экстремистов и их спонсоров не ограничиваются одной лишь поставкой живой силы террористам. Наши наблюдения дают возможность сказать, что в стране ведется планомерное разжигание нетерпимости, ненависти и агрессии между верующими, принадлежащими к разным толкам Ислама. Подобные усилия в итоге способны стать источником реальной угрозы национальной безопасности страны...

В начале этой статьи была затронута российская политика по созданию буфера путем изменения этнической картины региона. На современном этапе фактически продолжается создание буферной зоны на территории Азербайджана, однако, теперь путем изменения устоявшегося традиционного религиозного баланса в обществе. Более того, расширение влияния в Азербайджане таких нетрадиционных, радикальных течений как салафизм в регионах компактного проживания представителей национальных меньшинств (особенно на севере и северо-западе страны) еще больше увеличивает потенциал угрозы национальной безопасности. Все это происходит на фоне роста социально-экономической напряженности, недовольства населения и резкого падения уровня образования в стране. Так что, пора бить в колокола. Если уже не поздно, конечно...

Дискуссия по докладу

Хикмет Гаджи-заде. Что же нам делать в этой ситуации?

Арастун Оруджлу. В первую очередь надо начать дискуссии в широком формате, в том числе с участием представителей правительства. Все наше общество должно объединиться против этой угрозы нашей государственности и образу жизни. Надо ясно осознавать, что корабль тонет, и мы все находимся на этом корабле. Это может обернуться Сирией. Если 100 террористов, которые сейчас в Сирии вернутся в Азербайджан, то они смогут собрать 10000 людей вокруг себя. Потому, что идет интеллектуальная деградация общества. Немного денег и немного оружия хватит для того, чтобы собрать всех этих людей.

Айгюн Мурадханлы. А люди во власти, с которыми вы встречались, заинтересованы ли, да и готовы ли к таким дискуссиям?

Арастун Оруджлу. Они заинтересованы, но все они зависят от политического решения сверху. Они не встречаются без разрешения на это сверху.

Айгюн Мурадханлы. А есть ли в высших эшелонах власти такие, кто открыто заявляет о плачевной ситуации?

Арастун Оруджлу. В последнее время, да.

Аида Багирова: С кем власти готовы сотрудничать в этом вопросе?

Арастун Оруджлу. Они готовы сотрудничать со всеми. У них нет выбора. Но есть признаки внутривластной борьбы. Конкурирующие группировки мешают друг другу, много интриг во власти. Это заметно, например, по их отношению к предстоящему референдуму по новой конституции (*который должен пройти 21 сентября 2016 – ред.*). Власти заявляют международному сообществу, что цель референдума оставить олигархов, мешающим реформам, не у дел. Но это нонсенс... Насколько я знаю, западные демократические институты не приветствуют этот референдум и открыто говорят, что это может привести к плачевным последствиям.

Хикмет Гаджи-заде. Почему не арестовывают бывшего министра безопасности Эльдара Махмудова, обвиняемого, также и в пособничестве исламским радикалам?

Арастун Оруджлу. Власти занимаются возвращением сотен миллионов долларов, украденных и вывезенных им за границу, поэтому его не трогают. Но я не удивлюсь, если его скоро посадят. Отмечу, что в открытой прессе публикуются сведения о том, что в правительстве и в Министерстве безопасности имеются люди, активно способствующие рекрутирование наших граждан в ряды «Исламского государства».

Хикмет Гаджи-заде. Но почему они это делают, какой у них мотив?

Арастун Оруджлу. Это бизнес. Большие деньги. Вот и весь мотив

End of the Text

Участники проекта:

Hikmet Hadjy-zadeh, President, The FAR CENTRE, Baku, Azerbaijan

Aida Bagirova, Researcher, The FAR CENTRE

Turgut Bagirov, researcher, The FAR CENTRE